
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

СТИХОТВОРЕНІЯ
ВИКТОРА ТЕПЛЯКОВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВИКТОРА ТЕПЛЯКОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА СЕЛИВАНОВСКАГО.

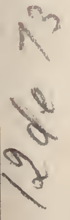
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1832 года Февраля 17 дня. *Ценсоръ Сергѣй Аксаковъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Никогда Поэзія не терпѣла, кажется, столькихъ гоненій, какъ въ наше время. Недавно прочли мы во Французскихъ Журналахъ разборъ новаго тома Стихотвореній Виктора Гюго. Нѣкоторые изъ сихъ Журналовъ намекаютъ, по видимому, на то, что время Поэзіи миновалось; что *идеи вѣка* требуютъ чего-то *болѣе положительнаго* и проч. и проч. — Конечно; но неужели въ самомъ дѣлѣ все должно быть поглощено теперь одной голой политикой; неужели безъ примѣса оной не осталось въ мірѣ ничего занимательнаго?—Безъ сомнѣнія, все въ подлунной должно болѣе или менѣе сообразоваться со вкусомъ своего времени, но, въ отношеніи къ свободнымъ искуствамъ, едва ли подобная истина можетъ быть исключительною; — и ктоже будетъ оспоривать общность страстей, точно такихъ же вчера, какъ сегодня; существованіе печалей и радостей, сродныхъ все-

му человѣчеству? — Вслѣдствіе сего, почему-жъ Поэзія — эта краснорѣчивая истолковательница нашего сердца утратила надъ нимъ только теперь всегдашнюю власть свою?

Какъ бы то ни было, мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ безусловно согласиться съ тѣми, кои почитаютъ Поэзію разсвѣтомъ общественнаго существованія: не все ли растетъ, не все ли совершенствуется вмѣстѣ съ человѣкомъ? Богатая тройственнымъ могуществомъ разума, чувствъ и слова, и по сему-то самому старшая сестра всѣмъ другимъ изящнымъ художествамъ, Поэзія, въ устахъ древнихъ закодателей, была истолковательницею высокихъ божественныхъ истинъ; въ твореніяхъ Омира — наперсницею общей и частной, религіозной и гражданской Исторіи. Полководцу Тиртею она служила громкой трубою, стремившею на брань бурныя Спартанскія полчища. Во всѣ времена и между всѣми народами истинная Поэзія сливала сыновъ съ безсмертными подвигами ихъ предковъ; была грозою утѣснителя, защитой и усладою безпомощнаго. И нашему ли вѣку, столь ярко озаренному *поэтическимъ* пробужде-

ніемъ внутренняго человѣка, и намъ ли, юнымъ питомцамъ своего вѣка позволено видѣть въ Поэзіи младенчество народовъ и почитать себя выше всѣхъ животворныхъ чудесъ ея? Когда можетъ устарѣть душа и сдѣлаться предметомъ пренебреженія для тѣла, движимаго ея могуществомъ? И кто болѣе насъ могъ замѣтить, до какой степени переплетены между собою вѣтви единаго древа — вѣтви многолиственнаго кедра наукъ, коего отрасли, не осыпанныя благоухающими цвѣтами Поэзіи, показались бы намъ дикими, сухими, безжизненными?— Отъ сего-то мы въ наше время и видимъ одну непрерывную цѣпь, коей кольца суть всѣ вообще знанія человѣческія; отъ сего же самаго должно происходить и наше равнодушіе ко всѣмъ наукамъ исключительнымъ.— Самъ Байронъ не представляетъ ли намъ иногда *поэтизированнаго* Локка и даже Шеллинга? Старожилы весьма неожиданно изумлены этимъ тѣснымъ союзомъ, коимъ Вальтеръ-Скоттъ и Барантъ связали Исторію съ Поэзіей самой выразительной. Въ Шатобріанѣ мы почти всегда видимъ политическаго Боссюэта; въ пѣсенникѣ Беранже —

представителя гражданской религіи своихъ соотчичей — Каннинга, говорящаго языкомъ ѣдкой сардонической Поэзіи. Обращаясь даже къ предметамъ отвлеченнымъ, къ наукамъ совершенно *положительнымъ* — въ Лапласѣ, Авторѣ *Системы міра*, не встрѣчается ли часто Поэзія самая возвышенная — и кто бы въ наше время предпочелъ глубокоученаго Д'Анвилля яркому, богатому жизнію Мальте-Брюну? Самъ Наполенъ, эта олицетворенная Поэзія, пренебрегалъ ли неотразимымъ могуществомъ слова, подобнаго сей побѣдительной молніи, которая у подножія пирамидъ вылетѣла изъ устъ его — и не они ли, не эти ли перуны составляютъ вмѣстѣ съ *Поэзіей* подвиговъ ослѣпительные лучи свѣтила, озарившаго Вселенную? — Нѣтъ сомнѣнія, что вѣкъ, воспитанный сими Атлетами, не можетъ слишкомъ высоко мыслить о барашкахъ Г-жи Дезульеръ, о хладномъ, мраморномъ парикѣ Буало, о накрахмаленной Поэзіи Расина; нѣтъ сомнѣнія, что Поэзія Сердечкиныхъ; надписи на ошейнички собачекъ, пряничные стишки на то, на другое — суть нынѣ анахронизмы самые не-

извинительные; но Тассъ, но Шекспиръ, но Корнель будутъ всегда, не взирая на совершенное различіе вкуса и времени, усладою сердца, истинно благороднаго.

Если, за всѣмъ тѣмъ, старая Западная Европа пресытилась — Богъ знаетъ почему — лебедиными пѣснями Геніевъ, освоившихъ ее со всѣми ладами лиръ своихъ, то по какой же причинѣ мы, едва ощутившіе потребность внутренняго существованія, охлаждаемъ подобнымъ равнодушіемъ своихъ возникающихъ Минстрелей? О чемъ, на примѣръ, думалъ Г. Докторъ Ястребцевъ, когда въ своемъ разсужденіи *о умственномъ воспитаніи* и проч. написалъ, что »стѣны городовъ не сооружаются уже нынѣ отъ звуковъ лиры, какъ стѣны Ѳивскія — и что — истинныя дарованія даются природою чрезвычайно рѣдко« — кто-жъ будетъ спорить съ нимъ, чтобъ земледѣлецъ, забывшій плугъ свой, Чиновникъ свою канцелярію, Офицеръ свой взводъ или роту для терзанія ушей нашихъ нанизанными кое-какъ виршами—не были людьми самыми жалкими; но не видать въ Гёте, въ Байронѣ, въ Гюго, въ Пушкинѣ призванія свы-

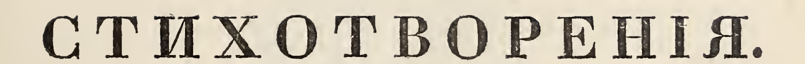
ше, кажется намъ также умствованіемъ довольно односторроннимъ.— «*Malheur à qui n'aime pas les poëtes!*» сказалъ Шатобріанъ. Крайности въ подобныхъ случаяхъ кажутся намъ никуда негодными и мы бы только тогда согласились съ Г. Ястребцевымъ въ потребности искать безусловно *физическаго благосостоянія*, когда бы онъ доказалъ намъ, что живое тѣло можетъ совершенно отдѣлиться отъ души, имъ управляющей. Человѣку — сыну природы весьма немногое надобно; въ необходимости же стремиться къ улучшенію своего физическаго быта, онъ слышитъ уже голосъ души, а какъ положить границы ея потребностямъ—и чѣмъ же поэзія виновата болѣе, нежели всѣ прочіе цвѣты общественнаго существованія? Повторяемъ, что человѣкъ кромѣ тепла, пищи и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ потребностей, можетъ все остальное назвать излишествомъ, роскошью и въ такомъ случаѣ, куда бы все это повлекло насъ? Но обратимся къ своему предмету.

Чѣмъ же, какой же Поэзіей успѣли мы до сихъ поръ пресытиться?—Гдѣ наши Шекспиры, Ге-

те, Байроны; гдѣ эта длинная цѣпь именъ знаменитыхъ? Не ужели Кантемиръ, Тредьяковскій и даже Ломоносовъ съ Державинымъ и Озеровымъ совершили вполнѣ ожиданія своего Отечества? Честь и слава Пушкину, Жуковскому, Батюшкову; но ими ли все для насъ должно кончиться? Мы привыкли къ этой холодной невнимательности, коею наша Публика привѣтствуетъ своихъ отечественныхъ Писателей; но посмотримъ, кто правъ, кто виноватъ въ этомъ случаѣ.—Если душа художника имѣетъ нужду въ созвучіи, въ сердечномъ отголоскѣ согражданъ своихъ, то тѣмъ болѣе художникъ — это вѣрное зеркало идеальной жизни своего отечества—долженъ, кажется, сберегать всѣми силами святую чистоту души своей. Мы не намѣрены разбирать разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, подавляющихъ у насъ истинное вдохновеніе, но этимъ ли піитическимъ насѣкомымъ—батракамъ какого нибудь литературнаго промышленника—негодовать на невнимательность публики?—Горестно, въ самомъ дѣлѣ видѣть, до какой степени наша Литература превратилась нынѣ въ меркантильность, самую ремесленную!

Проникнутые сей печальной истиной, мы долго колебались приступить къ изданію предлагаемыхъ Стихотвореній, тѣмъ болѣе, что Авторъ оныхъ не слишкомъ усердно о томъ заботится. Отдаленный съ давнихъ поръ отъ сферы отечественной Словесности; находящійся подъ вліяніемъ совершенно чуждыхъ ей впечатлѣній, онъ кажется намъ—и по выбору предметовъ, и по рисунку, и по колориту своихъ произведеній — весьма мало похожимъ на большую часть своихъ литературныхъ соотчичей.—Занятый теперь совсѣмъ иными предметами, онъ съ нѣкотораго времени только мимоходомъ жертвовалъ Фебу краткими досугами своего бродячаго существованія . . . Зачѣмъ предѣлы сего предисловія не дозволяютъ намъ передать Читателямъ ключа къ нѣкоторымъ изъ произведеній нашего поэта—вѣрнымъ зерцаламъ жизни, недавно развившейся—и уже богатой горькими опытами!... Нѣкоторые эпизоды оной были бы громкими поруками за неподдѣльность вдохновенія, покупавшагося очень часто цѣною того, чѣмъ человѣкъ наиболѣе дорожитъ въ здѣшнемъ мірѣ.

Издатель.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1824 — 1831.

—•✳•—

Canta o caminhante ledo
No caminho trabalhoso,
Por entre o espesso arvoredo:
E de noite o temeroso
Cantando refrea o medo.
Canta o preso docemente,
Os duros grilhôes tocando;
Canta o segador contente;
E o trabalhador cantando
O trabalho menos sente.

Camoëns.

Веселый странникъ поетъ во время труднаго пути своего чрезъ глубину лѣса, и когда посреди ночи, внезапный ужасъ объемлетъ его — пѣніемъ разсѣеваетъ онъ страхъ свой. Тихо поетъ затворникъ, сочетая свой голосъ съ отзывами тяжкихъ тюремныхъ запоровъ, имъ извлекаемыми. Земледѣлъ поетъ довольство свое; пѣніемъ услаждаетъ несчастливецъ свои горести.

БЛАГОТВОРНАЯ ФЕЯ.

Come vedi, ancor non m'abbandona.

DANTE.

I.

Царица — мать
Сильфидъ эѳирныхъ,
Тебя-ль опять
Въ долинахъ мирныхъ,
Въ тиши луговъ,
Межъ облаковъ,
Средь волнъ гремучихъ,
На грудахъ скалъ,

Въ лѣсахъ дремучихъ —
Мой идеалъ,
Мой добрый Геній,
Въ толпѣ видѣній
Встрѣчаю я?
Вдали отъ свѣта,
Какъ вновь согрѣта
Мечта моя!
Душѣ тобою,
Моей родною,
Былые сны,
И миръ, и радость,
И блескъ, и сладость
Моей весны
Возвращены.
Ея игрушки,
Ея гремушки
Вновь помню я!
Опять крылата,
Опять богата
Мечта моя!
Любовь, свободу
Слѣдитъ она;
Обнять природу
Душа сильна!
Мой Ангелъ нѣжный,

Мой другъ надежный,
Нагорныхъ струй
Твой гласъ журчанье;
Твой поцѣлуй
Цвѣтовъ дыханье!
Бывало — вмигъ
Младенца крикъ,
И грусть, и слёзы
Ихъ рай смягчалъ.
Румянцемъ розы
Твой ликъ пылалъ,
Когда, бывало,
Ты мнѣ мелькала
Въ златыхъ лучахъ
Денницы красной;
Когда въ лугахъ
Языкъ согласный
Пѣвцовъ лѣсныхъ,
Иль волнъ морскихъ
Ты объясняла,
О Фея, мнѣ!
Когда на днѣ
Рѣчномъ казала
Домà Духовъ:
Рядъ стѣнъ зубчатый,
Чудесъ палаты —

Изъ облаковъ.
Блѣднѣй ты лунныхъ
Была лучей;
Огней перунныхъ
Огонь очей
Казался ярче.
Твоя душа
Пылала жарче,
Когда, спѣша
Ночной грозою
Потѣшить взоръ,
Стихій борьбою
Съ приморскихъ горъ
Ты веселилась,
И съ береговъ
Потомъ стремилась. . . .
И средь валовъ,
Подъ гулъ громовъ,
Смѣясь, плясала —
И въ пѣнѣ ихъ
Кудрей густыхъ
Струи купала.
Или, когда
Царица ночи,
Любви звѣзда
Златыя очи

На темя горъ,
На мрачный боръ,
Дрожа, склоняла —
И ты со мной,
Рука съ рукой
Одна блуждала:
Вкругъ стѣнъ сѣдыхъ —
Развалинъ длинныхъ,
Церквей былыхъ,
Гробницъ старинныхъ; —
И рядъ людей
Вѣковъ минувшихъ,
И тѣни дней
Давно мелькнувшихъ —
Изъ подъ-земли,
Вставая мшистой,
Вились вдали
Чредой сребристой; —
Ты съ жизнью ихъ
Меня сливала,
Съ чудесъ былыхъ
Покровъ срывала; —
И духъ мой имъ,
Колоссамъ симъ
Тогда равнялся;
И надъ земнымъ

Орломъ младымъ
Превозвышался!

О, будь же ты
Всегда со мною!
Мои мечты
Живи собою;
Въ душѣ питай
Къ толпѣ презрѣнье,
И думъ волненье
Не утишай!

АРІАДНА

КАНТАТА.

Que fait-il donc, celui que sa douleur attend ?
Sans doute il n'aime pas celui qu'elle aime tant.

Alfred de Vigny. *Dolorida.*

II.

Ужъ берегъ Наксоса денницей озлатился,
Въ волнахъ затрепеталъ его румяный скатъ;
Глухой, не внятный гулъ въ ущельяхъ пробудился
От громкихъ пѣсенъ Ореадъ.

На влагѣ голубой корабль вдали бѣлѣетъ;
Но чей съ утеса взоръ, летя за нимъ, хладѣетъ?
Кто въ перси трепетной рукой себя разитъ?

На сумрачномъ челѣ отчаянье блуждаетъ,
Жемчужной пѣны волнъ блѣднѣе цвѣтъ ланитъ,
Эвръ кудри черныя со свистомъ развѣваетъ.
Чьи столь разительны, столь жалобны слова?
То дщерь Миносова: она зоветъ Тезея, —
Какъ въ бурю нѣжная лилея,
Ея въ тоскѣ на грудь поникла голова.

»Сокрылся счастья лучь отрадный —
Мертвящій мракъ въ душѣ моей,
Постой, безжалостный Тезей!
Услышь стенанье Аріадны,
Взгляни хоть разъ на берегъ сей!

»Эолъ! останови корабль его далёкій;
Къ нему съ мольбой моей, о вѣтеръ, поспѣши!
Быть можетъ... но вотще!.. безчувственный, жестокій,
Онъ презрѣлъ, онъ попралъ весь огнь моей души!
Прости-жъ, небесное любви очарованье!
Поблекли милые цвѣты существованья;
Исчезли призраки блаженства полныхъ дней!

»Но ахъ! постой, постой Тезей,
Услышь моленье Аріадны!

На мигъ печаль души разсѣй;
Еще единый взоръ очей —
Животворящій и отрадный!

»Не знавъ неопытной душой,
Что въ свѣтѣ есть обманъ, я знала, что есть радость;
Тебѣ я ввѣрила мою златую младость —
И все оставила, чтобы летѣть съ тобой:
Забавъ невинныхъ милый рой,
Чертоговъ царскихъ кровъ родной,
И въ нихъ — отца и мать съ кручиной безотрадной!

»Прекрасенъ садъ родимый былъ;
Но въ немъ, какъ лѣта зной нещадный,
Ты мигъ понѣжилъ — и убилъ
Цвѣтокъ, доселѣ ненаглядный!
Ахъ, я съ весельемъ за тобой
На край бы свѣта полетѣла!
Въ чертогахъ, въ хижинѣ простой,
Твоей рабою быть хотѣла!
Ловила-бъ рѣчи, взоры я,
Желанья-бъ друга затвердила;
Въ палящій полдень у ручья
Сама-бъ коней твоихъ поила.
На брань — я щитъ бы твой несла;
Стрѣлу пернатую средь боя,

От̃ъ груди милаго Героя,
Своей-бы грудью отвела!«

Умолкла. Тихо все, — лишь грозныхъ волнъ плесканье,
Лишь дикій отзывъ горъ, лишь птицъ морскихъ стенанье
Отвѣтомъ дѣвѣ молодой!
И между тѣмъ корабль исчезъ вдали сѣдой!
Вдругъ гласы Ореадъ въ ущельяхъ зазвучали,
И слившись съ гуломъ скалъ, брега очаровали.

»Спѣши, мотылёкъ
На нѣжный цвѣтокъ!
Розы весенней
Дыханье лови;
Что драгоцѣннѣй
Розы весенней? —
То роза любви.
Осень настанетъ —
Роза увянетъ,
Цвѣточикъ любви.
Пылкая младость,
Рѣзвую радость
Жадно лови!
Если-жъ, о младость!
Любови мечты,
И милую радость

Утратила ты —
Скорѣе, скорѣе
Нить жизни прерви!
Что сердца грустнѣе,
Безъ сладкой любви!«

Такъ пѣли Нимфы горъ; ихъ жалобные звуки
Младой страдалицы всю душу потрясли;
Въ струи густыхъ кудрей ужь не впивались руки,
Ужь слезы изъ очей несчастной не текли; —
Ихъ сердце сжатое въ отчаяньи снѣдало,
И будто изъ груди исторгнуться желало.
»Такъ! жребій оторвалъ желѣзною рукой
Во цвѣтѣ лѣтъ отъ сердца радость;
Простижь, Тезей! погибни младость!«
Сказала — и валы ужь плещутъ надъ главой.
Неукротимый Эвръ покровъ ея волнуя,
И въ черныхъ локонахъ неистово бушуя,
Ихъ влажнымъ саваномъ мгновенно обернулъ;
Волна холодная по груди простонала,
И на ея тяжелый гулъ
Лишь Гальціона отвѣчала.

26 августа 1828.

Выпьемъ разомъ и до дна
Море свѣтлаго вина!

Батюшковъ.

III.

Вчера былъ пиръ въ утробѣ скалъ,
Въ чертогахъ матери — природы;
Тряслись гранитные ихъ своды,
Сверкалъ, шипѣлъ златой бокалъ.
Приличья свѣта, вздоръ тяжёлой
Бѣжали отъ семьи весёлой.
Тамъ, слившись пламенной душой,
Въ мгновеньи сладкомъ исчезая,

Во снѣ безпечности златой,
Рѣзвилась юность удалая.
Мечтая слаще и живѣй
Объ играхъ младости своей,
Тамъ старость искренно мирилась
Съ безумной, вѣтреной толпой,
И съ нею радостно кружилась
По этой залѣ вѣковой!

К Ъ * * *

All mein Sehnen will ich, all mein Denken,
In des Lethe stillen Strom versenken,
Aber meine Liebe nicht.

SCHILLER.

IV.

I

Я твой, я твой, когда огонь Востока
Моря златитъ;
Я твой, я твой, когда сафиръ потока
Луна сребритъ.

II

Я зрю тебя, когда въ часъ утра бродитъ
Туманъ сѣдой;
Въ глухую ночь, когда пришлецъ находитъ
Пріютъ святой.

III

Ты мнѣ слышна, когда въ рѣкѣ игривой
Журчитъ струя;
Слышна — когда въ дубравѣ молчаливой
Блуждаю я.

IV

Свѣтило-ль дня надъ моремъ умираетъ
Въ странѣ чужой —
И въ хорѣ звѣздъ рубиновыхъ мелькаетъ
Мнѣ образъ твой!

ГАНИМЕДЪ.

. . . . Младый Ганимедъ, небожишелямъ равный.
Испинно былъ на землѣ онъ прекраснѣйшій сынъ человѣвовъ!
Онъ-то богами и взяшъ въ небеса, виночерпцемъ Зевесу,
Опрокъ прекрасный, дабы обишалъ средь сонма безсмершныхъ.

Иліада, П. XX. Сш. 231.

V.

На скалахъ лѣсистой Иды
День алмазный догоралъ,
И лазурный одръ Ѳетиды
Яркимъ блескомъ осыпалъ.
И надъ пѣной волнъ игривой
За Киѳерою ночной,
Какъ за прелестью стыдливой,
Покатился молчаливо
Мѣсяцъ блѣдно-золотой.

Долгой ловлей утомленный,
Съ лукомъ спущеннымъ у ногъ,
Близь Гаргары осребренной
Спалъ прекрасный полубогъ.
Братъ-ли это Галатеи —
Изваянный сердца бредъ?
Иль возлюбленный Психеи?
Иль томимой страстью Феи
Фантастическій предметъ?

Или чадо розы юной,
Другъ златаго мотылька? —
Нѣтъ, подобнаго въ подлунной
Не видалъ никто цвѣтка!
На ланитахъ полныхъ рдѣетъ
Блескъ вечернихъ облаковъ;
Мраморъ на груди бѣлѣетъ;
Въ розахъ устъ волшебныхъ млѣетъ
Сладострастная любовь.

И какъ ленты струевыя
Въ чистомъ озера стеклѣ,
Бьются жилки голубыя
На опаловомъ челѣ.

Нѣгой дышетъ вѣтръ игривый,
По густымъ рѣзвясь кудрямъ,
И склоняя ихъ извивы,
Какъ листы плакучей ивы
Къ алебастровымъ плечамъ.

Кто сорветъ цвѣтокъ чудесный?
Къ сердцу кто его прижметъ?
Взгляньте: тмится сводъ небесный,
Громъ надъ юношей реветъ!
И сверкнулъ перунъ летучій,
И уснувшій вздрогнулъ долъ,
И колебля мракъ зыбучій,
Выплываетъ изъ-за тучи
Громовержущій Орёлъ.

Быстрой, мѣткой онъ стрѣлою
Палъ на юношу. . . . — и вмигъ
Съ нимъ заоблачной стезёю
Трона Зевсова достигъ.
И его, какъ бурь крылами
Съ древа свѣянный листокъ,
Бросилъ тамъ, между звѣздами,
Гдѣ эѳиръ бѣжитъ струями
У Юпитеровыхъ ногъ.

Въ небѣ темномъ и волнистомъ
Мчались тучи; громъ леталъ;
Зевсъ надъ сонмомъ ихъ огнистымъ
Жадно юношу лобзалъ.
И своихъ восторговъ диво,
Таинство любви своей,
Упоенный и ревнивый,
Мракомъ тучи молчаливой
Отъ земныхъ сокрылъ очей. . . .

ЗЛАТАГО МАЯ ВѢТЕРОКЪ.

О! дозволь мнѣ, милая дѣва обвить твоими руками шею мою.

Гафизъ.

VI.

Златаго Мая вѣтерокъ,
Зачѣмъ ты грудь мою лобзаешь?
Зачѣмъ серебряный потокъ
Въ зеленой рощѣ ты вздыхаешь?
Зачѣмъ въ тиши ночной ты свищешь, соловей? —
Я слышалъ звукъ ея плѣнительныхъ рѣчей!
Зачѣмъ въ огнѣ златой денницы
Слеза небесная на ландышѣ горитъ? —

Я видѣлъ блескъ ея пурпуровыхъ ланитъ;
Я видѣлъ небеса сквозь темныя рѣсницы!
Огнемъ зажженный неземнымъ,
Мнѣ въ душу взоръ полупонятный
То блескомъ солнечнымъ своимъ,
То лунной влажностью закрался, благодатный!
О Пери юная, что нектаръ ароматный
Предъ упоительнымъ дыханіемъ твоимъ!
Въ забвеньи огненномъ уста твои лобзая,
Въ немъ душу Майскихъ розъ мечта моя пила: —
Когда-жь суровость ледяная
Слетитъ съ лилейнаго чела?
Когда душа твоя сольется
Съ моей, въ отрадной тишинѣ,
И сердце вспыхнетъ и забьется
У сердца друга — не во снѣ?....

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Adieu, et que l'ange gardien des sots............ soit avec vous!

SALVANDY.

VII.

Что дѣлать съ ней? она мила!
Она меня съ ума свела;
Но голосъ сердца ей не внятенъ;
Но какъ Амуръ она слѣпа:

Языкъ любви ей непонятенъ,
А на другомъ — она глупа! . . . .

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ.

Laissez-moi rêver seul au désert de mon être !

VICTOR HUGO.

VIII.

I

Видали-ль вы, какъ съ мотылькомъ дитя
Въ родномъ саду надъ розами играетъ?
Видали-ль вы, какъ зеркало ручья
Лазурь небесъ весною отражаетъ? —
— Такъ жизнь ясна,
Пока лелѣетъ,
Питаетъ, грѣетъ
Ея мечты сердечная весна!

II

Слыхали-ль вы сей чудный, милый стонъ,
Пѣснь соловья въ дубравѣ одинокой? —
Хотите-ль знать, какое горе онъ
Таитъ въ своей мелодіи жестокой? —
— И рай, и адъ
Намъ горе это:
То жизни лѣто,
То степи зной, то розы ароматъ!

III

Блуждали-ль вы надъ моремъ въ этотъ часъ,
Когда оно бесѣдуетъ съ громами;
Грозитъ землѣ — и къ небесамъ стремясь,
Вступаетъ въ бой съ ихъ ярыми стрѣлами? —
— Такъ жизнь кипитъ:
Стихій боренье —
Страстей волненье,
Когда въ душѣ ихъ осень зашумитъ!

I‘

Видали-ль вы, какъ блѣдный ликъ луны
Свой тихій лучъ на хладный снѣгъ наводитъ? —

— Такъ жизнь полна холодной тишины,
Когда зима сердечная приходитъ! —
Она скуётъ
Души порывы;
Но сонъ счастливый;
Но бредъ любви не вмѣстѣ-ль съ ней пройдётъ!

ЗАТВОРНИКЪ.

Земля! не покрывай кровь мою; да не заглушатся мои стенанія въ нѣдрахъ твоихъ.

Іовъ.

IX.

I

Земнаго бытія здѣсь нѣтъ;
Не тишина здѣсь гробовая: —
Здѣсь хладъ души, здѣсь сердца бредъ;
Здѣсь жизнь, покинувъ милый свѣтъ,
Жива, всечасно умирая!

II

Зари румяной узникъ ждетъ;
Но въ безднѣ-ль сей она взыграетъ!
Святую жалость онъ зоветъ: —
Гдѣ жалость? гдѣ? — Надъ сводомъ сводъ
Его рыданья заглушаетъ!

III

Какъ корни древа перевитъ
Дедалъ страданій подъ землёю;
Тюрьма тюрьму во мглѣ тѣснитъ;
Ручей медлительный бѣжитъ
Зеленой по стѣнамъ змѣёю.

IV

Въ нихъ сна вотще зѣницы ждутъ —
И между тѣмъ въ сей мглѣ печальной
Безъ пробужденья дни текутъ;
Минуты черныя бредутъ,
Вѣковъ огромныхъ колоссальнѣй.

V

Вотще за мыслью мысль летитъ,
Въ хаосѣ гибельномъ вращаясь: —
Отъ думъ нестройныхъ міръ бѣжитъ;
Безумства ядъ душѣ грозитъ,
Во всѣ мечты ея впиваясь.

VI

И въ чернотѣ-ль сей глубины
Еще живутъ воспоминанья? —
Льютъ въ сердце звуки старины,
И шумъ земной, и счастья сны,
Какъ дальней музыки бряцанье!

VII

Здѣсь шумъ единый — вѣтра вой;
На башнѣ крикъ ночнаго врана,
Часовъ церковныхъ дальній бой;
Да крики стражей, да порой
Трескъ зареваго барабана.

VIII

Почто-жъ душа къ своимъ летитъ? —
Ахъ, ни на мигъ слеза родная
Здѣсь грусть души не усладитъ! —
Съ ней звукъ цѣпей здѣсь говоритъ;
Здѣсь слезы пьетъ земля сырая.

IX

Какъ знать? — быть можетъ, надъ землёй
Ужь солнце вешнее играетъ;
А въ сей пучинѣ — мракъ сырой;
Здѣсь хладъ осенній и весной
Всю въ жилахъ кровь оледеняетъ.

X

Но если солнечнымъ лучёмъ
Мой взоръ ужъ больше не плѣнится,
То надъ страдальческимъ одромъ
Пускай хоть ярый Божій громъ,
Примчась къ оковамъ, разразится!

XI

О, если-бъ узникъ могъ схватить
Стрѣлу перуна огневую,
Чтобъ ею грудь себѣ пронзить! . . . .
Но нѣтъ, страданью-ль позабыть
Десницу Промысла святую!

XII

О, хоть въ видѣньи ты ночномъ,
Моя Психея, мнѣ явися!
О другѣ гибнущемъ своёмъ
Вздохни, заплачь передъ Творцомъ,
Иль горю горько улыбнися! . . . .

ИЗГНАННИКЪ.

Tu proverai si come sà di sale
 Lo pane altrui, e come è duro calle
 Lo scendere e l'salir per l'altrui scale;
E quel che più ti gravera le spalle
 Sarà la compagnia malvagia e scempia
 Con la qual tu cadrai in questa valle.

DANTE.

X.

Морозъ и полночь на дворѣ;
Бунтуетъ вихрь въ пустынномъ полѣ;
Таится звѣрь въ своей норѣ;
Не смѣетъ хищный вранъ разбойничать по волѣ.
Что-жь ты одинъ собрался въ путь?
Иль подъ навѣсомъ бури шумной
Ты хочешь, юноша безумный,
Дремотой ледяной глаза свои сомкнуть? —

— Пора, пора! коней ведите! —
Зовутъ!... изгнанника семья,
Отчизна, братья и друзья,
Простите, милые, простите!
Старикъ — отецъ, дай руку мнѣ!
Бальзамъ святаго утѣшенья
Мнѣ въ грудь твое благословенье
Прольетъ въ далекой сторонѣ!...
Увы! зачѣмъ твои морщины
Слеза родная бременитъ?
Ты видишь: я смѣюсь надъ прихотью судьбины,
(Какъ голова моя горитъ!)
Не плачь, старикъ! твои сѣдины
Небесный Царь да сохранитъ!

— Не плачь, не рвись, моя родная!
Ты видишь: бодръ и веселъ я;
О! не колеблется-ль родимая земля,
Какъ будто убѣжать отъ ногъ моихъ желая? —

И скрылась наконецъ она;
Ужь снѣгъ отчизны не бѣлѣетъ;
Чужая, знойная страна:
Степей увядшихъ пелена
Передъ изгнанникомъ желтѣетъ.

Теперь-то въ мірѣ онъ одинъ,
Гонимый ненавистью рока;
Чужаго града гражданинъ,
Во рву Іосифъ одинокой!

Пришлецъ! гдѣ твой родимый кровъ?
Не въ этой-ли узнать пустынѣ
Супруги хочешь ты любовь,
Душой воскреснуть въ юномъ сынѣ? —
Тоски-ль тебя терзаетъ ядъ,
Недугъ-ли злой одолѣваетъ —
Лицъ незнакомыхъ чуждый рядъ
Тебя съ усмѣшкой окружаетъ!
Вотще въ послѣдній часъ изгнанника рука
Родную руку сжать желаетъ: —
Семья страдальца далека. . . .
Онъ взоры смутные бросаетъ —
Въ надеждѣ ликъ родной узнать,
Слезу участья отыскать:
Вотще! — и меркнущіе взгляды
Со вздохомъ вновь падутъ на грудь.
Несчастный, нѣтъ тебѣ отрады;
Тебѣ ихъ некому сомкнуть!
Лишь твой слуга, наемникъ хладный,
Свидѣтель гибели твоей,

Тебя мертвитъ въ душѣ своей,
И взоръ вокругъ бросая жадный,
Твое родимое добро:
Ковры, одежды, серебро
Блюдетъ очами хищной птицы! —
Что нужды! пусть мои зѣницы
Закроетъ Промысла рука! —
Изсякнетъ въ нихъ слеза страданья.
О, будь-же ты, земля изгнанья
Надъ гробомъ страго легка! . . . .

СТРАННИКИ.

Я гражданинъ Вселенной.
Сократъ.
Я вездѣ чужестранецъ.
Аристиппъ.

XI.

П е р в ы й.

Блаженъ, блаженъ, кто жизни мигъ крылатый
Своимъ богамъ — Пенатамъ посвятилъ;
Блаженъ, блаженъ, кто дымъ родимой хаты
Дороже розъ чужбины оцѣнилъ!
    Родной весны цвѣты златые,
    Родной зимы снѣга сѣдые;

Разсказы няни, игры дѣвъ;
Косца знакомаго напѣвъ;
Знакомыхъ пчелъ въ саду жужжанье;
Домашнихъ псовъ далекій лай;
Родныхъ потоковъ лепетанье —
О край отцовъ, волшебный край!
Сердечныя очарованья,
Забуду-ль васъ!

Вторый.

Блаженъ, блаженъ, кто моря зрѣлъ волненье;
Кто Божій міръ отчизною назвалъ;
Свой отдалъ путь на волю Провидѣнья,
И воздухомъ Вселенной подышалъ!
Бродячей жизни бредъ счастливый,
Ты, какъ поэта сонъ игривый
Разнообразіемъ богатъ!
Сегодня — кровъ убогой хаты,
Деревня, пашни полосаты;
А завтра — пышныхъ зданій рядъ!
Искуствъ волшебныя созданья,
Священный Генія завѣтъ;
Чудесъ минувшихъ яркій слѣдъ;
Народовъ пѣсни и преданья!

. . . .

Первый.

Настала осень. Надъ холмами
Туманы влажные висятъ;
За море лебеди летятъ;
Овинъ наполнился снопами.
Румянымъ блескомъ боръ покрытъ;
Ловитвы рогъ въ горахъ звучитъ;
Съ ружьемъ, съ сосѣдомъ въ полѣ чистомъ
Гарцуетъ мирный домосѣдъ; —
Ужъ ночь надъ доломъ серебристымъ:
— Пора домой! ко мнѣ, сосѣдъ!
Вошли. Лилета суетится;
Каминъ отрадный запылалъ;
Какъ жертва, ужинъ ихъ дымится;
Хрустальный пѣнится бокалъ.

Вторый.

Сосѣдъ, ружье, каминъ, Лилета,
И вновь ружье, каминъ, сосѣдъ: —
Однообразна пѣсня эта!
Безцвѣтенъ твой сердечный бредъ!
Среди-ль полей своихъ широкихъ
Встрѣчалъ ты длинный рядъ вѣковъ,
Бродящихъ межъ сѣдыхъ столбовъ,

По заламъ замковъ одинокихъ?
Съ сосѣдомъ ли ты зрѣлъ своимъ
Природы блескъ, морей равнины?
Какъ счастливъ странникъ! передъ нимъ
Что шагъ — то новыя картины:
Тамъ — изумрудный рядъ холмовъ;
Тамъ — разноцвѣтныхъ горъ вершины,
Въ одеждѣ новыхъ облаковъ.
Тамъ — солнца новаго сіянье,
Луна надъ боромъ вѣковымъ;
Иль неба съ моремъ голубымъ
Въ дали румяной сочетанье.

П е р в ы й.

Зима. Клоками снѣгъ валитъ;
Сводъ неба блѣдный и туманный,
Какъ саванъ надъ землей виситъ. —
»О! гдѣ же ты, пріютъ желанный?«
Печальный странникъ говоритъ. —
»Усталъ я! ночь на землю льется,
Бунтуетъ вѣтръ въ глуши лѣсной;
Вокругъ мятель сѣдая вьется —
Нѣтъ крова! нѣтъ страны родной!«
Но вотъ избушка въ темномъ полѣ;
Въ ней брежжетъ яркій огонекъ:

Радъ странникъ! радъ — чего же болѣ?
Есть теплый на ночь уголокъ!
Вошелъ. Тамъ мирною толпою
Вокругъ трескучаго огня,
Дѣлясь безпечностью златою,
Сидитъ счастливая семья.
Младой пришлецъ ночлега проситъ;
Но вотъ сухой, холодный взглядъ
Отвѣтъ понятный произноситъ —
И странникъ новый въ сердцѣ ядъ
Далеко отъ людей уноситъ.
Ахъ, то-ль на родинѣ святой!
Тамъ зеркаломъ души родной
Ему людей казались взоры —
Иль это бредъ?

Второй.

Обманъ пустой!
Не сердце ль наше, милый мой,
Есть истинный сосудъ Пандоры?
Конечно — много чудаковъ!
Конечно — многихъ пустяковъ
Намъ стоютъ злые ихъ проказы:
Кровавыхъ слезъ, жестокихъ сновъ;
Но какъ же избѣжать заразы?

Она шипящею змѣёй
Весь міръ подлунный обвиваетъ,
И меньше всѣхъ лишь тотъ страдаетъ,
Кто радъ, какъ я, товарищъ мой,
По свѣту пестрому скитаться,
Затѣмъ, чтобъ сердце приучить
Во всей вселенной дома быть; —
Съ людьми пріятельски встрѣчаться;
Съ одними — скромно поболтать,
Съ другими — смѣло помолчать;
Надъ Арлекиномъ посмѣяться,
Съ людьми честными — позѣвать!

Первый.

Согласенъ. Но одной отрадой,
Одной небесною лампадой
Творецъ нашъ жребій озарилъ.
Мой другъ, быть можетъ, съ ней одною,
Съ сей тихой, ясною звѣздою
Намъ свѣтъ роднаго неба милъ!
Съ тобой, любовь, алтарь сердечный,
Двухъ душъ священный ѳиміамъ;
Союзъ божественный. . .

Второй.

Конечно!

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Первый.

Вотще сей горькой клеветой,
Личиной грусти ледяной
Язвитъ любовь твой смѣхъ притворный; —
Она росою благотворной
Твой зной сердечный прохладитъ,
Смягчитъ твой духъ окаменѣлый,
Съ надеждой сердце примиритъ:
О лучь души осиротѣлой!
Потокъ въ пустынѣ бытія,
Любовь, сестра священной Вѣры,
Лилея Ангеловъ. . . .

В т о р ы й.

Химеры!
Гдѣ-жь эта чистая струя?
Гдѣ эту райскую лилею,
Въ какой степи, въ какой глуши
Я всемъ огнемъ моей души
У сердца бѣднаго согрѣю? —
Мечты! нашъ лобъ любви престолъ;
Зацһговъ носъ ея символъ;
Приманка — ножницы Далилы. . .
Но я волшебницу нашёлъ;
Моей Армиды образъ милый
Со мной вездѣ, во всѣхъ краяхъ:
Катится-ль солнце въ небесахъ,
Летитъ ли птичка надо мною —
Я говорю: мы вновь съ тобою
Въ иныхъ увидимся странахъ! . . .

Г. А. Римскому-Корсакову.

КАВКАЗЪ.

Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья! . . . .

Пушкинъ.

XII.

Отчизна горъ въ моихъ очахъ,
Окаменѣлые Гиганты предо мною;
Громады мрачныя, какъ будто на часахъ
Стоятъ гранитною стѣною.
Въ вѣнцѣ изъ темнаго кустарника одна,
Зеленымъ бисеромъ унизана другая;
Тамъ — голыхъ скалъ семья чернѣетъ вѣковая,
Надъ ней волнистыхъ тучъ клубится пелена. . . .

Подъ тяжкими ея стопами
Вокругъ богатыми махровыми коврами
Луга холмистые лежатъ.
На нихъ, изъ сердца горъ, кипучіе фонтаны,
Бушуя, серебромъ растопленнымъ летятъ;
Въ гранитныхъ броняхъ великаны,
Склонясь на пропасти, ихъ грозно сторожатъ; —
И тихо рѣчка голубая,
Змѣёй сапфирною утесы обвивая,
Журчитъ межъ каменныхъ стремнинъ.
Но кто сей мрачный властелинъ?
Иль замокъ мрачнаго громадъ сихъ властелина? —
Огромный, съ башнями зубчатыми дворецъ;
Рядъ острыхъ скалъ его вѣнецъ,
Сѣдая дымка тучъ одежда исполина. —
Ты-ль, *пасмурный* Бешту, колоссъ сторожевой,
Въ туманѣ облаковъ чело свое скрывая,
Горъ пятиглавый царь, чернѣешь предо мной
Въ дали, какъ туча громовая?
Такъ, такъ, ужь не во снѣ *я новый* зрю ***Парнассъ!***
Ужь не восторженный *богинею разсказа*,
О люди, здѣсь я выше васъ
Всей дивной вышиной Кавказа!
Здѣсь, на скалахъ Бешту, въ утробѣ сихъ громадъ —
Въ чертогахъ матери-природы;
Здѣсь, гдѣ гранитные ихъ своды

Со мною о вѣкахъ минувшихъ говорятъ!
Проснитесь, спящіе подъ ихъ навѣсомъ годы!
Вѣщай, отчизна горъ, которая скала
Кровь Прометееву пила?....
Скажи, какъ онъ страданій вѣчность,
Неволи горькой безконечность
За дружбу къ смертному сносилъ? —
И никогда душой высокой
Глухую непреклонность рока
О примиреньи не молилъ?....
Но посмотрите, какъ съ Востока
Завѣса палевыхъ, свинцовыхъ облаковъ
Свернулась, движется, сбѣгаетъ....
И что-жь? — за нею міръ Духовъ,
Изъ перловъ созданный, мелькаетъ!
Я вижу зданія янтарныхъ городовъ,
Покрытыхъ тонкими изъ снѣга кружевами:
Тамъ Сфинксы дивные; тамъ странныхъ ликовъ рядъ:
Изида, Озирисъ — живой хрустальный садъ
Въ туманѣ розовомъ сліялись съ небесами!
Но ты, святой Эльбрусъ, [1] ты будто конь сѣдой,
На коемъ смерть предстанетъ міру, [2]
Къ свѣтилу вѣчному, къ далекому эѳиру
Вознесся снѣжною главой!
Ровесникъ міра величавый,
Какой орелъ взлеталъ на твой вѣнецъ двуглавый! [3]

Всемірный Океанъ тебя не поглотилъ:
Твой верхъ, какъ мазволей надменный,
Бѣлѣлъ надъ влажною могилою вселенной
И первой пристанью любимцу Неба былъ! [4]
Ты видѣлъ, какъ на міръ тотъ ураганъ могучій
Своихъ несмѣтныхъ силъ мчалъ громовыя тучи; [5]
Ты слышалъ вой ихъ стрѣлъ, ихъ бурной Керны гласъ.... [6]
Но страшный метеоръ угасъ —
И силы грознаго — дымъ, пепла прахъ летучій!
О вы, которыхъ всѣ мечты
Къ землѣ продажною прикованы душою,
Рабы ничтожной суеты,
Придите съ дикою громадъ сихъ красотою
Кумиръ души своей сравнить!
Но нѣтъ! — Пигмеямъ ли о мѣлкихъ ихъ заботахъ,
О ихъ тщеславіи, о хладныхъ ихъ разсчетахъ
Съ престолами громовъ небесныхъ говорить!

Степей обширною темницей утомленный,
Какъ радостно, отчизна горъ,
Мой на тебя открылся взоръ!
Восторженный, обвороженный
Красой твоихъ пустынныхъ скалъ,
Какъ часто въ дикіе дедалы
Я на залетномъ ихъ납 нитомцѣ проникалъ!
Какъ часто пировать въ порфировыя залы

Чадъ Эпикуровыхъ сбиралася семья!
Но вы ужь скрылися, счастливые друзья,
Какъ это солнце золотое,
Какъ это небо голубое,
Какъ эта теплая Кавказская весна!
Какъ ты мертва теперь, пустынная страна!
Какъ молчалива ты! лишь вѣтръ въ ущельяхъ мшистыхъ
Трепещетъ — и съ вершинъ кремнистыхъ
Отъ скалъ отторженный гранитъ
Въ глухія пропасти катитъ. . .

КЪ МЕЧТАТЕЛЬНИЦѢ.

Eine kannt' ich, sie war wie die Lilie schlank,
und ihr Stolz war
Unschuld; herrlicher hat Salomo keine
gesehn.

Goethe.

XIII.

I

Ясно небо; полдень Майской
Вѣетъ сердцу нѣгой райской;
Онъ угаснетъ, какъ любовь,
Коей призракъ мы ласкали;
Какъ твои, мои печали
Онъ польется съ неба вновь.

II

Ясно море; блещутъ волны;
У бреговъ рыбачьи чёлны
Легкой зыблются струёй.
Съ небосклона, какъ живыя
Горы, башни золотыя
Сходятъ къ влагѣ голубой.

III

Кто мнѣ крылья дастъ орлины,
Чтобъ чрезъ синія пучины
Перенесть тебя, мой другъ —
Въ ту страну, въ тотъ міръ воздушной,
Гдѣ не грустно, гдѣ не скучно,
Гдѣ давно живетъ твой духъ!

IV

Пышенъ лѣсъ; изъ темной чащи
Заунывной флейты слаще
Льются пѣсни соловья. —
Не изъ сихъ ли звуковъ милыхъ,
Нѣжныхъ, пламенныхъ, унылыхъ
Создана душа твоя?

V

Пышенъ садъ; подъ темной ивой
Тянется ручей лѣнивой;
По дорожкамъ бродитъ лѣнь.
Сильфа-ль скрытаго дыханье,
Иль твоей любви лобзанье
Льетъ лиловая сирень?

VI

Тайной области Царица,
Голосъ твой — Духовъ цѣвница,
Взоръ — услада бытія!
Часто грусть въ улыбкѣ зрится,
Перлъ души съ рѣсницъ катится: —
Мнѣ понятна грусть твоя!....

VII

Солнце Божіе сіяетъ,
Небо сердцу посылаетъ
Вздохи Ангеловъ своихъ. —

Не о насъ они тоскуютъ!
Взглянь: ужь тучи ихъ бунтуютъ;
Ужь летятъ перуны ихъ!

THE BLUE STOCKINGS.

. . . les femmes docteurs ne sont point de mon gout.
LES FEMMES SAVANTES. A. I. Sc. III.

XIV.

Пріятно предъ роднымъ Пенатомъ
Скитальца посохъ положить;
Пріятно дядюшкой Филатомъ
Скорѣй Плутона угостить.
Пріятно старую кокетку
Сарказмомъ горькимъ растерзать;
Пріятно милую сосѣдку
Женой-хозяйкою назвать.

Пріятно также, въ часъ разлуки
Ея субретку ради скуки
Разсѣянно поцѣловать. —
Но чепчикъ, полный мистицизма,
Политики и романтизма
Всего пріятнѣй потрепать! . . . .

ВОТЩЕ ДУША ОБНЯТЬ СЕЙ МІРЪ.

❈

Est Deus in nobis. . . . .
Ovid.

❈

XV.

Вотще душа обнять сей міръ
Огнемъ всѣхъ чувствъ своихъ желаетъ,
И тлѣнный въ немъ себѣ кумиръ
Изъ благъ земныхъ сооружаетъ.
Вотще она по морю бѣдъ
За каплей счастія стремится,
И въ здѣшнемъ мракѣ видѣть льстится
Своей отчизны милый свѣтъ. —

Обманъ, обманъ!... но есть мгновенья,
Когда въ божественномъ забвеньи,
Сама въ себя погружена,
Груститъ о родинѣ она!
Небесный Ангелъ разрѣшаетъ
Ее тогда отъ здѣшнихъ узъ,
И благодатный заключаетъ
Съ ней родины ея союзъ.
Съ какимъ презрѣніемъ взираетъ
На здѣшній міръ она тогда:
О, сколь въ немъ блескъ ея напрасенъ!
Сколь жаръ къ прекрасному опасенъ!
Сколь здѣшнихъ благъ тускла звѣзда!

ПОСЛѢДНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ***

De vous laisser qui donc me presse?
Quelle voix me parle sans cesse
Et de lutter et de souffrir?

JOSEPH DELORME.

XVI.

I

Въ златомъ огнѣ горитъ зеленый, дальній лѣсъ;
Ужь солнце на краю пурпуровыхъ небесъ
Растетъ — и на луга румяный блескъ наводитъ.
Бывало, въ этотъ часъ, она во тмѣ дубровъ,
Надъ свѣтлой рѣчкою, по бархату луговъ
Со мной, какъ лучь вечерній, бродитъ.

II

Бывало въ этотъ часъ, когда въ лѣсной глуши
Напѣвы соловья, какъ стонъ больной души,
Льютъ въ сердце тайну мукъ, кипящей тщетно страсти —
Тогда забывъ весь міръ, за тихою струёй,
Подъ склономъ темныхъ липъ, мы ясною мечтой
Текли, не вѣдая напасти.

III

Бывало. . . . но зачѣмъ, зачѣмъ воспоминать
О томъ, чѣмъ никогда ужь сердцу не дышать!
Какъ птичка-странница, собравшись въ путь воздушной,
Отъ хладной осени на теплый вьется югъ —
Такъ, такъ, природа—мать, къ тебѣ рвался твой другъ
Отъ свѣта, отъ толпы бездушной!

IV

Ахъ, онъ рвался къ странѣ, гдѣ милые цвѣли ! . . .
Гдѣ думы юныя, бывало, отъ земли
Далеко на крылахъ орлиныхъ улетали!
Тамъ чаялъ онъ спасти послѣдній жизни цвѣтъ
Отъ язвы. . . отъ людей. . . — коварный сердца бредъ !
Улыбка на устахъ печали !

V

Прости-жь, волшебный край! грозой утомлено
Спитъ море; — тигра сонъ! не вѣрь ему: оно
Предъ новой бурею такъ страшно помертвѣло!
Что нужды! челнъ готовъ, натянутъ парусъ мой —
Пускай бунтуетъ вѣтръ! мнѣ сладокъ бури вой;
Мнѣ горе жизни надоѣло!

ВОТЩЕ МЕНЯ ТЫ ХОЧЕШЬ ПОДРУЖИТЬ.

On est détrompé sans avoir joui; il reste encore des désirs, et l'on n'a plus d'illusion. L'imagination est riche, abondante et merveilleuse; l'existence pauvre, sèche et désenchantée. On habite avec un coeur plein, un monde vide et sans avoir usé de rien, on est désabusé de tout.

CHATEAUBRIAND.

XVII.

Вотще меня ты хочешь подружить
Своей любви съ младенческой мечтою;
Вотще свою желаешь душу слить
Съ моей въ тоскѣ истлѣвшею душою.
Ахъ, соловья задумчивый напѣвъ
Въ дни осени дубраву не плѣняетъ;
И радость, гробъ нечаянно узрѣвъ,
Какъ черное страданіе рыдаетъ!

Вотще мнѣ рай твой милый взглядъ сулитъ. —
Что мертвому въ привѣтливой денницѣ? —
Пусть на твоей каштановой рѣсницѣ
Слеза любви волшебная дрожитъ; —
Пускай мнѣ грудь, скатясь, она ласкаетъ; —
Увядшій цвѣтъ роса не оживляетъ!
Въ былые дни я самъ бы усладилъ
Твою любовь сихъ слезъ очарованьемъ;
Теперь ихъ нѣтъ; съ отраднымъ упованьемъ
Ихъ въ сердцѣ рокъ давно оледѣнилъ!
. . . .
. . . .
Со мной одна, прекрасная, блуждая
Задумчиво по бархату луговъ,
Порой, когда денница молодая
Льетъ пурпуръ свой во мракъ густыхъ лѣсовъ,
И запоетъ, птенцовъ своихъ лаская,
Дубравная пѣвица про любовь —
Дивишься ты, что сердце мнѣ терзаетъ
Змѣя тоски и въ милыхъ сихъ мѣстахъ,
Что прежнихъ думъ душа не почерпаетъ
Въ божественныхъ природы красотахъ!
Въ палящій зной, полуденной порою,
Подъ сѣнью липъ скрываяся со мною —
Тамъ, гдѣ, журча, серебреный потокъ
Студеныхъ струй прохладу разливаетъ,

Гдѣ лилію цѣлуетъ мотылёкъ,
И чуть зефиръ надъ розою вздыхаетъ —
Скажи, зачѣмъ въ лазурь прозрачныхъ водъ,
Сорвавъ цвѣтокъ, съ улыбкой ты бросаешь?
Зачѣмъ потомъ задумчиво взираешь,
Какъ быстрая волна его несётъ?
Эдемъ любви, восторговъ юныхъ сладость,
Ахъ, и мою вы окрыляли младость!
И я твердилъ: счастливая, постой!
Понѣжь ты жизнь хоть милою мечтой,
Не умирай, младая сердца радость!
Люби его. . . . но призракъ улетѣлъ,
Какъ сладкій сонъ прошло очарованье,
Душѣ одно осталося страданье —
И проклялъ я угрюмый свой удѣлъ!

Вотще ты ждешь, чтобъ дневное свѣтило,
Въ пурпуровыхъ сгарая облакахъ,
Меня красой своей обворожило; —
Вотще съ рожкомъ задумчивымъ въ горахъ
И пѣснь косца, и пѣсни птички слиты, —
Жемчугъ росы на зелени луговъ,
Далекій лѣсъ, лазурный скатъ холмовъ
Златымъ огнемъ въ часъ вечера облиты.
Напрасно ночь чернитъ вершины горъ,
И смутный шумъ въ долинѣ умолкаетъ,

И серебромъ въ туманѣ спящій боръ
Луна съ небесъ сапфирныхъ осыпаетъ —
Давно въ ея сіяньи надо мной
Рой призраковъ плѣнительныхъ не вьется,
И арфы гласъ знакомой не несется
Издалека бѣгущею волной. . . .
Бывало мнѣ волшебная пѣвала
Столь сладостно о счастьи неземномъ —
И въ лучшій міръ душа перелетала,
И я пылалъ божественнымъ огнёмъ. . . .

. . . .

. . . .

Теперь не то: — пустынныхъ скалъ громады;
По дебрямъ съ горъ ревущи водопады;
Густыхъ лѣсовъ, поросшихъ мхомъ могилъ
Я вѣчную угрюмость полюбилъ.
Мнѣ сладко зрѣть, какъ дубы вѣковые,
Бунтуя, вѣтръ порывистый крушитъ;
Какъ молнія рветъ тучи громовыя,
И съ грохотомъ на крыльяхъ бурь летитъ.

Но что-жъ за грусть мнѣ сердце раздираетъ,
Какой, меня возненавидя духъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ столь страшно истребляетъ?
Ахъ, не желай ты вѣдать, милый другъ!

Оставь меня; веснѣ-ль твоей прекрасной
Свой сладкій мигъ съ страданіемъ дружить! —
Его своей болѣзнію ужасной
Моя душа способна заразить. . . .

Брату Ал. Гр. Т.

ГЕНІЙ.

L'amour de la gloire ressemble à ce pont que Satan jeta sur le chaos pour passer de l'enfer au paradis.

Napoléon.

XVIII.

Зачѣмъ зовутъ тебя благимъ,
Коварный жизни обольститель?
Твои обѣты — бѣглый дымъ,
Твой міръ — не радости обитель.
Блудящій огнь — свѣтильникъ твой:
Издалека столь чистый, ясный —
Стезёй невѣрной и опасной
Ведетъ онъ къ пропасти глухой!...

Пусть отъ земли, незримый Геній,
Ты въ міръ небесныхъ наслажденій
Сократа душу уносилъ; —
Пускай, великаго содѣтель,
Ты съ мудростію добродѣтель
Въ ея апостолѣ сдружилъ; —
Но что-жъ отъ злобы ядовитой,
Отъ бездны, завистью изрытой,
Ты мудраго не сохранилъ? —
Давно-ль ты своему Протею
Горѣлъ столь ясною звѣздой?
Несчастный! обольщенный ею,
Онъ за погибелью своею
Летѣлъ торжественной стезёй!
Пусть міръ колѣнопреклоненный,
Столь яркимъ солнцемъ ослѣпленный,
Не смѣлъ взглянуть на дивный лучь: —
Онъ вдругъ угасъ — сей лучь чудесный,
Сей метеоръ, волканъ небесный
Въ глубокомъ мракѣ грозныхъ тучь!
И ты, о Геній! для того ли
Въ страну убійственной неволи
Добычу рока провожалъ,
Чтобы въ темницѣ дикихъ скалъ,
Подъ крѣпкой стражей Океана
Тоски недремлющаго врана

Страдальца сердцемъ насыщать?
Мечты о славѣ сокрушенной
Въ душѣ убитой пробуждать,
И лишь на гробъ его священный
Безсмертья положить печать!
Пусть власть надъ нашими сердцами
Пѣвцу Манфреда ты вручилъ,
И предъ орлиными очами
Природы хартію развилъ;
Пускай къ нему съ другаго свѣта
Гостей чудесныхъ ты сзывалъ,
Съ громами духъ его сливалъ,
Съ нимъ въ бездны моря проникалъ; —
Иль улеталъ съ душой Поэта,
Туда, гдѣ предъ Духами Свѣта,
Въ своихъ рубиновыхъ вѣнцахъ,
Рисуя своды голубые,
Міры катятся золотые
Согласнымъ хоромъ въ небесахъ —
Ахъ, это сонъ! его изъ рая
На мигъ Поэту посылая,
Сей благодатный идеалъ
Ты самъ, о Геній, разрушалъ!
Надъ жизнью горько насмѣхался,
Ея блаженство погубя,
И проклиная самъ себя,

Съ своимъ любимцемъ погружался
Опять въ пучину бытія.
И онъ, узнавъ тебя однажды,
Вкусивъ твой нектаръ роковой,
Не утолилъ душевной жажды,
И снова видѣлъ міръ земной
Съ его коварствомъ и гробами;
Людей — съ ихъ грубыми страстями;
Кровавыхъ слезъ нѣмой потокъ;
Невинность въ узахъ.... а порокъ —
Надъ золотыми олтарями!
И какъ узнать — слѣпой ли рокъ,
Иль зла всеміpнаго картины,
Иль вопли страждущей земли
Въ когтяхъ карающей судьбины,
Безвременно, стезёй кручины
Пѣвца ко гробу привели! —
Что-жъ ты, о Геній искуситель!
Души могучій побѣдитель,
Наперсникъ избранныхъ сердецъ? —
Твой нектаръ — ядъ неистощимый!
Твой лучь — перунъ неотразимый!
Вѣнецъ терновый — твой вѣнецъ!

РУМИЛІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

❈

Ζενπτευμὲνον μȣ πȣλή, καὶ αλὲγρο μȣ γεράκι и пр.

XIX.

I

Межъ тѣмъ, какъ ты, мой соловей,
Поешь любовь въ странѣ далёкой —
Отрава страсти одинокой
Горитъ огнемъ въ душѣ моей!

II

Я вяну; пѣны волнъ морскихъ
Сталъ цвѣтъ ланитъ моихъ блѣднѣе;
Ты помнишь — яркій пурпуръ ихъ
Былъ Русскихъ выстрѣловъ алѣе!

III

Приди-жь, о милый, усладить
Тоску любви, души томленье;
Приди хоть искрой наслажденья
Больное сердце оживить!

IV

Блестящій взоръ твоихъ очей
Острѣй и ярче стали бранной;
Свѣжѣй росы, огня живѣй
Твой поцѣлуй благоуханный!

V

О милый! пусть растаетъ вновь
Моя душа въ твоемъ лобзаньи;
Приди, допей мою любовь,
Допей ее въ моемъ дыханьи!

VI

Прилипну я къ твоимъ устамъ,
И все тебѣ земное счастье,
И всей природы сладострастье
Въ послѣднемъ вздохѣ передамъ!

VII

Приди-жь, о милый, усладить
Мою тоску, мое томленье;
Иль дай мнѣ ядъ любви допить —
И не страшися преступленья!

КЪ ЗЕЛЬМИРѢ.

Mosse la voce poi si dolce e pia,
Che fôra ciascun altro indi conquiso.

Gerus. Liber., C. XV.

XX.

Надъ Касталійскою струёй
Тебя взлелѣяли Камены;
Скажи, о жрица Мельпомены,
Ты Гебы-ль чашей золотой,
Иль чистой влагой Иппокрены
Сердечный прохлаждаешь зной?

Скажи, волшебникъ ли Орфей
Настроилъ голосъ твой чудесной?
Иль звукъ онъ музыки небесной?
Или Иранскій соловей
Тебѣ пѣвалъ въ тѣни древесной
О розѣ, прелести своей?

Когда твой гибельный кинжалъ
Грозилъ врагу бѣдой кровавой,
И на тебѣ старинной славой
Котурнъ трагическій сіялъ —
Эллады призракъ величавой
Въ тотъ мигъ душѣ моей мелькалъ!

Когда фантазіи огнёмъ
Твои ланиты загорались;
Власы по персямъ разсыпались,
И гармоническимъ ручьёмъ
Изъ сердца звуки выливались —
Мой духъ былъ въ мірѣ не земномъ! . . . .

СОВРЕМЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧІЕ.

Азъ есмь червь, а не человѣкъ.
Фонъ Визинъ. — *Недоросль.*

XXI.

Милый! не ропщи на Бога;
Въ чемъ тебѣ Онъ отказалъ?
Душу создалъ у порога;
Умъ къ прихожей приковалъ.
Пусть вездѣ слывешь ты плутомъ,
Мѣднымъ лбомъ и плоскимъ шутомъ —

Счастливъ ты, философъ мой:
Все варитъ желудокъ твой!

СТАНЦЫ ***

C'est que j'ai rencontré des regards dont la flamme
Semble avec mes regards ou briller ou mourir,
Et cette ame, soeur de mon ame,
Helas! que j'attendais pour aimer et souffrir.

EMILE DESCHAMPS.

XXII.

I

Когда душа моя, какъ солнце надъ тобой,
На крыльяхъ огненныхъ заботливо носилась,
Какъ неожиданно твоя передо мной
Во всей ничтожности своей разоблачилась!

II

Въ цвѣтахъ сокрытый змѣй меня-ль не уязвлялъ?
И я-ль, освоенный съ Іудинымъ лобзаньемъ,
Въ болотѣ сумрачномъ прозрачности искалъ,
Былъ унизительнымъ подавленъ обаяньемъ!

III

Птенецъ, покинутый на произволъ судебъ,
Добыча бѣдности, и горя, и презрѣнья,
Кто такъ довѣрчиво смягчилъ твой черствый хлѣбъ
Слезой участія, улыбкой сожалѣнья?...

IV

Кто изъ когтей судьбы весну твою изъялъ?
Повѣялъ родиной надъ бѣднымъ сиротою,
И сына темнаго забвенья возвышалъ
До тайны думъ своихъ, незнаемыхъ толпою?...

V

Нѣтъ! не коварностью—младенческой тоской,
Слезою ангела, наперсника печали,
И лаской нѣжною, и пламенной мечтой
Тогда столь искренно глаза твои блистали!

VI

И мнѣ притворная признательность твоя
Души возвышенной казалась выраженьемъ;
И возраствивъ твой умъ, въ семъ мірѣ думалъ я
Быть безпріютному единымъ Провидѣньемъ. . . .

VII

Я думалъ. . . . но къ чему напрасныя мечты!
У сердца теплаго эхидна пробудилась,
И отравивъ его любимые цвѣты,
Имъ отогрѣтая, ко праху возвратилась.

VIII

О, пресмыкайся-жъ въ немъ! — но если надъ тобой
Бѣдами новыми судьбина разразится,
Ты не дерзай летѣть къ минувшему душой,
Пусть имя жалости съ тобою истребится! . . .

НАДПИСЬ КЪ ФОНТАНУ.

Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы!

Пушкинъ.

XXIII.

I

Здѣсь царствуетъ покой и свѣжихъ струй прохлада;
Съ вершинъ родимыхъ горъ младая Ореада
Льетъ перлы слезъ своихъ сей мраморной стезей,
Взгляни, путникъ, какъ онѣ межъ листьевъ винограда
Мелькаютъ и горятъ алмазною росой!

II

Тебя на дальній путь фонтанъ сей сладкозвучный
Своей прозрачною струею оживитъ;
Его гармонія тебя обворожитъ,
Какъ голосъ родины, съ мечтою неразлучный —
И сердца тайныя печали усыпитъ!

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Тамъ слышалось пѣніе птицъ, столь же гармоническое, какъ Поэзія.

Саади.

XXIV.

I

О роза юная, зачѣмъ
Весны твоей дыханье
Пьетъ Хана стараго гаремъ,
Какъ Гуріи лобзанье?
Пусть ясенъ огнь твоихъ очей,
Пускай ихъ стрѣлы мѣтки —
Ты въ золотой тюрьмѣ своей,
Какъ птичка въ пышной клѣткѣ!

II

Однажды, утренней зарёй,
Прекрасная купалась;
Играла съ рѣзвою струёй,
За блескомъ волнъ гонялась.
Горѣла пѣна на власахъ,
Подобно пышной сѣткѣ —
Свободенъ ты, жемчужный прахъ;
А дѣва — птичка въ клѣткѣ!

III

Граната спѣлая блѣднѣй
Ланитъ ея огнистыхъ,
Вѣтвь кипарисная свѣтлѣй
Кудрей ея струистыхъ: —
Но что-жъ всегда, вездѣ она —
Въ саду, въ густой бесѣдкѣ,
Въ златомъ гаремѣ — все грустна,
Какъ птичка въ пышной клѣткѣ?...

IV

Иль грусть любви въ душѣ таитъ
Нашъ ангелъ черноокой;

Иль сердце бѣдное болитъ
  По родинѣ далекой?...
Такъ нашъ Байдарскій соловей
  Пѣлъ на лавровой вѣткѣ;
Онъ счастливъ вольностью своей,
  А дѣва — птичка въ клѣткѣ!

Генералу К***.

СТАНЦЫ.

Away! — Away! —
Byron.
Впередъ! Впередъ!

XXV.

I

»Крѣпки стѣны твои, нашъ Дунайскій оплотъ,
Не пробьютъ ихъ Московскіе громы!
Нѣтъ! скорѣе въ крови твоей утонетъ народъ,
Чѣмъ Гяуръ осквернитъ наши домы!«
Надъ булатомъ своимъ Ал-Кораномъ святымъ
Такъ Паша Силистрійскій поклялся —
И сквозь пламень и дымъ къ намъ съ ядромъ пудовымъ
Ураганъ огнедышущій мчался.

II

»Отвѣчайте врагу!« — Русскій вождь говоритъ;
»Но, друзья, этотъ шумъ однозвученъ!
Пусть родимая пѣснь намъ о томъ прозвучитъ,
Съ чѣмъ отважный душой неразлученъ!« —
И въ очахъ у врага, про родные луга
Удалыхъ голоса загремѣли:
»Вы поблекли, луга! не сѣдые-ль снѣга
На Московскихъ поляхъ забѣлѣли?«

III

Твердъ Дунайскій оплотъ, вражьи рвы широки,
Ихъ упорно Паши защищаютъ;
Но какіе полки, но какіе штыки
Ужъ къ отверзтымъ вратамъ подступаютъ?...
И какой барабанъ въ Силистрійскихъ стѣнахъ
Вмѣстѣ съ громкимъ: *ура!* раздается? —
Ты отмщенъ, Святославъ: на враждебныхъ вратахъ
Нашъ орелъ побѣдительный вьётся!

IV

Но гдѣ-жъ ты, чести сынъ, нашъ товарищъ—герой?
Чѣмъ теперь грудь стальная пылаетъ?

Бранный гулъ замолчалъ—и твой лавръ боевой
На гражданскомъ вѣнцѣ почиваетъ!
Все прошло! но въ сей день подъ твои знамена̀
Мы мечтой на Дунай улетаемъ —
И до свѣтлаго дна, кубокъ полный вина
Въ честь тебѣ, нашъ собратъ, осушаемъ!

ЩЕЛЧОКЪ.

Descendant en ligne directe de Judith et d'Holopherne.
La Dame du Haut-Manoir. *Nouvelle caricature Parisienne.*

XXVI.

Расточая предъ толпою
Иноземной черни вздоръ,
Ты привозной мишурою
Мой ли очаруешь взоръ?

Пылью знатной и старинной,
Изъ прихожей Помпадуръ,
Словъ твоихъ посыпанъ длинный
И Готическій сумбуръ!

Пышная дубина — роза,
Милъ тебѣ шмѣлиный шумъ!
Блескомъ Финскаго мороза
Твой Варяжскій блещетъ умъ!

ЖЕСТОКІЙ ПРИЗРАКЪ.

There are shades which will not vanish,
There are thoughts thou canst not banish.

L. Byron.

Есть тѣни, которыя никогда для тебя не исчезнутъ; есть мысли, которыхъ ты никогда не изгонишь изъ своего сердца.

XXVII.

Жестокій призракъ, странный сонъ,
Всегда-ль ты будешь пригвождёнъ
Къ моей душѣ, минувшимъ вѣя,
Какъ вранъ и цѣпи Прометея? —
Напрасно жаждетъ грудь моя
Отъ зноя сладостной прохлады —
Нѣтъ для души моей пощады,
Враждебный демонъ, у тебя!

Сокрывъ ее въ своей пустынѣ,
И чудо посуливши ей,
Играешь грустью ты моей:
То полный дашь разливъ кручинѣ,
То вдругъ всю остановишь кровь,
То сердце охладишь, то вновь,
Какъ ѣдкій огнь кипучей лавы,
Волшебствомъ взора своего
Льешь пламень гибельной отравы
На язвы тяжкія его!
Скрываясь отъ тебя, жестокій,
Паритъ ли умъ мой одинокій
Въ дедалъ минувшихъ, славныхъ дней
Къ судьбамъ народовъ и Царей —
Ты тутъ, унылый и прекрасный,
И льется голосъ сладострастный,
Какъ мелодическій ручей:
»Холодный міръ тебя забудетъ,
Толпа друзей врагами будетъ;
Одинъ лишь ангелъ... онъ съ душой
Простится прежде, чѣмъ съ тобой!...«
Воскресшимъ сердцемъ пламенѣя,
Летѣлъ я ангела обнять;
Но на челѣ его, чернѣя,
Какъ межъ тюльпановъ жало змѣя,
Измѣны вспыхнула печать.

Любимыхъ думъ моихъ сліянье,
Видѣній дивныхъ корифей,
Во снѣ — ты вновь къ душѣ моей
Летишь на тайное свиданье.
Какъ сладкопѣвный Серафимъ
Звучишь ей хоромъ не земнымъ :
Міровъ гармоніей чудесной ;
Иль Сильфовъ радужный народъ
Свиваешь въ легкій хороводъ
Бряцаньемъ арфы неизвѣстной. . . .
Иль въ край, незнаемый землёй,
Межъ золотыми облаками,
Надъ безпредѣльными морями
Летишь, какъ звѣздочка, со мной.
То лугъ вдали узрѣвъ душистый,
Спѣшишь росой умыться чистой ;
То горъ надъ снѣжной высотой,
Купаясь въ тучѣ громовой,
Перунъ крылатый обгоняешь ;
То ангелъ грусти, ты летаешь
Съ вѣнкомъ терновымъ на главѣ,
И надъ одромъ моимъ стенаешь
О нашемъ общемъ сиротствѣ.
То вдругъ, подобно дѣвѣ страстной,
Склонясь главой ко мнѣ прекрасной,
Весною дышешь мнѣ въ уста ;

Жжешь сердце огненнымъ дыханьемъ,
И амврозическимъ лобзаньемъ,
Изхитивъ душу, какъ мечта,
Отъ ней мгновенно отлетаешь,
И грудь ревнивою тоской,
Какъ ядомъ вскормленной стрѣлой,
Съ холоднымъ смѣхомъ раздираешь. . . .
Жестокій призракъ, странный сонъ,
Всегда-ль ты будешь пригвожденъ
Къ моей душѣ, минувшимъ вѣя,
Какъ вранъ и цѣпи Прометея! . . .

ЖЕЛАНІЯ.

Si j'étais la feuille que roule
L'aile tournoyante du vent...
V. Hugo.

Мои желанія — покой;
Да щей горшокъ, да самъ большой.
Пушкинъ.

XXVIII.

I

Рано узналъ я желанія;
  Въ сердцѣ сначала моёмъ
Рѣчки то было плесканіе,
  Моря волненье потóмъ.
Сладки, при вѣтрѣ стенающемъ,
  Были, съ младенческихъ дней,
Мнѣ, предъ каминомъ пылающимъ,
  Сказки про храбрыхъ и Фей.

II

Въ отрока мысль благодатную
Геній какой-то вдыхалъ —
Думу не многимъ понятную;
Съ ней я повсюду блуждалъ.
Часто ручей гармоническій
Въ лѣсъ меня дальній манилъ;
Съ душой соловей мелодическій
Тайную рѣчь заводилъ.

III

Осенью-ль за̀ море ласточки
Рѣяли вдаль до весны —
Думы на крыльяхъ касаточки
Въ теплыя слалъ я страны.
Предъ орломъ, на утесѣ пирующимъ,
Пропастей гласу внималъ;
Надъ моремъ, съ громами воюющимъ,
Молніямъ мысли ввѣрялъ.

IV

Вдругъ свои радости скромныя
Сердце устало любить;
Грёзы какія-то темныя
Начали душу мутить.

Слава приснилась мнѣ бранная:
  Грудью на вражій перунъ
Радостно въ поле желанное
  Мой полетѣлъ бы скакунъ!

V

Сердца, межъ тѣмъ, развернувшійся
  Въ праздности цвѣтъ увядалъ;
Къ персямъ Лаисъ прикоснувшійся
  Чувствъ кипятокъ остывалъ.
Бросилъ я саблю булатную,
  Душу извѣдалъ людей:
Искру въ ней тмилъ благодатную
  Пестрый какой-то Пигмей.

VI

Сердце воспрянуло праздное:
  Посохъ я странника взялъ;
Въ знойныхъ пустыняхъ алмазное
  Солнце мой духъ обожалъ.
Жизнь полюбилась мнѣ бурная:
  Горы въ чужой сторонѣ,
Моря равнина лазурная
  Стали отчизною мнѣ.

VII

Скрылось, межь тѣмъ, обаяніе :
Снова мнѣ снится покой ; —
Перси могильной стяжаніе
Золото славы земной !
Кто же надъ жизнью остылою
Радости солнце зажжетъ ?
Чью душу сестрой своей милою
Громко моя назоветъ ?

VIII

Рощи-ль Прованса душистыя,
Скалы-ль Таврическихъ волнъ,
Вы-ль, минареты сребристые
Мой остановите чёлнъ ? . . .
Хижина, миромъ хранимая,
Садъ надъ лазурью морской —
Стали, какъ дѣва любимая
Сердца любимой мечтой !

МИГЪ НА РОДИНѢ.

О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя!

Жуковскій.

XXIX.

Моей весны златая сѣнь,
Тебя-ль я вижу, упоенный?
Въ чужбинѣ дальней каждый день
Мелькалъ мнѣ призракъ твой безцѣнный!

Очарованьемъ прошлыхъ дней
Жила душа моя больная;
Прими-жъ слезу любви моей —
И вновь прости, моя родная! . . .

ЧУДНЫЙ ДОМЪ.

There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy.

Shakspeare.

Въ небесахъ и на землѣ, Гораціо, есть тысячи вещей, коихъ существованіе никогда и не грезилось вашимъ Философамъ.

XXX.

I

Есть царство златыхъ, бриліантовыхъ думъ;
По ихъ океану блуждая,
Какъ сладко пируетъ воспрянувшій умъ,
Вещественный міръ покидая!
Къ Духамъ безтѣлеснымъ могучій Алкидъ,—
За грань онъ подлунной далеко летитъ;
Но тише. . . . вся тварь умолкаетъ. . .
Ужь сумракъ глубокій обнялся съ землёй;
Вы слышете-ль: полночь на башнѣ сѣдой,
Какъ дальный органъ завываетъ! . . .

⁂

Вотъ часъ, когда сердце раздумье грызетъ;
 Минувшаго призракъ унылый
Ряды незабвенныхъ знакомцевъ ведетъ,
 Далекихъ и взятыхъ могилой.
Въ зарѣ улетѣвшихъ, утраченныхъ дней
Улыбки и слезы, и звуки рѣчей
 Умолкшихъ давно воскресаютъ.
Въ семъ мірѣ, какъ въ залѣ пустомъ, одинъ я
Брожу и взываю: »гдѣ-жъ пиръ и друзья?«
 —Гдѣ, гдѣ? — лишь мечты повторяютъ!

⁂

Но нѣтъ; — то не эхо взволнованныхъ думъ,
 Не голосъ души говорящей:
Я слышу тяжелый, медлительный шумъ;
 Я вижу, при лампѣ горящей,
Туманнымъ покровомъ одѣянный ликъ. —
Какъ вѣтръ воплощенный мелькнулъ онъ — и вмигъ
 Къ одру моему приклонился.
О братъ! не въ твоей ли груди предо мной,
Какъ перунъ огневой, ятаганъ роковой
 Средь криваваго дыма сокрылся?

⁂

Что-жъ, безцѣнный мой гость, не возвратныхъ ли дней
Ты вспомнилъ бесѣды златыя,
Когда у бивачныхъ будили огней
Другъ въ другѣ мечты мы родныя?
И жизни листуя таинственный томъ,
Весь пошлый романъ сей и въ томъ, и въ другомъ
Довольно пустымъ находили;
Свергали земнаго мучительный грузъ,
И въ царствѣ ума, средь божественныхъ Музъ
Тѣнь чистаго счастья слѣдили?

⁂

Скажи-жъ, воплотился-ль земной идеалъ?
Прекрасное вправду-ль не тлѣнно?
Кручины подлунной изсякъ-ли фіалъ
Предъ солнцемъ любви неизмѣнной? —
И грустно пришлецъ покачалъ головой,
И какъ дымъ отлетѣлъ, и меня за собой
Повлачилъ непонятною силой.
Рядъ покоевъ пройденъ, въ мертвомъ все было снѣ,
Только я и мой вождь въ ихъ нѣмой глубинѣ
Шумъ пробуждали унылый.

⁂

И въ послѣдней стѣнѣ предъ безплотныхъ вождёмъ
  Непримѣтная дверь отворилась,
И лѣстница, древнимъ поросшая мхомъ,
  Повитая плющемъ явилась.
Мы съ нея — и гранитъ вѣковой зазвучалъ;
Блѣдный лучь, трепеща, по ступенямъ мелькалъ
  Отъ главы предлетящей мнѣ тѣни.
И казалось, вѣка необъятной чредой,
Молчаливо склонясь серебристой главой,
  На каждой сидѣли ступени.

Сошли. Запустѣнье предъ нами брело
  По мрачно-глухимъ переходамъ ;
Протяжное эхо, очнувшись, пошло,
  Шепча, замирая по сводамъ.
Какъ прежде лучь блѣдный отъ тѣни бѣжалъ,
И мракъ пробивая, очамъ открывалъ
  Вдали чудеса подземелья. —
Ничтожество съ блескомъ, съ блаженствомъ земнымъ,
Безъ гласа былое, съ грядущимъ нѣмымъ
  Сливались въ таинственной кельѣ.

✻

Тамъ Гномъ безобразный прикованъ сидѣлъ
  Къ богатствамъ подземнаго міра;
На черепѣ голомъ въ крапивѣ горѣлъ
  Съ алмазомъ рубинъ межъ сапфира;
Близъ лиры разбитой вѣнецъ увядалъ,
Подъ ржавчиной бранный булатъ изчезалъ,
  И древнихъ событій скрыжали:
На мраморѣ таинствъ умершихъ черты,
Раздранные свитковъ завѣтныхъ листы,
  Въ пыли гробовой истлѣвали.

*

Вдругъ взорамъ въ мерцаньи внезапныхъ лучей
  Двѣ бронзовыхъ двери явились;
Два мраморныхъ Сфинкса у дивныхъ дверей,
  Какъ тайные стражи тѣснились.
Гремя, отворились врата предо мной,
И залъ необъятный, какъ храмъ вѣковой,
  Насъ принялъ подъ темныя сѣни. —
Тамъ въ странныхъ одеждахъ, съ поникшимъ челомъ,
Чудесныя лица за длиннымъ столомъ
  Сидѣли безмолвно, какъ тѣни.

*

Предъ ними орудія знаній людскихъ
Огромную смѣсь представляли:
Тамъ сферы стояли надъ грудами книгъ,
Близь циркулей свитки лежали.
И мнилось, тамъ все, чѣмъ надъ мракомъ мірскимъ
Возвысясь, роднится нашъ умъ съ неземнымъ,
Во храмѣ безсмертія жило.
Я къ мудрой бесѣдѣ шелъ робкой стопой;
Но черной повсюду надъ нею строкой:
»Ничтожество — врѣзано было.

Недвижныхъ скелетовъ безжизненный рядъ
Надъ прахомъ ничтожнымъ столпился,
И будто для славы, средь грозныхъ палатъ,
Подобно живущимъ, трудился.
Вдругъ бури нежданной свирѣпый налётъ
Потрясъ ихъ огромный, ихъ сумрачный сводъ;
Все черной подернулось мглою.
Нарушился вѣчный порядокъ земли. . . .
Но какъ передать вамъ видѣнья мои? —
Надъ бездной стоялъ я глухою! . . . . .

II

О! кто обновитъ мой утраченный бредъ —
Сердечнаго моря разливы?
Мечты первобытной блаженный разсвѣтъ;
Страстей благородныхъ порывы!
Какъ ярко все въ мірѣ мнѣ прежде цвѣло!
Гдѣ-жъ прежняго сердца святое тепло —
Души ѳиміамъ ароматный?
Довѣренность къ жизни, надежда, любовь,
Любовь всей природы — въ груди моей вновь
Не вспыхнетъ вашъ огнь благодатный!

На мѣстѣ, гдѣ дивный соборъ мудрецовъ
Мнѣ въ залѣ волшебномъ явился —
Хаоса нѣмаго тяжелый покровъ
Надъ черной пучиной клубился.
Толпы величавыхъ, безмѣрныхъ тѣней,
Какъ грозныя тучи мелькали надъ ней: —
То боги-ль подлунные были?
Мечтая-ль о славѣ своей на землѣ,
Они ея призракъ въ сей пасмурной мглѣ
Средь общихъ развалинъ слѣдили?

*

Но гдѣ-жъ мой вожатый?—Меня онъ манилъ
За грани зіяющей бездны ;
Въ ней яростно бурный источникъ бродилъ ,
О мостъ разбиваясь желѣзный.
Я быстро промчался дорогой стальной —
И все, какъ въ туманѣ исчезло за мной :
Мнѣ виды открылись иные.—
Согрѣтые теплой душою весны ,
Подъ чуднымъ вліяньемъ не нашей луны ,
Сады красовались густые.

⁂

Тамъ персикъ румяный съ лимономъ златымъ
Надъ влагой алмазной сплетался ;
Зеркальный источникъ по перламъ роднымъ
Межъ пестрыхъ цвѣтовъ извивался.
Зеленыхъ дедаловъ душистую тѣнь ,
Казалось , хранила блаженная Лѣнь ;
Казалось—тамъ Сонъ молчаливый ,
Безпечно склонившись надъ ложемъ ручья ,
Забыться подъ яркую трель соловья
Звалъ въ сумракъ развѣсистой ивы.

⁂

Магическимъ эхомъ подъ склономъ древесъ
Эоловы арфы звучали,
И вдругъ предо мною чертоги чудесъ
Сіяньемъ златымъ заблистали.
Средь пышной ограды кипучій фонтанъ
Вокругъ разсыпалъ серебристый туманъ,
Изъ бронзовой пасти сверкая.
И мраморныхъ ликовъ недвижимый рядъ
Терялся въ дедалѣ волшебныхъ палатъ,
У свѣтлаго входа блистая.

⁂

Казалось—тамъ творчества Геній святой
Поставилъ свой тронъ благодатный,
И всемъ, что душѣ открываетъ порой
Украсилъ чертогъ непонятный.
Тамъ радужнымъ блескомъ роскошный кристаллъ
Узоры атласныхъ ковровъ оживлялъ;
Тамъ мраморъ страдалъ и смѣялся;
Боролся съ любовью и таялъ отъ ней,
И мнилось, духъ жизни въ порывѣ страстей
На ликахъ картинныхъ являлся.

Вдругъ взорамъ далекій представился залъ;
Оттуда, изъ двери кристальной,
Клубясь, амврозическій паръ побѣжалъ
Съ гармоніей музыки дальней.
Туда полетѣлъ я — и десять смычковъ,
И десять клавировъ, безъ всякихъ перстовъ,
Любимый романсъ мой запѣли.
И дѣвы, какъ сны мимолетные, тамъ
Къ далекимъ, казалось, летѣть небесамъ
Въ движеньяхъ воздушныхъ хотѣли.

Взгляньте, какъ ихъ дивный рой
Межь столбовъ рѣзныхъ мелькаетъ;
Какъ отъ люстры золотой,
Надъ эѳирною толпой
Куполъ яшмовый сіяетъ!
Взгляньте, какъ онѣ вдали
Въ узахъ розовыхъ томятся,
Развиваются, кружатся,
Чуть касаются земли!
Взгляньте, какъ живые звуки
Ловятъ ножки; какъ потóмъ
Бѣломраморныя руки
Гибкимъ сходятся плетнёмъ!

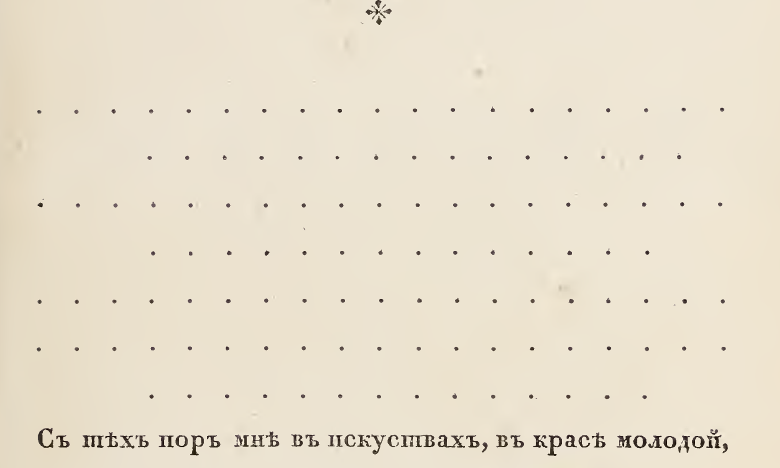
Изъ нихъ одна, недвижная, нѣмая,
Какъ между звѣздъ красавица — луна,
Стоитъ, высокому раздумью предана.
Предъ нею лира золотая;
Но Боже! взгляньте, какъ блѣдна,
И какъ божественна волшебница младая!
Къ струнамъ магическимъ приникнула она—
И закипѣло вдохновенье;
И полилось въ бряцаньи ихъ
Тоски и радостей земныхъ
Святое, райское забвенье.
Что пѣла дивная; что Серафимъ поетъ —
Тимпанъ ли вамъ земной то въ душу перельетъ!
Но я узналъ ее! она своей тоскою,
Своей улыбкой роковою
Моей души безпечный миръ
Мечтами странными отъ раннихъ лѣтъ смутила;
Ей въ бронѣ ледяной существенность явила,
И звономъ струнъ своихъ въ какой-то чудный міръ
Свою невольницу по пропастямъ влачила.
Доселѣ яркая звѣзда
Мелькала мнѣ, чтобъ вновь сокрыться;

Теперь съ прекрасной никогда
Моя душа не разлучится! —
Такъ думалъ — и къ милымъ ногамъ я упалъ;
Безсмертнаго солнца сіянье,
Души своей душу я въ ней обожалъ;
Въ ней видѣлъ всѣхъ благъ сочетанье.
На грудь мою слезы святыя текли;
Вдругъ свѣчи погасли . . . . . . и мракъ издали
Стоглавою тучей помчался . . . .
Я въ страхѣ воспрянулъ; мой духъ каменѣлъ:
Скелетъ безобразный мнѣ въ очи глядѣлъ,
И къ персямъ моимъ прижимался.

*

И гдѣ-жъ эта роскошь, искуствъ чудеса?
Гдѣ прелести дѣвъ неземныя? —
Вокругъ меня дебри, глухіе лѣса
И груды развалинъ сѣдыя.
По мраморамъ бѣлымъ, по желтымъ костямъ
Лишь Духъ запустѣнья разгуливалъ тамъ,
Лишь вѣтра блуждало стенанье.

Я смутные взоры на прахъ сей бросалъ,
И черепъ красавицы — свой идеалъ
Ногой оттолкнулъ до свиданья.

Съ тѣхъ поръ мнѣ въ искуствахъ, въ красѣ молодой,
Въ сокровищахъ знаній, и въ славѣ земной
Ничтожества зрится стяжанье! . . .

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

Кавказъ. Стр. 69.

(1) *Но ты, святой Эльбрусъ . . . .*

Черкесы называютъ Эльборусъ: *Уах' Гамако*, то есть: гора *святая*, чудесная.

(2) . . . . *ты, будто конь сѣдой,*
На коемъ смерть предстанетъ міру . . . . .

См. Апокалипсисъ. — Клапротъ справедливо замѣчаетъ, что двуглавая вершина Эльборуса имѣетъ видъ сѣдла; я прибавлю — Черкесскаго.

(3) *Какой орелъ взлеталъ на твой вѣнецъ двуглавый?*

По наблюденіямъ Г. Вишневскаго, Эльборусъ вышиною 16,000 футовъ — »Никто не всходилъ на вершину горы сей; жители Кавказа полагаютъ, что для сего нужно особенное соизволеніе Божіе.« (*Клапротъ.*)

(4) *И первой пристанью любимцу неба былъ . . .*

Горскіе народы говорятъ, что святой Ковчегъ остановился сначала на вершинѣ Эльборуса, и уже послѣ того отплылъ къ Арарату. (*Ibid.*)

(1) *Ты видѣлъ, какъ на міръ тотъ ураганъ могучій*
Своихъ несмѣтныхъ силъ мчалъ громовыя тучи.

Тамерланъ. — »Когда властитель судьбы и правитель міра рѣшилъ въ высокой волѣ своей прекратить войну въ странѣ Русскихъ и Черкесовъ, онъ обратилъ побѣдоносныя фаланги и знамена свои къ горѣ *Албрузу* .... Знамена завоевателя странъ направились съ признакомъ побѣды противъ Юри Берды и Ярахена, начальниковъ племени Асовъ (Осетинцевъ). Дорога была непроходима; но онъ повелѣлъ очистить ее, и оставя тамъ Амира Гаджи — Сейфъ — Эддина съ обозами, понесъ войну къ горѣ *Албрузу*, сражаясь безпрестанно съ невѣрными — и въ горныхъ твердыняхъ ихъ, и въ ихъ неприступныхъ ущельяхъ.« Исторія Тимура; соч. Шерифъ — Эддина Езды; Персидская рукопись. (См. Voyage au Caucase par M. *Jules Claproth*, T. II. p. 230 et suiv.)

(6) . . . . *ихъ бурной Керны гласъ.*

Керна, родъ военной трубы; она была въ большомъ употребленіи въ войскахъ Тамерлановыхъ: говорятъ, что звукъ ея дѣйствительно ужасенъ и слышенъ въ разстояніи многихъ миль. (Ричардсонъ. — См. также Поэму: Огнепоклонники Т. Мура).

В. Т.

II.

Геній. Стр. 105.

Давно-ль ты своему Протею
Горѣлъ столь ясною звѣздой?

Одинъ свидѣтель увѣряетъ, что въ концѣ 1811 года, Кардиналъ Фешъ неоднократно заклиналъ Наполеона не вступать въ борьбу съ людьми и стихіями, съ небомъ и землею, противъ него соединенными — и что однажды, когда Кардиналъ изъявилъ опасаніе видѣть погибель его, то вмѣсто всякаго отвѣта Императоръ взялъ его за руку, подвелъ къ окну, раскрылъ оное и сказалъ: »Voyez vous là-haut *cette étoile?* Non, Sire. — Regardez bien. — Sire, je ne la vois pas. — *Eh bien! moi je la vois!*« (*Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812 par le Gen. Comte de Ségur.* Tome I. pag. 83.)

В. Т.

III.

Румилійская Пѣсня. Стр. 113.

Пѣсня сія пользуется всеобщею народностью въ прекрасныхъ Забалканскихъ городкахъ, разсѣянныхъ по берегамъ Бургазскаго залива. — В. Г. Тепляковъ переложилъ оную, съ помощію своего переводчика, въ Рус-

скіе стихи во время археологическаго своего путешествія по Турціи въ 1829-мъ году. Въ продолженіи писемъ своихъ изъ Болгаріи и Румиліи, коихъ начало извѣстно уже нашимъ Читателямъ, онъ подробно говоритъ, какъ объ этомъ, такъ и обо многихъ другихъ весьма любопытныхъ предметахъ.

Изд.

IV.

Татарская пѣсня. Стр. 137.

Вотъ еще дань, принесенная нашимъ Поэтомъ прекрасной отчизнѣ Таврическихъ Саади и Гафизовъ. — Предлагаемъ отрывокъ изъ письма, полученнаго нами отъ Автора, вмѣстѣ съ переводомъ пѣсни, изъ *Алупки*, отъ 28 Августа 1830 г.. . . . . »Въ письмѣ моемъ изъ Бахчисарая я уже говорилъ вамъ о кладѣ обрѣтенномъ мною въ былой столицѣ Гиреевъ; — нынѣ спѣшу извѣстить васъ о приращеніи моего сокровища. — На другой день своего путешествія на *Южный берегъ*, пріѣхалъ я 16 текущаго мѣсяца, поздно вечеромъ, въ Байдары и рѣшился ночевать въ Татарской деревенькѣ, разбросанной подъ навѣсомъ лѣсистыхъ горъ, на краю знаменитой долины Байдарской. — Золотые уста моего Татарскаго переводчика доставили мнѣ ночлегъ истинно *Мурзинскій*. — Я

имѣлъ уже случай говорить вамъ о внутреннемъ и наружномъ зодчествѣ здѣшнихъ правовѣрныхъ; а потому на этотъ разъ, упомяну только о томъ, какимъ образомъ досталось мнѣ въ руки еще нѣсколько Татарскихъ рукописей. — Сначала хозяева дома тѣснились передо мною у дверей въ глубокомъ, истинно-Мусульманскомъ молчаніи; потомъ, ободренные моей обыкновенной непринужденностью, пришли мало-помалу въ движеніе, и наконецъ составили довольно большой кругъ, который напослѣдокъ расширился во всю комнату толпою любопытныхъ, привлеченныхъ моими вопросами. — И въ самомъ дѣлѣ — было о чемъ любопытствовать! Дѣло шло объ ихъ народныхъ памятникахъ. Черезъ нѣсколько минутъ множество *Альбомовъ* (c'est le mot), съ голубыми, зелеными, розовыми страничками, было уже раскрыто передо мною; — каждый изъ присутствовавшихъ старался наперерывъ обьяснять по моему вызову смыслъ стиховъ, наполнявшихъ *сантиментальныя коллекціи.* Никогда не забуду я выразительности нѣкоторыхъ физіономій, окружавшихъ меня въ эту минуту. Всѣ мы сидѣли съ поджатыми ногами на разостланныхъ во всю комнату полостяхъ; прямо передо мною пылалъ огромный каминъ, треща и озаряя багрянымъ блескомъ своимъ прекрасную, величественную фигуру, которая, сидя подлѣ меня, добилась наконецъ отъ своихъ товарищей *народнаго представительства* на этотъ случай.

Глаза Татарина были прикованы къ страницѣ, которую онъ держалъ передъ собою; голосъ постепенно перешелъ отъ декламаціи къ речитативу, отъ речитатива къ заунывному пѣнію; черты лица сдѣлались рѣзкимъ отпечаткомъ стиховъ, по видимому, меланхолическихъ; брови — то подымались набожно къ верху, то угрюмо сходились вмѣстѣ — и снова хмурились. Въ продолженіе всей этой сцены Драгоманъ мой не оставался празднымъ — и вотъ вамъ въ Русскихъ стихахъ Татарская Пѣсня. — Возвратясь въ Одессу, я не премину сообщить нашимъ д' Эрбело купленныя мною рукописи. Какъ знать — можетъ быть въ нихъ скрывается что нибудь весьма любопытное . . . .« и проч.

Изд.

V.

Станцы Генералу. К*** Стр. 143.

Нѣкоторымъ изъ любителей журнальнаго чтенія извѣстно, что станцы сіи отнюдь не назначались для публики. — »Въ предыдущемъ № Одесскаго Вѣстника (говоритъ Редакторъ онаго), мы извѣстили Читателей нашихъ о праздникѣ, данномъ 18 числа сего мѣсяца Гг. Чиновниками 3-го пѣхотнаго Корпуса

Е. П. Г. ГенералЪ Лейтенанту А. И. Красовскому. Между прочимЪ, мы упомянули о станцахЪ, сочиненныхЪ и пропѣтыхЪ по сему случаю. В. Г. ТепляковЪ, извѣстный любителямЪ Поэзіи многими изящными произведеніями, согласился, по убѣжденію хозяевЪ праздника, быть истолкователемЪ чувствЪ ихЪ кЪ любимому Вождю, и вЪ звучныхЪ строфахЪ выразилЪ сообщенныя ему воспоминанія о бурномЪ, незабвенномЪ времени, проведенномЪ сподвижниками Покорителя Силистріи подЪ ея стѣнами. СообщаемЪ ЧитателямЪ нашимЪ означенные станцы, вЪ надеждѣ, что АвторЪ оныхЪ, по расположенію своему кЪ намЪ, не останется симЪ недоволенЪ. . . .« и проч. — (См. Од. Вѣст. 1831 г. No. 6.)

Изд.

VI.

Чудный Домъ. Стр. 169.

Для обЪясненія случая, породившаго сіе странное произведеніе, мы не излишнимЪ почитаемЪ предложить нашимЪ ЧитателямЪ отрывокЪ изЪ письма, полученнаго нами отЪ Автора изЪ Одессы отЪ 15 Августа прошлаго года . . . . »Все нынѣш-

нее лѣто«—говоритъ онъ—»прожилъ я въ странномъ, нелѣпомъ строеніи, извѣстномъ въ * * * подъ привлекательнымъ названіемъ *Чуднаго дома.* Представьте себѣ обширное каменное строеніе, не принадлежащее ровно ни къ одному архитектурному ордену, или лучше сказать—заключающее въ себѣ всѣ роды зодчества, со временъ созданія Храма Соломонова, до нашего вѣка. Главный фасъ представляетъ совершенный снимокъ съ этихъ Рыцарскихъ зàмковъ, изъ коихъ одинъ столь ужасенъ и вмѣстѣ столь привлекателенъ въ романѣ Горація Вальполя. Огромный осмиугольный дворъ, узкія маленькія окна, разныя лѣпныя украшенія, разбросанныя по массивнымъ стѣнамъ зданія и проч. и проч. Одинъ изъ боковыхъ фасовъ—призматическій, между тѣмъ, какъ другой тянется длинной крѣпостной стѣною съ безчисленнымъ множествомъ оконъ, подобныхъ узкимъ амбразурамъ, вдоль боковой улицы, и по черной своей закоптѣлости, кажется, съ противоположнаго балкона, выпачканнымъ сажею изъ-подъ котла, въ коемъ варится врагъ рода человѣческаго. Внутреннее расположеніе комнатъ еще необыкновеннѣе:—параллелограммы, квадраты, треугольники, залы, конурки и проч. и проч.—Тамъ, по какому-то особому устроенію комнатъ, звуки, пробуждаемые въ одной, слышатся со стороны совершенно противоположной. Кромѣ сего—эта архитектурная нелѣпость населена преданіями

еще болѣе уродливыми. Говорятъ, что первоначальный хозяинъ и строитель дома, существо, подобное Байронову Манфреду, поселился, со временъ Русскаго завоеванія мѣстъ сихъ, посреди огромныхъ развалинъ, коихъ начало относится, по мнѣнію нѣкоторыхъ Антикваріевъ ко временамъ одного (не помню, котораго именно) изъ Царей Тавро-Скиѳскихъ; — что мудрецъ сей возобновилъ часть строенія и мало-по-малу осуществилъ необыкновенныя мечты свои созданіемъ нынѣшняго *Чуднаго Дома*. Сосѣднія кумушки утверждаютъ, что чудакъ сей былъ богопротивный колдунъ; разсказываютъ о подземельяхъ, простирающихся изъ-подъ *Чуднаго Дома* вплоть до самаго моря; о чудесахъ, о сокровищахъ, о необыкновенныхъ видѣніяхъ, обитающихъ во глубинѣ обвороженныхъ пещеръ — тамъ гдѣ чернокнижникъ творилъ обыкновенно свои заклинанія, вызывая Духовъ, подчиненныхъ его премудрости. Разсказываютъ, что одной изъ моихъ сосѣдокъ видится каждую ночь коляска, подъѣзжающая безъ лошадей къ окнамъ *Чуднаго Дома* съ *безголовымъ* человѣкомъ, сидящимъ во глубинѣ оной; — что къ этому *безмозглому* Рыцарю спускается изъ окна дѣва — чудо прелестей, и вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ до слѣдующей ночи . . . . Правда, что наши молодые забавники обогащаютъ всю эту исторію комментаріями болѣе нежели естественными; но какъ бы-то ни было — въ первую ночь домъ мой не былъ спокоенъ. —

Храбрый мой Пажъ Франсуа согласился спать не иначе, какъ только выставивъ голову изъ растворенной двери въ мою комнату, между тѣмъ какъ мой Русскій — Фаревицъ*, бесѣдующій, какъ вамъ извѣстно, и во снѣ, и на яву, и въ чудныхъ, и въ обыкновенныхъ домахъ, съ нечистою силою, въ скоромъ времени захрапѣлъ, застоналъ и вступилъ въ неоконочаемую конференцію съ домовыми. — Я одинъ пробылъ между сномъ и бдѣніемъ почти до самаго свѣта. Всѣ обогащающія квартиру мою преданія представлялись уму моему сначала въ безпорядкѣ, потомъ въ какой-то чудной послѣдовательности и наконецъ, совокупно съ роемъ постороннихъ размышленій, составили какую-то странную фантасмагорію, коей посильное описаніе въ стихахъ при семъ вамъ посылаю. . . . .« и проч.

Изд.

---

* Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Робъ-Роѣ, романѣ В. Скотта.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ Гуттенберговой типографіи.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВИКТОРА ТЕПЛЯКОВА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. П. Бургъ. Апрѣля дня 1836 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

Авторъ предлагаемыхъ Стихотвореній отнюдь не почитаетъ *неизбѣжнаго* въ наше время предисловія той животворной водой, которая, по сказанію артистовъ, возвращаетъ на мигъ первобытную красоту и блескъ древней живописи Геркуланума. Анализъ себя самого кажется ему, напротивъ, тѣмъ утреннимъ дымомъ, который, подымаясь съ долины, не только не допускаетъ до нея свѣта, но даже скрываетъ больше и больше отъ глазъ узоры ея разнообразной растительности. Обнажая страницы своихъ задушевныхъ помысловъ, нѣкогда яркихъ, живыхъ, гармоническихъ;

теперь туманныхъ на горизонтѣ памяти, подобно измѣняющимъ ей сновидѣніямъ, авторъ считаетъ, между тѣмъ, за нужное объявить, что предлагаетъ публикѣ отнюдь не произведенія патентованнаго модою литтератора, но неподдѣльныя впечатлѣнія души, проникнутой совсѣмъ иными предметами. Дѣло конечно не въ томъ, что-бы, подъ киклопскимъ молотомъ опытности, онъ до сихъ еще поръ не привыкъ взирать равнодушно на всѣ красоты созданія, на всѣ благородныя побужденія сердца, на всѣ порывы къ прекрасному, на всѣ трогательныя картины человѣческой грусти и радостей; дѣло не въ томъ, что-бы, подобно любезнику лучшаго *тона*, онъ не умѣлъ, въ случаѣ нужды, завсегда зѣвать, завсегда улыбаясь; порхàть, снѣдаемый тоской, отъ веселья къ веселью, съ хохломъ, завитымъ штопоромъ, или склоненнымъ *плакучею* ивою и умереть отъ скуки, съ необоримымъ спокойствіемъ и

важностію; — но несправедливо, между тѣмъ, было-бы не сознаться, что глубина его уединенія еще не всегда проникается вліяніемъ внѣшняго міра; что для него еще не совсѣмъ скрылись тѣ святыя, хотя столь рѣдкія нынѣ минуты, когда Геній прошлаго сжимаетъ намъ дружески руку, указываетъ жизнь души сквозь кристальную чистоту юности, разитъ чудотворнымъ жезломъ въ гранитъ сердечный и извлекаетъ изъ него потоки слезъ, давно позабытыхъ . . . И потому-то, если въ этихъ листкахъ вы полагаете встрѣтить какую-нибудь жеманную повѣсть, какой-нибудь сладкій романъ, какое-нибудь мадригальное арлекинство свѣта съ его блестками, любезничаньемъ и тонкостями — бросьте книгу: она не для васъ писана! Небо автора отнюдь не потолокъ вашихъ гостиныхъ, его солнце отнюдь не пылающая огнями люстра; земля — не коверъ, не паркетъ, налощеный для бала. Но если,

съ душой, жаждущей первобытной простоты и естественности, вы пожелаете сопровождать странника въ очарованный край Востока, упиться цвѣтами и звуками любимой Богомъ природы; если, не взирая на *эрготизмъ* и себялюбіе вѣка, «нравоучителя, подобно Сенекѣ, скаредному ростовщику» — вы захотите погрузиться думою въ смыслъ исторіи, ускользнувшій отъ человѣческихъ лѣтописей и столь глубокій, столь краснорѣчивый на пощаженныхъ тысячилѣтіями обломкахъ; если ваше сердце не безмолвно при громѣ роднаго оружія, вѣнчаннаго столь еще недавно лаврами Орфеевой родины; если для васъ, также какъ для автора, минувшее есть достовѣрнѣйшій пророкъ будущаго — то слѣдуйте смѣло за пилигримомъ! Съ корабля, осаждаемаго бунтующими волнами, онъ поведетъ васъ на пиръ вѣчно улыбающейся природы; отъ хаоса развалинъ, поражающихъ душу

однимъ отпечаткомъ поколѣній, однимъ отголоскомъ жильцовъ нѣкогда нашего, и ужь давно не нашего міра — въ средину военнаго стана, гдѣ смерть ходитъ обруку съ безпечной, съ разнообразной, съ кипучею жизнію. На пепелищѣ народовъ— онъ очеркнетъ вамъ картину ихъ патріархальнаго быта; на ихъ могилѣ — коснется цѣпи безсмертныхъ воспоминаній, проникнутыхъ столь еще недавнимъ блескомъ родимыхъ доблестей. Оттуда, на бурномъ скакунѣ Бедуинскомъ, онъ умчитъ ваше воображеніе къ независимости покорнаго одному только Промыслу человѣка; а оттуда — на поля, гдѣ Орлы Русскіе парятъ надъ кипящими отвагою тысячами, когда, съ умилительнымъ самоотверженіемъ въ сердцѣ, онѣ идутъ на смерть за славу, за честь, за необъятную будущность родины . . . .

Невозможно, что-бы посреди столь

богатаго разнообразія впечатлѣній, предъ исчезнувшими, или исчезающими памятниками земнаго величія, подъ вліяніемъ неотразимыхъ думъ о вещахъ и событіяхъ въ странѣ, свидѣтельницѣ ихъ таинственнаго сцѣпленія — невозможно, что-бы все это проходило мимо, не возбуждая въ авторѣ тысячи размышленій о *суетѣ суетъ*, и не тяготѣло на нѣкоторыхъ всѣмъ грузомъ пространства и времени. Но если мечты души его, проникнутыя дуновеньемъ того порядка вещей, посреди коего человѣкъ могъ-бы еще быть столько счастливъ, великъ и плодотворенъ, безъ непріязненнаго взгляда, безъ оледеняющихъ несправедливостей подобныхъ ему; если, посреди созерцаній лучшаго, идеальнаго міра, той невыразимой гармоніи существъ, которую ощутивъ однажды, мы никогда позабыть не можемъ; если, вслѣдъ за огнекрылымъ гимномъ Творцу и природѣ, вся горечь волнующагося надъ бездной

существованія пробѣгаетъ иногда порывами бурнаго вѣтра по сердечнымъ струна̀мъ автора и невольно клонитъ на грудь его горящую голову — то полный искренней добросовѣстности, онъ уповаетъ, что вашъ укоръ не будетъ для него новымъ терніемъ! Ничто, безъ сомнѣнія, кромѣ одной изъ наиболѣе симпатическихъ слабостей нашей природы: стремленье къ дружнему сердцу, съ потребностью высказать, дать судить, утѣшить и подкрѣпить себя ободрительными совѣтами, не побудило-бы его предать свою внутренюю жизнь анатоміи толпы насмѣшливой и равнодушной. Когда, по замѣчанію одного писателя, человѣкъ не знаетъ, кто его любитъ и кому самъ онъ можетъ повѣрить себя, тогда онъ всенародно исповѣдуется предъ вѣчнымъ собраніемъ человѣковъ, взывая такимъ образомъ къ незнакомымъ друзьямъ, которые дремлютъ можетъ быть во глубинѣ толпы и про-

снутся только отъ его громкаго слова; онъ вопрошаетъ: не найдетъ-ли созвучной души, которая поняла-бы и раздѣлила его тайныя муки и радости....

Нужно-ли ко всему этому прибавлять, что *Ѳракійскія Элегіи*, страницы прежней— то неугомонной, то созерцательной, но завсегда простой, завсегда любящей души̇ автора—создавались бо̇льшею частію только для ослабленія тѣхъ струнъ, кои отъ сердца тянутся прямо къ мозговымъ органамъ.... Писанныя съ натуры, на бранномъ щитѣ, при блескѣ огней бивачныхъ, при мерцаньи звѣздъ враждебнаго неба— онѣ суть только *Пропилеи* зданія, за матеріялами коего жизнь автора стремилась далёко, волею и неволею, почти съ самаго своего разсвѣта.... Теперь — это идеальное зданіе едва-ли существеннѣе какихъ нибудь Альнаскаровыхъ за̇мковъ, ибо, говоря словами Подье, одна половина того,

что ему оставалось высказать, уже запоздала; другая — можетъ быть еще не совсѣмъ приспѣла....

С. Петербургъ, 16 Марта 1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ѲРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ.

(Писаны въ 1829-мъ году.)

Ma bouche se refuse à tout langage qni n'est pas le vêtement même de la pensée . . . .
——— et d'ailleurs ——————— ma lyre est comme une puissance surnaturelle qui ne rend que des sons inspirés.

Ballanche.

ПЕРВАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ОТПЛЫТІЕ.[1]

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue...
L. Byron.

I.

Визжитъ канатъ; изъ безднъ зыбучихъ
Выходитъ якорь; вѣтръ подулъ; —
Матросъ на верви мачтъ скрыпучихъ
Послѣдній парусъ натянулъ —
И вотъ надъ синими волнами
Своими бѣлыми крылами
Корабль свободный ужь махнулъ!

Плывемъ!... блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные;
Златой струится блескъ по синему пути;
Прости, земля! прости, Россія;
Прости, о родина, прости!

Безумецъ! что за грусть! въ минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья? —
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей чёлнъ,
И бездны передъ ней отверзтыя казало! —
Пусть такъ! но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый наложила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! въ твоемъ сіяньи
Сгараетъ, тонетъ мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите:
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою:
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гуляйте-жь вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Онѣ кипятъ, онѣ шумятъ —
И нѣтъ ужь родины на дальнемъ небоскатѣ!
Лишь точка слабая, ея послѣдній взглядъ,

Блѣднѣетъ — и дрожа, въ вечернемъ тонетъ златѣ.
На смѣну солнечнымъ лучамъ,
Мелькая странными своими головами,
Колоссы мрачные свинцовыми рядами
Съ небесъ къ темнѣющимъ спускаются зыбямъ...
Спустились; день погасъ; нѣтъ звѣздъ на ризѣ ночи;
Глубокій мракъ надъ кораблёмъ;
И вотъ ужь непримѣтнымъ сномъ
На тихой палубѣ пловцовъ сомкнулись очи....
Все спитъ; — лишь у руля матросъ сторожевой
О дальней родинѣ тихонько напѣваетъ,
Иль кончивъ срокъ урочный свой,
Звонкомъ товарища на смѣну пробуждаетъ.
Лишь странница-волна, взмутясь въ дали нѣмой,
Какъ призракъ въ саванѣ, колѣнопреклоненный,
Надъ спящей бездною встаётъ;
Простонетъ надъ пустыней водъ —
И разсыпается по влагѣ опѣненной.
Такъ перси юности живой
Надежда гордая вздымаетъ;
Такъ идеалъ ея святой,
Душа, пресытившись мечтой,
Въ своей пустынѣ разбиваетъ.
Но полно! что нашъ идеалъ?
Любовь-ли, дружба-ли, прелестница-ли слава? —
Сосудъ Цирцеи ихъ фіалъ:
Въ немъ скрыта горькая отрава!

И мнѣ-ль вздыхать о нихъ, когда въ сей мигъ орломъ,
Надъ царствомъ шумныхъ волнъ, крылами думъ носимый,
Паритъ мой смѣлый духъ, какъ вѣтръ неукротимый,
Какъ яркая звѣзда въ эѳирѣ голубомъ!
Толпы безсмысленной хвалы иль порицанья,
Объ васъ-ли въ этотъ мигъ душѣ воспоминать!
Объ васъ-ли сердцу тосковать,
Измѣны ласковой коварныя лобзанья!
Нѣтъ, быстрый мой корабль, по синему пути
Лети стрѣлой въ страны чужія!
Прости, далекая Россія!
Прости, о родина, прости!

ВТОРАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ТОМИСЪ.

❋

Hic ego qui jaceo tenerorum lusor amorum
Ingenio perii Naso poeta meo.
At tibi qui transis ne sit grave, quisquis amâsti,
Dicere, Nasonis molliter ossa cubent.

Ovid., Trist., Lib. III, El. 5, v. 70.

❋

II.

Свинцовой дымкою подернутъ сводъ небесъ,
По морю мутному холодный вѣтеръ бродитъ;
Ряды широкихъ волнъ шумятъ, какъ темный лѣсъ —
И будто рать на бой рѣшительный проходятъ.

«Не буря-ль это, кормчій мой? —
Какъ море вихрится и плещетъ!»
— О нѣтъ, пусть этотъ вѣтръ глухой
Въ послушныхъ парусахъ трепещетъ!
Пусть бьется море: гнѣвный валъ
Еще до насъ не долетаетъ,
И нашихъ пушекъ грозный шквалъ

Еще съ цѣпей ихъ не срываетъ! —
«Смѣюсь надъ бурей я твоей!»
Но что-же тамъ, въ дали волнистой,
Какъ поясъ желтый и струистый
Мелькаетъ на краю бунтующихъ зыбей?

Тебя-ли вижу я, изгнанья край унылый?
Тебя-ль, безсмертнаго страданія земля!
О степь, богатая Назоновой могилой! [1].
Ты-ль такъ безжизненна? тебѣ-ль душа моя
Несетъ даръ слезъ своихъ печальный?
Прими ихъ! пусть въ дали сѣдой
Ты, какъ холодный трупъ, какъ саванъ погребальный
Безмолвно тянешься надъ бездною морской —
Краснорѣчивъ твой гласъ, торжественный покой!
Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!
О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его разскажетъ —
Степной-ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ?....
Но тише.... тише.... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манитъ, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый,
Въ лучахъ сіяетъ голова,

Бѣлѣе волнъ хитонъ перловый,
Святѣй ихъ ропота слова. —
И подъ эѳирными перстами
О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
Златая лира говоритъ.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изгнанье;
Въ немъ стонъ о родинѣ звучитъ,
Какъ плачъ души безъ упованья.
Она поетъ:

I.

«Не говори, о чемъ надъ урною моей
Стенаешь ты, скиталецъ одинокой: —
Лучь славы не горитъ надъ головой твоей;
Но мы равны судьбиною жестокой!....
Число-ль ты хочешь знать моихъ сердечныхъ ранъ? —
Сочти небесъ алмазныя пылинки;
По каплѣ вымѣри бездонный Океанъ,
Пересчитай бреговъ его песчинки!
Пускай минувшаго завѣса раздрана —
Мои бѣды заглушены вѣками;
Тоска по родинѣ со мной погребена
Въ чужой землѣ, подъ этими песками.
Не вѣрятъ повѣсти Овидіевыхъ мукъ:
Она, какъ баснь изъ рода въ родъ несется,
Течетъ изъ устъ молвы — и какъ ничтожный звукъ
Въ дали временъ потомству раздается!

II.

«О, какъ привѣтствовалъ на Тибровыхъ брегахъ
Въ послѣдній разъ я римскую денницу!
Какъ ты поспѣшно скрылъ, Капитолійскій прахъ
Отъ глазъ моихъ всемірную столицу!
И ты исчезъ за нимъ, мой домъ, мой рай земной, 2
Моихъ боговъ отеческихъ жилище!
Изгнанникъ! гдѣ твой кровъ? — весь міръ передъ тобой; —
Прости лишь ты, родное пепелище!
Но нѣтъ! и цѣлый міръ былъ отнятъ у меня:
Изгнанье тамъ поэта ожидало,
Гдѣ воздухъ — снѣжный паръ; туманъ — одежда дня,
Тамъ, гдѣ земли конецъ, или начало! — 3
Гдѣ только бранный шумъ, иль бурь всегдашнихъ вой
Пустынный гулъ далеко повторяетъ;
Свирѣпый Савроматъ выходитъ на разбой,
Иль хищный Гетъ убійство разливаетъ! 4

III.

«Чернѣе тмы ночной былъ цвѣтъ моихъ кудрей,
Когда узрѣлъ я берегъ сей кремнистый;
Промчался годъ одинъ — и въ нѣдрѣ сихъ степей
Я побѣлѣлъ, какъ лебедь серебристый!
Вотще въ гармоніи Овидіевыхъ струнъ

Всѣ таинства Олимпа обитали:
Упалъ на ихъ пѣвца крушительный перунъ —
И въ сердцѣ вмигъ всѣ звуки замолчали!...
Когда сѣдой морозъ надъ кровлями трещалъ,
Широкій Истръ недвиженъ становился,
И вѣтръ, какъ дикій звѣрь, въ пустынѣ завывалъ,
И смятый дубъ на снѣжный одръ катился — [5]
По бѣломраморнымъ, застынувшимъ водамъ,
Какъ новый токъ, въ часъ бурнаго волненья,
Кентавры хищные неслись въ то время къ намъ,
Съ огнемъ войны, съ грозой опустошенья. [6]

IV.

«Душа симъ гибельнымъ тревогамъ предана,
Могла-ль творить, какъ нѣкогда творила? —
Нѣтъ! съ лиры брошенной Назонова струна
На бранный лукъ тогда переходила. — [7]
И радостно поэтъ на смертный мчался бой,
И съ жизнью вновь къ изгнанью возвращался;
Придешь-ли ты назадъ, мигъ вольности златой?
Иль ты навѣкъ съ душою распрощался!
Узрю-ль я вновь тебя, родимой кровли сѣнь?
Увижу-ль васъ, отеческіе боги? —
И тотъ волшебный край, гдѣ солнце каждый день
Златитъ весны зеленые чертоги?
И ты, о вѣчный градъ! узрю-ль у ногъ твоихъ
Простертый міръ передъ семью холмами,

Блескъ пышныхъ портиковъ и храмовъ золотыхъ,
И пѣну струй подъ бронзовыми львами?

V.

«Узрю-ль и тотъ предѣлъ, гдѣ царственный народъ
Благоговѣлъ предъ гласомъ Цицерона,
И стогны, гдѣ поднесь родимый воздухъ пьётъ,
Какъ жаръ любви, поэзію Назона?
Моя Италія! къ тебѣ, на свѣтлый Югъ,
Помчался-бъ я быстрѣй крылатой птицы;
О солнце Римское! когда-жъ отъ Скиѳскихъ вьюгъ
Оттаешь ты Назоновы ресницы?
Когда..... но я вотще о роднѣ стеналъ!
Надежды лучь надъ сердцемъ издѣвался;
Неумолимаго я богомъ называлъ: —
Отъ грусти умъ въ душѣ поколебался!
И ты-ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь
Ласкательствомъ души уничиженной? —
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!...

VI.

«Подобно мнѣ ты сиръ и одинокъ межъ всѣхъ,
И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады;
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ услады!
Но въ гробъ мой мрачнаго забвенія печать

Вотще вклеймить мечтало вѣроломство —
Его завѣтъ пѣвца престанетъ обличать,
Когда умретъ послѣднее потомство!
Межь тѣмъ, — пусть на землѣ, предъ суетной толпой
Въ ночи временъ не гаснетъ солнце славы —
Пройдетъ-ли лучь его сквозь сумракъ гробовой!
Моихъ костей коснется-ль величавый!
Вотще труба молвы на безотвѣтный прахъ
Со всѣхъ сторонъ поклонниковъ сзываетъ —
Что пеплу хладному въ тѣхъ громкихъ похвалахъ,
За кои жизнь всечасно умираетъ!...»

Умолкъ божественный — и съ лирой неземной
Исчезъ, какъ лучь во мглѣ свинцовой.....
Взрываетъ волны вѣтръ глухой,
На море льется блескъ багровый.
Громады тучь по небесамъ,
Какъ будто по морю другому,
Подобно мрачнымъ кораблямъ,
Къ сраженью мчатся громовому.
Трепещутъ груды волнъ сѣдыхъ,
И какъ подавленныя воютъ: —
То не главы-ль духовъ морскихъ
Струями локоновъ своихъ,
Какъ серебромъ, все море кроютъ? —
Души разбойника чернѣй
Сошлася съ бурей мгла ночная,

И какъ завѣса гробовая
Весь міръ сокрыла отъ очей. —
Лишь пламень молніи струистый
Другаго неба сводъ огнистый
Откроетъ — и во мглѣ ночной
Съ кипящей борется волной. —
Темна, какъ сумрачная вѣчность,
Она подъемлется, идетъ . . .
« Матросъ! что вдалекѣ твой взоръ распознаетъ?»
Что съ мачты видишь ты?»—Я вижу безконечность! —

« Не буря-ль это, кормчій мой?
Ужь черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль твой гнется и трепещетъ!»
— Ужасно! . . . руль съ кормой трещатъ,
Колеблясь мачты измѣняютъ,
Въ лоскутья парусы летятъ,
И съ буйнымъ вѣтромъ исчезаютъ! —
« Вели стрѣлять! быть можетъ насъ
Какой нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!»
И грянулъ знакъ . . . . и все молчитъ,
Лишь море бьется и кипитъ,
Какъ тигръ бросаясь разъяренный; —
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голосъ громовой

Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной. [8]
«Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»
— Не ты-ль дерзнулъ-бы въ этотъ мигъ,
О странникъ! бурѣ улыбаться? —
«Ты отгадалъ!...» Я сердцемъ съ ней
Желалъ-бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ-бы въ бой стихій вмѣшаться!...
Но нѣтъ, — и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другаго свѣта,
Слова погибшаго Поэта
Теперь звучатъ въ душѣ моей!

ТРЕТІЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

БЕРЕГА МИЗІИ.

*

Erst regierte Saturnus schlicht und gerecht,
 Da war es Heute wie Morgen,
Da lebten die Hirten, ein harmlos Geschlecht
 Und brauchten für gar nichts zu sorgen:
Sie liebten und thaten weiter nichts mehr;
Die Erde gab alles freiwillig her.

Schiller.

*

III.

Обширный Божій міръ раскрылся предо мной;
Мой безграничный духъ гуляетъ на просторѣ,
Не помнитъ прошлаго онъ цѣпи ледяной —
Вода-ль забвенья это море?..

Ужь семирукій Истръ, [1] съ покровомъ на главѣ,
Стеная надъ своей коралловою урной, [2]
За мною скатертью лазурной
Далеко утонулъ въ Эвксинской синевѣ.

Какъ старъ сей шумный Истръ! чела его морщины
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ чёлнъ нѣмой,
Мелькаютъ и Орлы Трояновой дружины. [3]

Скажи, сафирный богъ, [4] надъ брегомъ-ли твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый, [5]
Средь тучи Варваровъ, на этотъ *вѣчный* Римъ
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый? — [6]
Не ты-ль спиралъ свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой-ли въ ихъ крови не растопился брегъ,
Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями?

Хотите-ль знать, зачѣмъ, куда
И изъ какой глуши далёкой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ нивамъ и лугамъ,
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи; —
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!
Такъ точно Промысла не вѣдая путей,
Неслись полки Судьбы къ ея предназначенью: [7]
И вотъ — изъ груди Царствъ, отъ стали ихъ мечей,
Воспрянулъ новый огнь — и чадъ глухихъ степей
Приблизилъ къ цѣли Провидѣнья!
Пускай ихъ тысячи о брегъ сѣдыхъ временъ,
Какъ волны шумныя разбились —
Остатки дикихъ сихъ племенъ

Преобразили міръ, и съ нимъ преобразились! [8]
Но что-же въ томъ! пускай падутъ
Его старинные обломки,
За поколѣньями другія возстаютъ —
На гробѣ праотцевъ счастливѣе-ль потомки?...

Владыки древніе сихъ славныхъ береговъ,
Кто былъ блаженнѣй васъ, наперсники природы,
Когда средь кочевыхъ, какъ люди, городовъ,
Вы свято берегли наслѣдіе отцовъ:
Богатство дикой ихъ свободы?
Любовь волшебная и кровныхъ, и друзей, [9]
Обмѣнъ сердечныхъ изліяній,
Незнанье гибельныхъ страстей,
Незнанье вѣтреныхъ желаній —
Шатра-ль убогаго въ невѣдомой тѣни,
Вы золотаго вѣка дни
Для Скиѳа бѣднаго всечасно воскрешали? — [10]
Первообразнаго творенья чудеса,
Какъ пиръ божественный очамъ его сіяли;
Какъ безконечный садъ дремучіе лѣса,
Предъ нимъ шумя, благоухали.
Ему пещерный сводъ чертогами служилъ,
Постелей — лугъ, блестящій златомъ;
Природы сынъ — тогда онъ былъ
Всему созданью милымъ братомъ.
Затѣетъ пиръ — къ нему толпой
Пернатыхъ музыкантовъ рой

Съ своей мелодіей слетится,
И милліонъ надъ нимъ огней,
Во мракѣ праздничныхъ ночей,
Роскошно съ неба загорится.
Пастухъ и царь въ степяхъ своихъ,
Не зная дальней ихъ границы,
Онъ былъ вольнѣй небесной птицы,
Когда съ нимъ вихрь пустынь родныхъ,
Его скакунъ неукротимый,
Гулялъ въ степи необозримой.
Онъ былъ блаженнѣе царей,
Когда близь матери своей
Предъ нимъ птенцы его играли;
Когда холмовъ зеленый скатъ
Толпы его рогатыхъ стадъ,
Бренча звонками, покрывали;
Когда надъ горною струёй,
Въ тѣни древесъ уединенной,
Домашнихъ пчелъ привычный рой
Жужжалъ въ долинѣ сокровенной.
Недугомъ суетныхъ заботъ
Сердца счастливцевъ не страдали:
Млеко овецъ, душистый мёдъ
Ихъ жизнь бродячую питали. "
Порой, какъ пышный злакъ холмовъ
Для тучныхъ стадъ и табуновъ
Предъ ихъ владѣльцемъ истощался —
Мгновенно въ путь весь домъ сбирался.

Предъ нимъ, за нимъ коверъ степной
Вдали съ небесной синевой,
Какъ пестрый Океанъ сливался.
И кочевалъ счастливый Скиѳъ
Безпечно по лѣсамъ душистымъ,
Доколѣ, надъ ручьемъ сребристымъ,
Роскошный лугъ, подъ тѣнью ивъ —
Своею свѣжей красотою,
Своей пахучей муравою
Не обольщалъ его — тогда
По новымъ паствамъ разсыпались
Скитальцевъ шумныя стада,
И новымъ солнцемъ озарялись
Передвижные города. [12]

О, для чего я не родился
Въ ихъ мирной, радостной глуши,
Когда отъ мудрыхъ грезъ еще не помрачился
Народъ, природы сынъ, огонь твоей души! [13]
Какъ птичка Божія по волѣ,
Какъ вольный вѣтеръ въ чистомъ полѣ,
Я по вселенной бы родной
Леталъ, семьей своей слѣдимый,
Родными Ларами хранимый,
Тоски не мучимый змѣей!...

Но что за мысъ въ дали свинцовой,
Какъ тронъ Зефировъ бирюзовый,

Сквозь радужный разсвѣта дымъ,
Мелькаетъ надъ волной перловой,
Огнемъ облитый золотымъ?

— Не ты-ль, крылатый Левъ, не ты-ль на крыльяхъ славы
Въ сей край съ перунами побѣды прилеталъ;
Не здѣсь-ли нѣкогда торжественно сіялъ,
Звѣзда Венеціи, твой отблескъ величавый? [14]
Въ то время волны всѣхъ морей
Толпы отважныхъ кораблей,
Тобой разсѣянныхъ, топтали;
На Царства дани налагали,
И дождь сокровищь золотой
Въ твою утробу проливали!
И гдѣ-же нынѣ скипетръ твой?
Гдѣ дни торжествъ и громкой славы?
— Пята Ничтожества подъята надъ тобой,
Римъ Океана величавый! [15]
Лишь странникъ гулъ твоихъ побѣдъ
Предъ этимъ берегомъ невольно вспоминаетъ,
И взоръ презрительный на ихъ простывшій слѣдъ,
На слѣдъ подлуннаго могущества бросаетъ!...

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.

Но что за гулъ?.. какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался: —
То грохотъ пушки заревой,
Изъ Русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка;
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Упьемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньи,
При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!....

ЧЕТВЕРТАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ГЕБЕДЖИНСКІЯ РАЗВАЛИНЫ.[1]

*

Пойду лить слезы и оглашу громкими воплями горы и стези пустыни, нѣкогда столь прекрасныя; ибо все сгорѣло на нихъ, ибо тамъ нѣтъ ужь ни единаго проходящаго, не слышно болѣе гласа того, который обладалъ ими; ибо отъ птицъ небесныхъ и даже до звѣрей земныхъ, все ихъ покинуло и удалилось.

Іеремія, IX, 10.

*

IV.

Не міра-ль древняго обломки предо мной?
Не допотопные-ль здѣсь призраки мелькаютъ? [2]
Не руки-ль грозныя таинственной косой
Во мглѣ ничтожества сверкаютъ?
Повсюду смерть! повсюду прахъ!
Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми головами,
Столбовъ у Тлѣнности угрюмой на часахъ,
Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами —
Повсюду сумрачный дедалъ въ моихъ очахъ! [3]

Надъ жатвой, градомъ пораженной,
Или надъ рощей низложенной
Обрывомъ исполинскихъ горъ, —
Или надъ битвенной равниной,
Покрытой мертвою и раненой дружиной,
Чей сумрачный скитался взоръ?
— Пускай-же тѣ лишь алчутъ взгляды
Обнять дремучія громады
Сихъ чудныхъ, Вѣчностью сосчитанныхъ столбовъ: —
Вотъ жатва, смятая Сатурновой пятою,
Вотъ сучья временемъ низложенныхъ дубровъ,
Вотъ рать, побитая Ничтожества рукою,
И въ прахѣ спящая подъ саваномъ вѣковъ!
Здѣсь нѣтъ земнаго завѣщанья,
Ни письменъ, ни искусства нѣтъ;
Но не древнѣе-ли преданья
Міровъ отжившихъ дивный слѣдъ?... 4

Дружины мертвецовъ гранитныхъ!
Не вы-ли стражи тѣхъ столбовъ,
На коихъ чудеса вѣковъ,
Искусствъ и знаній первобытныхъ
Рукою Сиѳовыхъ начертаны сыновъ?... 5
Какъ знать, и здѣсь былой порою,
Творенья, можетъ быть, весною
Родъ человѣческій безъ умолку жужжалъ —
Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ
Главою отрокъ достигалъ, 6

И мамонта, могучъ и страшенъ,
На битву равную охотникъ вызывалъ!
Быть можетъ, нѣкогда, и въ этомъ запустѣньи
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близъ кедровыхъ палатъ,
Кругомъ висячіе сады благоухали,
Тѣснились мѣдныя чудовища у вратъ,
И мраморъ золотомъ расписанныхъ аркадъ
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здѣсь огромныхъ башенъ лѣсъ,
До вѣковыхъ переворотовъ,
Пронзалъ, быть можетъ, сводъ небесъ,
И пѣна горныхъ струй, средь пальмовыхъ древесъ,
Изъ пасти бронзовыхъ сверкала бегемотовъ! —
И здѣсь на жертвенную кровь,
Быть можетъ, мирными вѣнчанные цвѣтами,
Колоссы яшмовыхъ боговъ
Глядѣли весело алмазными очами.... 7
Такъ, такъ! подлуннаго величія звѣздой
И сей Ничтожества былъ озаренъ объѣдокъ, —
Парилъ умовъ надмѣнныхъ рой,
Цвѣла любовь... и напослѣдокъ —
Повсюду смерть, повсюду прахъ
Въ печальныхъ странника очахъ!

Лишь ты, Армида красотою,
Надъ сей могилой вѣковою,

Природа - мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей градъ развалинъ неизвѣстный
Повсюду богатитъ она! —
Взгляните: этотъ столбъ, Гигантъ окаменѣлый,
Какъ въ полѣ колосъ переспѣлый,
Къ землѣ онъ древнею склонился головой;
Но съ нимъ, недвинутый годами,
Сосѣдъ, увѣнчанный цвѣтами,
Гирляндой связанъ молодой;
Но съ головы его маститой
Кудрей зеленыхъ вьется рой,
И плащъ изъ листьевъ шелковитый
Колышетъ вѣтръ на немъ лѣсной!
Вотъ столбъ другой: на дернъ кудрявый,
Какъ трупъ онъ рухнулся безглавый;
Но по зіяющимъ развалины рубцамъ
Играетъ свѣжій плющъ и вьется миртъ душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешнимъ сталъ цвѣтамъ! —
И вмѣсто рухнувшей громады
Ужь юный тополь нѣжитъ взгляды,
И тихо все... лишь соловей,
Какъ сердце, полное — то безнадежной муки,
То чудной радости — съ густыхъ его вѣтвей
Свои льетъ пламенные звуки....
Лишь посреди сѣдыхъ столбовъ,

Хаоса дикихъ травъ, обломковъ и цвѣтовъ,
Вечернимъ золотомъ облитыхъ —
Семейство ящерицъ отъ странника бѣжитъ,
И въ камняхъ, зелени узорами обвитыхъ,
Кустами дальними шумитъ!...

Іероглифы вѣковые,
Былаго міра мавзолей!
Межь вами и душой моей,
Скажите, что за симпатія? —
Нѣтъ! вы не мертвая Ничтожества строка:
Вашъ прахъ — урокъ судьбы тщеславію потомковъ;
Живѣй-ли гордый лавръ сихъ дребезговъ цвѣтка?...
О, дайте-жь, дайте для вѣнка
Мнѣ листьевъ съ мертвыхъ сихъ обломковъ!

Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я надъ вами
Парю́ крылатою мечтой —
Вѣка́ смѣняются вѣками,
Какъ волны моря предо мной!
И съ великанами былыми
Тогда я будто какъ съ родными,
И неземнаго бытія
Призывъ блаженный слышу я!...

Но день погасъ, а я душою
Къ симъ камнямъ будто пригвождёнъ,
И вотъ ужь яхонтовой мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ.
По морю синяго эѳира,
Какъ чёлнъ мистическаго міра
Царица ночи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную, навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ,
И межь столбовъ сѣдыхъ трепещутъ;
И, будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли былаго дѣти,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Паря во мглѣ тысячилѣтій....

Звѣрей и птицъ ночныхъ пріютъ,
Давноминувшаго зерцало,
Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ-бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,
О Альнаскары! приступите,
Свои имъ грезы разскажите,
Откройте имъ: боговъ земныхъ
О чемъ тщеславіе хлопочетъ?
Чего докучливый отъ нихъ

Народовъ муравейникъ хочетъ?...
Ты правъ, божественный пѣвецъ:
Вѣка вѣковъ лишь повторенье!
Сперва — свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой — роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ — изящные пороки,
Глухое варварство потомъ!... 8

. . . .

Но я, природы другъ смиренный,
Мой цвѣтъ, надеждой возращенный,
Зато-ль такъ рано поблѣднѣлъ —
Что за безсмысленной толпою,
Пигмейскихъ происковъ тропою,
Ползти я къ счастью не хотѣлъ;
Что даръ Небесъ, огонь сердечный
Сберечь въ груди своей желалъ,
И, въ простотѣ души безпечной,
Пронырства сѣтью безконечной
Ничьей стези не преграждалъ?...
О! помню я, когда, бывало
Природы всей недоставало
Мнѣ для божественной любви —
Какая въ чувствахъ симпатія,
Какой огонь пылалъ въ крови!...
Но я узналъ сердца людскія,

Извѣдалъ жало клеветы,
Неправды вытерпѣлъ гоненья,
Оплакалъ дружбы измѣненья,
Надежды попранной цвѣты; —
И прахъ своихъ разбитыхъ Ларовъ,
Средь грозныхъ жребія ударовъ,
Слезой кровавой оросилъ;
Потомъ фіалъ земной кручины
До дна, до капли осушилъ,
И въ дальній путь, съ крестомъ судьбины,
По новымъ терніямъ ступилъ....
О! посмотрите-жь: для поэта
Едва настало жизни лѣто —
И гдѣ-жь, и гдѣ его тепло!
Въ очахъ ужь нѣтъ любви магнита,
Въ усмѣшкѣ колкой горе скрыто,
И думъ перунами чело,
Какъ море бурное изрыто;
И жаръ восторговъ прежнихъ сталъ —
Съ горнила сброшенный металлъ!

Но пусть мои младые годы,
Какъ листья падшіе развѣяны судьбой —
Напрасно-ль въ прелестяхъ вещественной природы
Мой духъ незримою плѣнялся красотой!
Нѣтъ, нѣтъ! орелъ, на время плѣнный,
Свои онъ узы разорветъ,

И цѣпь существъ, освобожденный,
Въ мірахъ надзвѣздныхъ разберетъ;
И у Создателева трона,
Съ нимъ примиренный Аббадона,
Вновь къ Абдіилу подлетитъ;
Забудетъ грусть, не скажетъ: стражду!
И съ нимъ любви безсмертной жажду
Изъ чаши солнца утолитъ.....

Но поздно; скоро день заблещетъ;
Луна и звѣзды чуть горятъ;
Промежь сѣдыхъ столбовъ дубравный вѣтръ трепещетъ —
И шепчетъ темный лѣсъ, и камни говорятъ....
Эѳирной музыки мотивы,
Какъ ваши дикіе чудесны переливы! —
То бѣглый звукъ.... то странный стонъ...
Гулъ, замирающій печально....
Нѣтъ, не земныхъ тимпановъ звонъ,
Сей гласъ развалинъ музыкальный!...

Но поздно; мой Казакъ не спитъ:
Вздремнувъ, ужь пикой онъ сверкаетъ;
Копытомъ въ землю конь разитъ,
И огнь изъ камней вышибаетъ! —
Садимся, ѣдемъ; путь далёкъ;
Куда пріѣдемъ — знаетъ рокъ!

Прости-жъ, о рой моихъ видѣній!
Былаго міра прахъ святой;
И ты, развалинъ тайный Геній,
Прими поклонъ прощальный мой!..

ПЯТАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ГЕБЕДЖИНСКІЕ ФОНТАНЫ.

❋

Немногіе умѣютъ быть счастливы: рабы страстей, носимые поперемѣнно волнами противными, они скитаются, ослѣпленные, по морямъ безбрежнымъ. Нѣтъ силъ противустать бурѣ; нѣтъ силъ покориться ей! . . .
. . . .
Мужъ добра, мужъ разума, останься въ пристани!

Пиѳагоровы золотые стихи.

❋

V.

Вся тварь вокругъ меня молчитъ,
Алмазный полдень съ неба льется;
Какъ раскаленный шаръ свѣтило дня горитъ,
Отъ зноя сердце тяжко бьется.

Глубокій лѣсъ передо мной,
Зубцами скалъ вдали пронзенный;
Надъ ними снова лѣсъ, и будто шлемъ стальной,

Зеленымъ гребнемъ опернный,
Надъ лѣсомъ вновь утесъ крутой,
Лазурью неба окруженный.

Туда, туда, подъ склонъ древесъ!
Тамъ воздухъ легче и живѣе...
Иду; густѣетъ дикій лѣсъ,
Вздыхаетъ грудь моя вольнѣе.
Лучь солнца ярко-золотой,
Скитальца спутникъ прихотливый,
То быстролетно, то лѣниво
Среди зеленой мглы скользитъ передо мной.

Томимый жаждою палящей,
За шумъ струи животворящей,
Чего въ сей мигъ-бы не далъ я!
Иду — и вотъ въ глуши прохладной,
Какъ голосъ матери отрадный,
Журчитъ источника струя.
Прервался лѣсъ — и предо мною
Темнозеленой пеленою
Лугъ бальзамическій лежитъ.
У ногъ гранитныхъ великановъ
Тамъ двухъ топазовыхъ фонтановъ
Немолчный говоръ дребезжитъ.
Надъ ними сумракъ ивъ плакучихъ,

Дубовъ и тополей дремучихъ
Душа весны животворитъ.
Ихъ слезы крупною росою
Падутъ на пестрые цвѣты,
И бриллiантовой змѣёю,
На солнцѣ, мягкой муравою
Бѣгутъ за дальнiе кусты! [1].

Прiютъ святаго вдохновенья,
Твой упоительный покой —
Тревогъ сердечныхъ усыпленье,
Любви дыханье — воздухъ твой!
Ея Эдемъ изображая,
Съ тобой на крыльяхъ думъ, о Делiя младая,
Ужь не въ дубравы-ль этѣхъ скалъ
Мудрецъ Тибуллъ перелеталъ? [2]....
Какъ здѣсь легко существованье!
Черезъ душевные струящiйся края,
Безъ мыслей, нектаръ созерцанья —
Единый признакъ бытiя!
О! долго на распутьи свѣта
Я жаждой умственной страдалъ;
Душой родную душу звалъ:
И тщетно! — гласъ мой безъ отвѣта
Въ пустынѣ мiра исчезалъ....
Слети-же ты, на крыльяхъ лѣни,

Сихъ одинокихъ рощей Геній;
Весны мелодію на чувства мнѣ навѣй, [3]
И отъ полуденнаго зноя
Дай кровлю страннику подъ склономъ сихъ вѣтвей,
И въ шумѣ горныхъ струй душѣ его пролей
Святую магію покоя!

Такъ, такъ! исчезъ коварный бредъ,
Горячка сердца миновалась,
И мой извѣдалъ умъ, что призракъ юныхъ лѣтъ,
Что все, чѣмъ нѣкогда мечта моя плѣнялась —
Не на землѣ живущій цвѣтъ!...
Улыбка славы горделивой —
Подарокъ черни прихотливой;
Земное равенство — пожаръ,
Пиры въ грязи окровавлённой;
А Генія высокій даръ —
Цѣпь на скалахъ Святой-Елены!...
О правѣ площадныхъ друзей
Голодный Арлекинъ хлопочетъ;
Сталъ Крезомъ онъ — и на людей
Сѣкиру мстительную точитъ.
Браминъ на Парій нападалъ;
Но Брамы милостей лишился —
И братомъ онъ гонимыхъ сталъ,
И въ Человѣчество влюбился!

Воюя будто за него,
Такъ цѣлый міръ намъ ставитъ сѣти;
Вы козни поняли его —
И сѣдовласыя вамъ дѣти
Аршинъ показываютъ свой;
Постель Прокустова предъ вами,
Вы къ ней прикованы гвоздями:
Велики вы — на васъ грозой
Топоръ-уравниватель грянетъ;
Вы малы — петлей роковой
Васъ ложе страшное растянетъ!...
Въ глухомъ хаосѣ этой тмы
Чего-жь искать, къ чему стремиться,
Куда бѣжать, зачѣмъ родиться?
И долго-ль чувствовать, что мы
Не то, чѣмъ созданы быть въ мірѣ,
И въ ледяномъ его кумирѣ
Надежды солнце обожать?
О! долго-ль горечью земною
Жить сердцу — и съ самимъ собою
Въ борьбѣ жестокой изнывать? —
Искать веселья въ царствѣ скуки,
Таить свой гнѣвъ, любовь и муки,
И мракомъ свѣтъ пережграждать?
Иль ихъ всемірное боренье —
Завѣтъ Адамова паденья?....
Увы! какимъ-бы мы путёмъ
Не шли къ Блаженству — Скорбь земная

Стоитъ предъ радужнымъ дворцомъ,
Всѣ входы сердцу возбраняя,
Какъ стражъ потеряннаго Рая,
Архангелъ съ огненнымъ мечёмъ!...

Наслѣдья горькаго пресытившись плодами,
Обнявъ сей міръ души очами,
Что-жь дѣлать — *быть, или не быть?*
О, если-бъ могъ я обхватить
Всю цѣпь существъ ея крылами!
Земныя свергнуть суеты,
Попрать ничтожныя желанья....
Быть можетъ, мнѣ души всемірной созерцанье
Открыло-бъ ангеловъ мечты,
И первообразъ красоты,
И мысли Вѣчной въ немъ сіянье!...
Не такъ-ли нѣкогда Кротонскій жилъ Протей? — 4
Душой гармонію Вселенной
И хоръ небесныхъ сферъ онъ слышалъ, упоенный,
Въ святомъ безмолвіи страстей!
Иль, если-бъ я, въ глуши безвѣстной,
Могъ даже, какъ листокъ древесный,
Щадимый бурей, прозябать!
Поэзія уединенья,
Въ твоемъ-бы сердцу вдохновенья
Лилась Эдема благодать!

Когда-же снова ключъ нагорный,
Въ долинѣ тихой и узорной,
Ее нашепчетъ на меня?
Когда дубравы колыханье,
Дождя межь листьевъ трепетанье,
Склонясь на сукъ сѣдаго пня,
Сквозь мутный бредъ услышу я?
Когда, порой, струи рѣчныя,
О берегà дробясь крутые,
Съ приливомъ радостей земныхъ
Мнѣ суету представятъ ихъ?
Когда всего, что въ мірѣ зрѣетъ,
Живетъ, растетъ и каменѣетъ
Я связь пойму съ самимъ собой —
И, общимъ движимый движеньемъ,
Въ единый гимнъ со всѣмъ твореньемъ
Солью̀ клавиръ сердечный свой?...

Но безъ тебя его бряцанье —
Нестройныхъ звуковъ сочетанье,
О ты, чей благодатный взоръ
И въ глубь морей, и въ нѣдра горъ
Льетъ животворное сіянье!
Ты, для кого, сквозь дымъ златой,
На лугъ росистый утро сходитъ,
Блистаетъ полдень надъ рѣкой,

Въ безмолвной рощѣ вечеръ бродитъ,
И грезъ души на брегъ морской
Цвѣтъ фантастическій наводитъ!
Ты, про кого съ густыхъ вѣтвей,
Сребримыхъ мѣсяцемъ перловымъ,
Поетъ безсонный соловей,
Любуясь озеромъ садовымъ; —
Ты, чья волшебная струна
И въ стонѣ робкой голубицы,
И въ крикѣ матери-орлицы,
И въ звукахъ воздуха слышна!...

Природа-мать! ты всѣмъ богата,
Лишь для моихъ-ли юныхъ лѣтъ
Частички неземнаго злата
Въ твоей сокровищницѣ нѣтъ!
Нѣтъ той, чья-бъ нѣжность примирила
Съ надеждой друга своего;
Въ душѣ-бъ гармонію святую водворила,
И міръ-бы внутренній его
Предъ нимъ самимъ разоблачила!
Когда настанетъ зимній хладъ,
Игривъ-ли горный водопадъ,
Глухихъ пещеръ горячъ-ли камень?
Но лучь весны, но стали взмахъ —
И живъ потокъ, и яркій пламень

Изъ камня сыплется въ горахъ!
Любви согрѣтыя участьемъ,
Такъ, такъ и вы, мечты мои,
Вновь подъ безоблачнымъ зазеленѣли-бъ счастьемъ!
Поэтъ безъ имени, любовникъ безъ любви,
Я лишь въ тебѣ, моя Психея,
Искалъ-бы ихъ — и небомъ вѣя
Живая райская струя,
Мнѣ и любви, и вдохновенья
Лила-бы въ грудь душа твоя
Сугубое обвороженье!
Съ тобой, съ одной тобой, въ блаженной тишинѣ,
Давно забвенному забытымъ мною свѣтомъ,
Въ часъ зимнихъ бурь каминъ, цвѣтникъ приморскій лѣтомъ —
Другой-бы вѣчности не надо было мнѣ!....

Но горный вѣтеръ дышетъ слаще,
Какъ міръ огроменъ солнца шаръ;
Сквозь кружевà древесной чащи
Горитъ рубиновый пожаръ.
Струится злато изъ фонтановъ,
И горныхъ зодчество громадъ,
Какъ озаренный блещетъ градъ
Царя пирующихъ Титановъ.
И вотъ ужь крупною росой,
Какъ будто сѣткою алмазной,
Цвѣтовъ и зелени густой

Покрылся шелкъ разнообразный.
Послѣдній солнца лучь угасъ:
Вокругъ мелодія чуть слышимая льется,
Вечерней жертвы тихій гласъ,
И будто чистыхъ душъ эѳирный рой несется
Къ надзвѣздной родинѣ отъ насъ....

ШЕСТАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ЭСКИ-АРНАУТЛАРЪ.

⁂

Пѣвцы сотрудники вождямъ;
    Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
    Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Жуковскій.

⁂

VI.

Прочелъ молитву шумный станъ,
Сверкнула пушка предъ шатрами,
Послѣдній прогремѣлъ въ долинѣ барабанъ,
Послѣдній звукъ трубы растаялъ за холмами —
И смолкло все.... лишь вѣтерокъ
Орлы знаменъ приподымаетъ;
Лишь, брызнувъ искрами, дрожащій огонёкъ
Вкругъ рати спящей умираетъ....
Лишь крики часовыхъ, въ глуши своихъ вѣтвей,
Протяжно вторитъ лѣсъ дремучій,
И ржанье гордости своей
Порою съ гуломъ скалъ сливаетъ конь могучій.

Надъ бѣлымъ городомъ шатровъ,
Надъ темносиними горами
Плыветъ луна межь облаковъ,
И пушекъ мѣдь, и лѣсъ штыковъ
Сребритъ дрожащими лучами.
Моихъ лишь сонъ бѣжитъ очей:
Какъ волны въ морѣ кочевыя,
Мечты кипятъ въ душѣ моей —
И будто тѣни вѣковыя
Съ вершины горъ нисходятъ къ ней....

Нѣтъ, нѣтъ, минувшихъ браней дѣти,
Изъ тайной мглы тысячилѣтій
Васъ вызывать не стану я!
Когда-бъ всей крови здѣсь пролитой
Изъ дола хлынула струя,
Иль рати, въ сихъ мѣстахъ побитой,
Извергла кости-бы земля —
Съ тѣхъ поръ, какъ Дарія дружины
Топтали Ѳракіи долины,
Съ тѣхъ поръ, какъ Варваровъ на Римскаго Орла
За тучей туча находила,
И съ Амюратова сошедшая чела
Кроваволунной ночи мгла
Боговъ отчизну омрачила —
О! вѣрно-бъ груда сихъ костей,
Какъ новый Гемусъ возвышалась,

И синева морскихъ зыбей
До дна-бы кровью напиталась!...

Отчизны Геній боевой,
Надъ сими спящими полками,
Въ сей мигъ бесѣдуетъ со мной,
Какъ мѣдь звенящими устами.
Что онъ открылъ душѣ моей —
Того не въ силахъ я повѣдать;
Но, посреди родныхъ мечей,
Весь Божій міръ готовъ провѣдать!
Чрезъ неприступный-ли Балканъ
Себѣ нашъ сѣверный Титанъ
Пробьетъ стезю пятой стальною;
Къ вратамъ-ли тѣмъ, гдѣ древній щитъ
Прикованъ Русскою рукою
Орелъ двуглавый полетитъ,
И въ Византію-ль прахъ Стамбула,
Въ когтяхъ съ перунами Кагула,
Луну низвергнувъ, превратитъ;
Иль дальше, дальше передъ нами
Взмахнетъ широкими крылами —
Повсюду слѣдовать за нимъ
Готовъ пѣвецъ родимой славы,
Въ устахъ съ Пеаномъ боевымъ, 1.
Въ рукахъ съ мечемъ, сквозь огнь и дымъ,
Въ богатый градъ, и въ бой кровавый!....

Но вотъ ужь мѣсяцъ золотой
Въ сафирномъ небѣ догораетъ;
Дремоты поздней надо мной
Волшебство сладкое летаетъ,
И постепенно умолкаетъ
Мечта земная за мечтой....
Сама въ себя душа глядится,
Вѣка̀ въ одинъ проходятъ мигъ;
За звукомъ звукъ, за ликомъ ликъ
Поетъ, и таетъ, и родится....
Существъ невиданныхъ рѣчамъ
Мой умъ таинственно внимаетъ;
По музыкальнымъ онъ волнамъ
Въ ладьѣ фантазіи гуляетъ,
И неземнаго бытія
Все глубже въ море проникаетъ
Душа свободная моя....

«Къ ружью! къ ружью!» невѣрныхъ тучи
На Русскій налетаютъ станъ:
Гремитъ призывный барабанъ,
Какъ буря воетъ рогъ ревучій.
Сверкаютъ яркіе штыки,
Ржутъ кони, чуя супостата,
Надъ ними копій лѣсъ крылатый,
Смыкаясь, движутъ Казаки; —
И пушки грозными рядами

Влекутся тяжко межъ полками;
Въ дыму зажженныхъ фитилей
Съ трескучимъ блескомъ искры тлятся
И, сквозь туманъ, желтѣй, краснѣй
Отливы утреннихъ лучей
На скатѣ неба становятся.

Туманомъ сизымъ лѣсъ и долъ,
И горъ подернута громада:
Что нужды! знаетъ нашъ Орёлъ
Дорогу къ солнцу Цареграда! —
Впередъ-же, храбрые, впередъ!
Но что за гулъ? — Каймой багряной
Вдругъ обвились края тумана:
Гора-ли тяжкая падётъ,
Временъ разбитая ударомъ;
Деревню-ль молніи налётъ
Внезапнымъ обхватилъ пожаромъ?....

— Нѣтъ! посмотрите: въ этомъ рвѣ
Не враны на костяхъ пируютъ,
Не вихрь дрожитъ въ его травѣ,
Не воды, съ горъ крутясь, бушуютъ —
Какъ тучи алчной саранчи
Толпы враговъ на нашихъ рвутся:
Въ рукахъ, до плечь нагихъ, мечи,

Въ чалмахъ развитыхъ вѣтры бьются.
Несмѣтнѣй волнъ они морскихъ:
Внемлите дикимъ воплямъ ихъ,
Коней ихъ топоту внемлите!
Впередъ! разсѣйтесь, Казаки;
Штыками, Русскіе полки,
Сердца невѣрныхъ перечтите!
Впередъ, стрѣлки! пусть вашъ свинецъ
Разсѣетъ смерть между врагами:
Родимыхъ доблестей пѣвецъ
Блюдетъ васъ жадными очами! [2]
Въ его душѣ пусть огнь и громъ,
И визгъ ядра, и свистъ картечи,
И стали трескъ въ дыму густомъ,
И цѣлый хоръ кровавой сѣчи —
Какъ съ воемъ моря ураганъ
Въ одну гармонію сольется,
И ей проникнутый Пеанъ,
Какъ мечь о броню раздается!

Проглянулъ солнца ясный лучь:
Увы! съ безпечностію равной
И крови онъ кипящій ключь,
И ручеёкъ златитъ дубравный!
Отъ яркихъ сабель и штыковъ
Крутятся искры надъ землёю:
Видали-ль гладныхъ вы волковъ,

Когда они на близкій ловъ
Бѣгутъ нестройною толпою?—
Такъ Оттоманскіе полки
На наши ринулись штыки!

Забилъ гремучій барабанъ;
Рогà взревѣли боевые:
Видали-ль вы, какъ Океанъ
Катитъ, почуя ураганъ
Своихъ валовъ ряды сѣдые?—
Такъ стройно Русскіе штыки
На вражьи двинулись полки!

Впередъ! — и стой! и не дремлите!
Вѣрнѣе пушки наводите!
Готовься къ выстрѣлу!..... Пали!—
И грянулъ громъ, и дымъ клубами,
Огня пронзаемый браздами,
Какъ саванъ легъ на одръ земли,
Покрытой мертвыми тѣлами,
И волны первыя враговъ
Разбились о булатъ штыковъ.

Но не надолго!... обхватили
Нашъ полкъ передній тучи ихъ,

И сабель полосы кривыхъ
Его перунами покрыли. —
Картечи Русской свистъ умолкъ;
Равны-ли силы? — но взгляните:
Приросъ къ землѣ нашъ храбрый полкъ!
Простите-жь, други — и умрите!
Подмоги ружья далекі;
Пощады нѣтъ! но извинтите
Въ груди враговъ свои штыки!
Они падутъ; лѣса густые
Такъ подъ сѣкирами падутъ,
И жнетъ ихъ мечь, какъ въ полѣ жнутъ
Серпы колосья золотые....
Но иногда въ толпѣ сверкнетъ
Трегранный штыкъ — и конь сердитый,
Бѣснуясь, на дыбы встаетъ,
И всадникъ подъ его копыта,
Обливщись кровію, падетъ.

Спѣшитъ подмога; барабаны
Съ рогами новыми гремятъ,
И огневые ураганы
Чугунный вновь наносятъ градъ.
И врагъ бѣжитъ; его тѣлами,
Какъ рощей желтыми листами,
Окровавлённый устланъ долъ. —
И чрезъ Балканскія громады

Свои, съ побѣднымъ крикомъ, взгляды
Далеко бросилъ нашъ Орёлъ.

И вотъ ужь выстрѣловъ не слышно,
На долъ ночная сходитъ тѣнь,
И солнце гаснущее пышно,
Какъ въ первый мірозданья день. —
И будто яства послѣ пира,
Разлитыхъ винъ багряный токъ,
Гдѣ кубокъ брошенный, гдѣ лира,
Гдѣ собесѣдницы вѣнокъ —
Такъ трупы храбрыхъ долъ узорный
Своей усѣяли толпой:
Гдѣ красный фесъ, гдѣ киверъ чёрный,
Въ пыли, съ пробитой головой.
Тамъ ликъ отъ муки посинѣлый,
Съ кровавой пѣной на устахъ;
Тамъ ропотъ въ стиснутыхъ зубахъ,
Въ очахъ — перунъ окаменѣлый.
Тамъ падшій конь, въ порывѣ мукъ,
Копытомъ дернъ изрылъ кудрявый;
На пушкѣ судорожныхъ рукъ
Тамъ оттискъ видится кровавый....

Но что за воины? — ихъ взглядъ,
Средь груды вражьихъ труповъ, сжатъ

Волшебной будто-бы дремотой:
Такъ поселяне въ полѣ спятъ,
Съ дневной управившись работой...
Пролома нѣтъ въ стѣнѣ стальной;
Въ однѣхъ рукахъ еще сверкаютъ
Штыки кровавые грозой;
Другія руки крестъ родной
Къ пробитымъ персямъ прижимаютъ!...

— Нашъ храбрый полкъ, несмѣтный врагъ
Твою твердыню билъ стальную —
И не попятясь ни на шагъ,
Ты весь погибъ за честь родную! [3]
Но доблесть храбрыхъ не умретъ:
Ее товарищъ ихъ походный,
Какой-нибудь старикъ безродный,
Порою зимнихъ непогодъ,
Въ лачугѣ Русской воспоётъ!
Слезами взоръ души-дѣвицы
Тогда заблещетъ сквозь ресницы;
Взглянуть малютокъ на пѣвца
Мать подведетъ съ лучиной ясной,
И старца повѣсть не напрасно
Взволнуетъ юныя сердца!....

СЕДЬМАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

*

Un jour assis sur le rivage,
Bénissant un ciel pur et doux,
Plaignez les marins que l'orage
A fatigués de son courroux.
N'ont-ils pas droit à quelque estime
Ceux qui, las d'un si long effort,
Près de s'engloutir dans l'abyme
Du doigt vous indiquaient le port?

Béranger.

*

VII.

И гдѣ-жь, и гдѣ перуны брани?
Гдѣ сладость жизни кочевой?
Гигантовъ призраки надъ перстью вѣковой,
И цѣпь живыхъ воспоминаній?

Гдѣ скалы Гемуса и Ѳракіи лѣса,
Какъ радость ясныя надъ ними небеса
И море, радужнымъ сіяющее свѣтомъ?
Подъ миртой въ мраморѣ журчащая струя,
И стоны горлицы, и трели соловья,
И темный кипарисъ предъ бѣлымъ минаретомъ?
О! гдѣ Востока сонъ и лѣнь?

Прогулки тайныя надъ озеромъ садовымъ,
Когда влюбленной Пери тѣнь
Скользитъ надъ розами, подъ мѣсяцемъ перловымъ? —

— Ихъ нѣтъ! исчезъ волшебный сонъ!
Угрюмый Сѣверъ предо мною;
Какъ саванъ блѣдный небосклонъ
Вновь надъ безжизненной раскинулся землёю!
По морю темному ревучіе валы
Среброголовыми скитаются холмами;
Въ лѣсу свистящій вѣтръ, подъ сѣнью мертвой мглы,
Качаетъ желтыми листами.
Дрожитъ окно мое отъ капель дождевыхъ;
Въ каминѣ уголья, краснѣясь, догораютъ,
И прахъ обломковъ вѣковыхъ,
Скитальца ноги, съ пепломъ ихъ,
Вотще усталыя, мѣшаютъ!
Вотще? — нѣтъ, нѣтъ! на новый ладъ
Цвѣтовъ далекихъароматъ,
И звуки дивной ихъ природы,
И нравовъ яркія черты,
И бури бранной непогоды
Мои настроили мечты!
Ихъ Геній свѣтлаго Востока
Водой живою оросилъ,
Снамъ сердца крылья позлатилъ,
И въ душу древнихъ дней глубоко

И гулъ, и отблескъ заронилъ!
О, рой мгновеній благодатныхъ,
Какъ духъ свободы необъятныхъ,
Твои-ль чары забуду я!
Сегодня — городъ, завтра — волны,
Кипящій станъ, утесъ безмолвный,
И конь, и посохъ, и ладья!...

Въ часы полдневные, бывало,
Надъ яснымъ моремъ я сижу,
И тамъ души своей зерцало
На міръ лазурный навожу.
Надъ нимъ Балканъ вдали синѣетъ,
Корабль сто-пушечный бѣлѣетъ,
Скользя, какъ лебедь, между скалъ.
Ужъ близокъ онъ — и вдругъ пропалъ
Въ дыму, надъ синими волнами,
Какъ будто скрытый облаками;
Ихъ яркій пламень разорвалъ —
И громы съ корабля глухіе
Къ отбитымъ рвутся берегамъ:
То шлетъ далекая Россія
Родной привѣтъ своимъ сынамъ! [1]

Но мнѣ пора! вѣтрило ставьте!
Пловцы, за весла! въ море правьте!

Попутный дышетъ вѣтерокъ:
Лети, мой Греческій челнокъ!
И какъ дельфинъ челнокъ трепещетъ;
Бѣлѣетъ пѣна подъ весломъ;
Вокругъ лазурь морская блещетъ
Безмѣрнымъ выпуклымъ стекломъ.
Но тмится небо; вѣтры свищутъ;
Какъ мраморъ зыбь вдали пестра;
Кружится яликъ; волны рыщутъ:
Друзья, намъ къ берегу пора!
Пусть вражьи пушки и пищали
Съ приморскихъ горъ на насъ глядятъ —
Тотъ берегъ нашъ — и вотъ пристали:
Предъ нами покоренный градъ!
Тамъ одръ, съ подушкою атласной,
Меня подъ бѣлый пологъ ждетъ;
Съ улыбкой дѣва сладострастной
Вино отчизны подаетъ.
И въ душу взоры черноокой
Свой влажный пламень льютъ глубоко; [2]
Но въ путь ужь страннику пора!
Давно мой конь, Арабъ мой плѣнный,
Грызетъ узду, и распаленный,
По камнямъ пляшетъ у двора!

«Казакъ, ты сѣлъ-ли? — Съ Богомъ, съ Богомъ!»
И вотъ, по дебрямъ, между скалъ,

Какъ вольный Фарисъ, поскакалъ [3]
Я на красавцѣ быстроногомъ.
Онъ воздухъ пьетъ передъ собой,
Дымъ изъ ноздрей летитъ кипящихъ,
Копыта искры льютъ струёй,
Глаза — два уголя горящихъ!
Пусть надо мной лѣса̀ шумятъ,
Потоковъ брызги вслѣдъ летятъ,
Чернѣютъ рвы, мелькаютъ горы —
Въ крови коня мой хлыстъ и шпоры!
Закрылъ полнеба тучи дымъ;
Смятъ ураганомъ дубъ косматый;
Летитъ перунъ — мой конь крылатый
Стрѣлою гонится за нимъ!
Чары̀ вина, любви и мщенья,
Какъ вы, такое-жь упоенье
И вихорь браннаго огня,
И волнъ съ перунами сраженье,
И въ полѣ бурный бѣгъ коня! 4.

Покрылся долъ сафирной мглою;
Звѣздами вѣчный сводъ горитъ;
Безмолвный мѣсяцъ серебритъ
Хаосъ развалинъ предо мною.
Брожу по мертвымъ грудамъ ихъ:
Какъ грустно тамъ, и какъ отрадно
Искать слѣды чудесъ былыхъ,

Топтать Героевъ пепелъ хладный!
Тамъ рой столѣтій — въ мигъ одинъ,
Пространство — въ точку переходитъ;
Изъ темныхъ прошлаго пучинъ
Глаголъ таинственный выходитъ.
Царствъ колоссальныхъ тамъ сыны,
Съ ихъ гордой славой и паденьемъ —
Все и Ничто — обнажены
Души суровымъ размышленьемъ!...

«Казакъ! мягка-ли здѣсь трава?
Клади сѣдло мнѣ въ голова̀;
Накрой плащомъ!..» и сонъ привѣтный,
Какъ съ древа сладкій, зрѣлый плодъ,
На вѣжди странника падётъ...
И шепчетъ вѣтеръ лишь разсвѣтный:
Пора, пора! зари огонь
На темя горъ изъ рая льется;
Высо̀ко жаворонокъ вьется;
Цвѣты въ росѣ... — и вновь мой конь
Заржалъ, какъ будто возрожденный;
И странникъ, полный новыхъ силъ,
Творца, съ природой пробужденной,
За новый день благословилъ.

И вотъ ужь за стѣной Балкана,
Подъ сѣнью Русскихъ онъ Орловъ;

И пьетъ душою блескъ штыковъ;
И сердце съ трескомъ барабана
Сливаетъ средь родныхъ шатровъ.

А въ станѣ храбрыхъ — много, много
Сердецъ, засыпанныхъ землёй,
Ужь не сберетъ на славный бой,
Грозой ревущая тревога!
И что-жь за смерть? — кровавый мечь,
Иль огнекрылая картечь
Дремучій строй нашъ прояснила? —
Нѣтъ, вы взгляните на живыхъ:
Иная мука образъ ихъ
Страшнѣе смерти заклеймила!...

«Ты былъ-ли подъ ея серпомъ?» —
Такъ ропщетъ голосъ дико-странный —
«Твой мозгъ морозомъ, иль огнёмъ
Сталъ, Черной Жницей обаянный?...
Послушай! ночью, средь шатровъ,
Вчера, какъ тать, она блуждала;
И будто въ полѣ, рядъ сноповъ,
Серпомъ перуннымъ ихъ считала...
Какъ море, въ часъ грозы ночной,
Одежда Жницы волновалась;
Покрова дымка надъ главой

Кровавымъ заревомъ вздымалась...
И вдругъ, подумай! не во снѣ,
Змѣёю что-то въ уши мнѣ,
Скользнувъ по сердцу, просвистало...
Смотрю: *она* къ устамъ моимъ
Устами жгучими припала,
И жадно къ персямъ ледянымъ
Меня съ усмѣшкою прижала!..
И дрогнулъ долъ, и въ зѣвъ морской
Шатровъ бѣгущій рядъ бросался;
Одинъ лишь въ землю надо мной
Могильнымъ мраморомъ вѣдался!....»

И вдругъ несчастный замолчалъ;
Ликъ пятна черныя покрыли;
Сверкавшій взоръ недвиженъ сталъ —
И въ землю новый трупъ зарыли.

И что ни день — то все жаднѣй
Пасть ненасытной становилась;
А небо ясное надъ ней
Веселымъ солнцемъ золотилось!

И зной мертвящій угнеталъ
Всю тварь; и только стонъ могильный,

Казалось, въ воздухѣ леталъ;
На вѣткѣ листъ не трепеталъ;
Не пѣли птицы; ключъ обильный
Студеной влаги не давалъ.

Куда-жь бѣжать отъ Жницы Чёрной?
Предъ станомъ городъ; вѣрно тамъ
Заразы нѣтъ еще тлѣтворной:
Иду къ отверзтымъ воротáмъ!

Но для чего, въ тиши ужасной,
Какъ истукановъ мертвый рядъ,
Столпился тамъ и старъ, и младъ?
Иду, зову — призывъ напрасный!
И что-жь? — недвижны очи ихъ;
Какъ мраморъ, въ черныхъ пятнахъ лики;
Погибли всѣ! иль нѣтъ, межъ нихъ
Младенца слышете-ль вы крики? —
Сиротка-ангелъ, онъ цвѣткомъ,
Лишь дѣтской радости послушный,
У Черной Жницы подъ серпомъ,
На персяхъ матери бездушной
Играетъ съ пестрымъ мотылькомъ!... [5]

Но кто-же ты, о дѣва-роза?
Ужель и твой младой шипокъ

Едва блеснулъ — и изнемогъ
Въ когтяхъ у ранняго мороза?
Ужель, сокровище любви,
Не бьется сердце въ сей груди?...
Сихъ длинныхъ локоновъ ужели
Мертва златистая струя?...
Творецъ небесный! не во снѣ-ли
Сей милый образъ вижу я!....
. . . .
. . . .

Что въ томъ, какъ бѣдная любила;
Гдѣ странникъ перлъ Востока зналъ?.... —
Тиха утраченной могила:
Надъ ней морской лишь стонетъ валъ!....

О вы, которые хотите
Утѣшить духъ ея въ Раю,
Слезу сердечную свою
О другѣ дѣвы уроните!....
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

6

Оконченъ путь; мой крѣпкій сонъ
Ужъ бранный шумъ не возмущаетъ;

Штыки не блещутъ вкругъ знамёнъ;
Фитиль надъ пушкой не сверкаетъ.
Редутъ не пышетъ, какъ волканъ,
И огнь его ночной туманъ
Ядромъ свистящимъ не пронзаетъ;
И яркимъ заревомъ гранатъ
Эвксина волны не горятъ.

И что-жь, въ глуши-ли молчаливой
Теперь промчится жизнь моя,
Какъ разгруженная ладья,
Качаясь въ морѣ безъ прилива?
Нѣтъ, други, нѣтъ! я посохъ свой
Еще Пенатамъ не вручаю;
Сижу на брегѣ — и душой
Попутный вѣтеръ призываю!...

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

ПЕРВАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ОТПЛЫТІЕ. стр. 3.

[1] Общими примѣчаніями къ этой и къ другимъ *Ѳракійскимъ Элегіямъ* могутъ служить изданныя за два года передъ симъ *Письма изъ Болгаріи*, археологическое Путешествіе автора по древней Мизіи, во время кампаніи 1829-го года.

II.

ВТОРАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ТОМИСЪ. стр. 11.

[1] *О степь, богатая Назоновой могилой!*

«Странно, почему мѣсто Овидіева изгнанія было до сихъ поръ предметомъ столькихъ ипотезъ, и почему нѣкоторые антикваріи искали могилы Римскаго поэта близъ береговъ Днѣстра (древняго Тираса). Извѣстно, что это неизъяснимое предположеніе осуществлено даже названіемъ небольшаго городка, построеннаго на берегу Аккерманскаго залива и еще до сихъ поръ существующаго подъ именемъ *Овидіополя.* Страбонъ обозначаетъ довольно явственно

географическое положеніе древняго *Томиса*..... «Вправѣ отъ морскаго берега, по направленію отъ священнаго устья *Истера* (Дуная)» — говоритъ онъ — «находится, въ разстояніи 500 стадій, маленькій городокъ *Иструсъ* (вѣроятно нынѣшній Гирсовъ). 250 стадій далѣе — существуетъ *Томисъ* (Τόμις), другой небольшой городокъ» и проч. (Strab. lib. VII, cap. VI). Аполлодоръ, Мела и наконецъ самъ Овидій не оставляютъ, кажется, никакого сомнѣнія по сему предмету. (См. сего послѣдняго: *Ex Ponto*, IV, El. 14, v. 59. — *Trist.*, III, El. 9, v. 33). По мнѣнію Лапортъ-дю-Тайля и Корая, Французскихъ переводчиковъ Стравона, вычисленіе разстояній, сдѣланное размѣромъ Олимпійскихъ стадій, по нашимъ новѣйшимъ картамъ, начиная отъ устья Дуная, называемаго Эдриллисомъ, заставляетъ думать о тожествѣ древняго *Томиса* съ нынѣшнимъ *Томисваромъ*; но что такое *Томисваръ?* — Извѣстный Оріенталистъ Г. Гаммеръ, думая видѣть развалины *Томиса* на мѣстѣ нынѣшняго Бабадага, напрасно пропскалъ во всей *Добруджійской Татаріи* «означеннаго на многихъ картахъ» города *Томисвара* и кончилъ свои изслѣдованія откровеннымъ признаніемъ, что: «in den ganzen Dobrudscha kein solches Ort existirt» (*Rumili und Bosna, geographische Beschreibung von Mustapha Ben Abdalla Hadschi-Chalfa;* стр. 30, въ примѣчаніи). Отъ Бабадага Г. Гаммеръ бросается за *Томисомъ* къ нынѣшней *Мангаліи:* «Der See, an welchem das alte *Tomi* lag» — говоритъ онъ — «könnte der von *Babadag*, wahrscheinlicher aber, der bey *Mangalia* gelegen sein.» (Ibid., стр. 196). Тожество *Мангаліи* съ древнею Каллатіею уже давнымъ-давно доказано. — Полагая (по таблицамъ Бартелеми) Греческій стадій въ 94½ Французскихъ тоаза, и отношеніе сего послѣдняго къ нашей сажени, какъ 76,734 : 84,000, я нахожу, что разстояніе священнаго устья Дуная отъ *Томиса*, полагаемое Стравономъ въ 750 стадій, заключаетъ въ себѣ около 129-ти нашихъ верстъ. По картѣ генерала Гильемино, устье Дуная, называемое Эдриллисомъ, находится отъ нынѣшней *Кюстенджи* почти точь — въ точь на такомъ разстояніи. Сочинитель *Исторической Географіи* по древнимъ картамъ Д'Анвилля, называетъ сей послѣдній городокъ

Константіаною и ставитъ оный не далѣе четырехъ Французскихъ льё отъ древняго *Томиса.* Основываясь, какъ на этомъ, такъ и на всѣхъ означенныхъ соображеніяхъ, я осмѣливаюсь думать, что во всякомъ случаѣ, могила Овидія существовала не въ одномъ моемъ воображеніи; но могла таиться (и даже весьма не вдалекѣ отъ меня) въ окрестностяхъ *Кюстенджи*, представившейся глазамъ моимъ 24-го Марта 1829 года, во время моего плаванія въ Варну.» (*Письма изъ Болгаріи*, стр. 13—15).

2. *Какъ ты поспѣшно скрылъ, Капитолійскій прахъ*
Отъ глазъ моихъ всемірную столицу!
И ты исчезъ за нимъ, мой домъ, мой рай земной!

Овидій самъ замѣчаетъ, что домъ его находился близъ Капитолія, или даже былъ соединенъ съ нимъ:

Hanc (lunam) ego suspiciens, et ab hac Capitolia cernens,
Quae nosto frustra juncta fuere Lari;
Numina vicinis habitantia sedibus, inquam,
Jamque oculis nunquam templa videnda meis,
Dique relinquendi, quos Urbs habet alta Quirini:
Este salutati tempus in omne mihi. etc.

Trist., Lib. 1, Eleg. III.

«Смотря на нее (луну), и при свѣтѣ ея различая Капитолій, который вотще соединенъ былъ съ моими домашними Ларами, боги! сказалъ *я*, обитающіе въ сосѣдственныхъ чертогахъ; храмы, коихъ глаза мои уже никогда не должны видѣть; боги, мною покидаемые, которыми обладаетъ высокій Градъ Квириновъ — простите навѣки!» и проч.

3 *Изгнанье тамъ Поэта ожидало,*
Гдѣ воздухъ — снѣжный паръ, туманъ — одежда дня,
Тамъ, гдѣ земли конецъ или начало!....

Ulterius nihil est, nisi non habitabile frigus.
Heu quam vicina est ultima terra mihi!

Trist., Lib. III, Eleg. IV.

«Далѣе нѣтъ ничего, кромѣ необитаемыхъ льдовъ: какъ близка отъ меня послѣдняя земля міра!»

4 *Свирѣпый Савроматъ выходитъ на разбой,*
Иль хищный Гетъ убійство разливаетъ.

Кому неизвѣстно, какими ужасными красками изобразилъ Овидій мѣсто своего изгнанія, климатъ Скиѳіи и варварство окружавшихъ его народовъ: Бессовъ, Савроматовъ, Гетовъ и проч., коихъ имена, какъ самъ онъ выражается, не достойны его генія:

Quam non ingenio nomina digna meo!

5 Овидій въ X Элегіи III-ей книги своихъ Тристовъ много жалуется не Скиѳскіе вѣтры:

Tantaque commoti vis est Aquilonis, ut altas
Æquet humo turres, tectaque rapta ferat.

«Сила Аквилона, когда онъ свирѣпствуетъ, такова, что высокія башни сравниваетъ онъ съ землею и уноситъ сорванныя крыши.»

Описаніе слѣдствій мороза также весьма живо и подробно:

Pellibus, et sutis arcent mala frigora braccis:
Oraque de toto corpore sola patent.
Sæpe sonant moti glacie pendente capilli,
Et nitet inducto candida barba gelu.

Trist., Lib. III, Eleg. X.

«Шубами и мѣхами сопротивляются они лютому холоду; изо всего тѣла наружу только одно лице. Часто, отягченные льдомъ

волосы, звенятъ при малѣйшемъ движеніи, и брада бѣлѣетъ отъ мороза.»

[6] *Кентавры хищные неслись въ то время къ намъ*
Съ огнемъ войны, съ грозой опустошенья.

Sive igitur nimii Boreæ vis sæva marinas,
Sive redundatas flumine cogit aquas;
Protinus æquato siccis Aquilonibus Istro,
Invehitur celeri barbarus hostis equo.
Hostis equo pollens, longeque volante sagitta:
Vicinam late depopulatur humum.

Trist., Lib. III, El. X.

«Скуетъ-ли сила Борея воды морскія, или разливы водъ рѣчныхъ, тотчасъ по уравненному сухими (морозными) вѣтрами Истру налетаютъ къ намъ на быстрыхъ коняхъ варвары — враги, мощные конями и стрѣлами, далеко рѣющими: окрестныя страны пустѣютъ.»

[7] *Нѣтъ! съ лиры брошенной Назонова струна*
На бранный лукъ тогда переходила....

Овидій, въ своемъ Посланіи къ Северу, жалуется на то, что изо всѣхъ Римскихъ изгнанниковъ, одинъ онъ осужденъ на труды военные. «Читая стихи сіи» — говоритъ онъ — «будь къ нимъ снисходителенъ, ибо не должно забывать, что я пишу ихъ во время приготовленія къ битвѣ,» и проч.

Deque tot expulsis sum miles in exule solus:
Tuta (nec invideo) cætera turba jacet.
Quoque magis nostros venia dignere libellos,
Hæc in procinctu carmina facta leges.

Ex Ponto. Lib. 1, Epist. IX.

[8] См. *Письма изъ Болгаріи*, Стр. 18—20.

III.

ТРЕТІЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

БЕРЕГА МИЗІИ. стр. 23.

[1] *Ужь семирукій Истръ.....*

По словамъ нѣкоторыхъ изъ древнихъ писателей, *Истеръ* (Дунай) впадалъ семью устьями въ Черное море; шестью, по мнѣнію другихъ и только пятью, по свидѣтельству Иродота. Авторъ *Исторической Географіи* по древнимъ картамъ Д'Анвилля замѣчаетъ, что изъ этихъ семи устьевъ — пять занесены нынѣ песками.

[2] *————————— съ покровомъ на главѣ,*
Стеная надъ своей караллововою урной.....

«На одной изъ медалей Траяновыхъ онъ (Дунай) представленъ склоненнымъ на урну и покрытымъ занавѣсою въ знакъ того, что истокъ его неизвѣстенъ.» *(Ноэль.)*

[3] *Какъ старъ сей шумный Истръ! чела его морщины*
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ чёлнъ нѣмой,
Мелькаютъ и Орлы Траяновой дружины....

Подробности Даріева похода противъ Скиѳовъ и войны Траяновой съ Децебаломъ, царемъ Дакійскимъ, извѣстны изъ Иродота и сокращеній Діона Кассія.

[4] *Скажи, сафирный богъ.....*

«Скиѳы, Ѳракіяне и Геты чтили Дунай наравнѣ съ Марсомъ, изображавшемся въ видѣ меча, верховнымъ божествомъ своимъ.» *(Иродотъ.)*

5 ————————*надъ брегомъ-ли твоимъ,*
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый...

«Скордиски обратили страны сіи (Мизію, Ѳракію и проч.) въ пустыни, покрытыя лѣсами, которые простираются на нѣсколько дней путешествія.» *(Стравонъ.)*

6 *Средь тучи Варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ*
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый.....

«Зѐмли, простирающіяся надъ Дунаемъ .... суть съ незапамятныхъ временъ большая дорога и поле битвы всѣхъ Варваровъ, извергнутыхъ степями Азіи на Европу. *(Мальте-Брунъ.* См. также *Письма изъ Болгаріи,* Стр. 47— 50*).*

Римъ сдѣлался, по изреченію Св. Іеронима, могилою народовъ, коихъ онъ былъ родителемъ .... «Свѣтъ поколѣній угаснулъ; съ главою имперіи Римской пала глава цѣлаго міра.» (*)

7 *Такъ точно Промысла не вѣдая путей,*
Неслись полки Судьбы къ ея предназначенью....

Зозимъ и Прокопій сохранили намъ отвѣтъ Генсерика кормчему, спросившему его: на какой народъ хочетъ онъ плыть войною? — «На тотъ, противъ котораго Богъ!» — воскликнулъ предводитель Вандаловъ. (**)

(*) Quis credat ut totius orbis extructa victoriis Roma corrueret, ut ipsa suis populis et mater fieret et sepulchrum............ ...Postquam vero clarissimum terrarum omnium lumen extinctum est, imo romani imperii truncatum caput est, ut verius dicam, in unâ urbe totus orbis interiret.....obmutui. *(Hieron. in Ezech).*

(**) Cum è Carthaginis portu velis passis soluturus esset, interrogatus à nauclero, quo tendere populabundus vellet, respondisse: Quo Deus impulerit. *(Zozim., de bello Vandilico.,* lib. 1, p. 188*).*

8 *Остатки дикихъ сихъ племенъ*
Преобразили міръ и съ нимъ преобразились.

Орозій сохранилъ въ своей исторіи любопытное, переданное ему Св. Іеронимомъ въ Виѳлеэмской пещерѣ признаніе Атаульфа, наслѣдника Аларикова: «Я сначала горѣлъ желаніемъ» — говоритъ сей послѣдній — «сгладить съ лица земли названіе Рима и замѣстить имперію Кесарей имперіей Готѳовъ. Убѣжденный потомъ опытомъ въ невозможности подчинить моихъ соотчичей власти законовъ, я перемѣнилъ намѣреніе, и вмѣсто разрушителя, рѣшился сдѣлаться возстановителемъ имперіи Римской. (*)

9 *Любовь волшебная и кровныхъ, и друзей*... и проч.

См. Лукіанова Токсариса.

Narrant cum è Carthaginis portu solvens à nautâ interrogaretur quo bellum inferre vellet, respondisse: In eos quibus iratus est Deus. (*Procop, hist. Vand.*, lib. 1.)

(*) Nam ego quoque ipse virum quemdam Narbonensem, illustris sub Theodosio militiæ, etiam religiosum prudentemque et gravem apud Bethleem oppidum Palestinæ, beatissimo Hieronymo presbytero referente, audivi se familiarissimum Ataulpho apud Narbonam fuisse: ac de eo sæpè sub testifecatione dedicisse quod ille, quam esset animo, viribus ingenioque nimius, referre solitus esset se in primis ardenter inhiasse, ut obliterato romanum nomine, romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et vacaret esset que, ut vulgariter loquar, Gothia quod Romania fuisset; .... At ubi multa experientia probavisset neque Gothos ullo modo pareri legibus posse propter effrenatam barbariem, neque reipublicæ interdici leges oportere, elegisse se vatem, ut gloriam sibi et restituendo in integrum augendoque Romano nomine, Gothorum viribus queret, habereturque apud pos teros Romanæ restitutiones auctor, postquam esse non poterat immutator. (*Oros.*, lib. VII.)

10 См. Юстина, кн. 9, гла. 2; Иродота, кн. IV; Стравона, кн. VII; Арріана, кн. IV.

11 *Млеко овецъ, душистый медъ*
Ихъ жизнь бродячую питали.

См. Юстина, кн. 11, гл. 2.

«Иногда встрѣчали мы толпы Скиѳовъ, переходящихъ безпрестанно съ одного мѣста на другое: шатры и крытыя колесницы служатъ имъ вмѣсто домовъ; богатство ихъ состоитъ въ многочисленныхъ стадахъ. Они приносили намъ въ даръ молоко и агнцевъ, не требуя никакого возмездія.» *(Стелпковскій.)*

12 *И новымъ солнцемъ озарялись*
Передвижные города.....

Campestres meliùs Scythæ,
Quorum plaustra vagas ritè trahunt domos,
Vivunt, et rigidi Getæ,
Immetata quibus jugera liberas
Fruges, et Cererem ferunt.....

Horat., lib. III, od. 18.

«Счастливѣе Скиѳы, обитатели равнинъ, влачащіе на колесницахъ свои бродячіе домы! Счастливѣе суровые Геты, собирающіе дары Цереры въ поляхъ свободныхъ и безграничныхъ!»

13 *Когда отъ мудрыхъ грезъ еще не помрачился*
Народъ, природы сынъ, огонь твоей души!..

Надутые суетными познаніями, почерпнутыми въ школахъ Аѳинскихъ, непрошеные моралисты и законодатели: Токсарисы, Аварисы, Анахарсисы внесли въ отчизну множество мнѣній и обычаевъ чужеземныхъ и такимъ образомъ поколебали первобытную простоту Скиѳовъ. *(См. Стравона, кн. VII.)*

[14] *Не здѣсь-ли нѣкогда торжественно сіялъ*
Звѣзда Венеціи, твой отблескъ величавый?...

«Видите-ли вы этотъ полукруглый, вдавшійся въ море утесъ? .... — онъ называется Капо-Калакріею. На вершинѣ онаго находятся развалины старой крѣпости, съ многочисленными памятниками Венеціянскаго владычества.

«Названіе Capo Calacria (мысъ Калакрія) отзывается дѣйствительно Венеціею: а потому, если вѣрить, что мѣсто сіе въ самомъ дѣлѣ принадлежало сей могущественной республикѣ, то должно полагать, что она основала наономъ свое владычество по раздѣленіи областей Восточной Имперіи между Венеціянами и Французами въ 1204-мъ году, послѣ взятія Константинополя Крестоносцами, бѣгства Алексія Дуки (прозименованнаго Мурзуфломъ) и возведенія на престолъ Восточной Имперіи Балдуина, Графа Фландрскаго. Лёбо и другіе историки говорятъ, что, въ слѣдствіе сего раздѣла, Венеціяне взяли, между прочимъ, на свою часть всѣ приморскія мѣста имперіи, отъ восточныхъ береговъ Адріятическаго моря, до береговъ Эвксинскаго Понта; но если Калакрія находилась въ числѣ сихъ пріобрѣтеній, то изъ сего ясно видно, что Левъ Св. Марка проникъ съ этой стороны еще глубже въ нѣдра Восточной Имперіи.» (*Письма изъ Болгаріи*, стр. 21 и слѣд.)

[15] *Римъ Океана величавый.....*

Извѣстно, съ какою вѣжливостью уступилъ Байронъ это дивное *Римъ Океана* Леди Морганъ, коей посчастливилось приложить его прежде къ Венеціи. Замѣчая это обстоятельство, авторъ можетъ только благодарить своихъ предшественниковъ за обогащеніе его *Элегіи* симъ смѣлымъ, краснорѣчивымъ, полнымъ глубокой мысли выраженіемъ.

IV.

ЧЕТВЕРТАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ГЕБЕДЖИНСКІЯ РАЗВАЛИНЫ.

стр. 33.

[1] Этѣ необыкновенныя развалины находятся верстахъ въ 15-ти отъ Варны, по направленію къ Праводомъ.

[2] *Не міра-ль древняго обломки предо мной?*
Не допотопные-ль здѣсь призраки мелькаютъ?....

« Жизнь была часто возмущаема на землѣ приводящими въ ужасъ событіями. Безчисленное множество живыхъ существъ сдѣлалось жертвою сихъ переворотовъ: одни, обитатели сухой земли, поглощены потопами; другія, жители водъ, выдвинуты на сушу вмѣстѣ съ морскимъ дномъ, внезапно возвысившимся; самыя племена ихъ навсегда исчезли и оставили въ мірѣ только нѣкоторыя дребезги, едва распознаваемыя естествоиспытателемъ. » *(Кювье)*.

[3] *Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми головами,*
Столбовъ у Тлѣнности угрюмой на часахъ,
Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами —
Повсюду сумрачный дедалъ въ моихъ очахъ.

« Обширная площадь развертывается передъ вами при выѣздѣ изъ глубины окружающаго ее со всѣхъ сторонъ лѣса. На этой площади, пересѣкаемой въ нѣсколькихъ мѣстахъ высокимъ кустарникомъ, громады сихъ исполинскихъ колоннъ тянутся, или лутче сказать, разсыпаны по пространству болѣе трехъ верстъ. Я говорю разсыпаны, ибо въ расположеніи оныхъ не замѣтно ни порядка, ни обыкновенной архитектурной послѣдовательности. Цѣлыя тысячи сихъ чудесныхъ колоннъ поражаютъ васъ самыми странными формами.

Въ иныхъ мѣстахъ — онѣ возвышаются совершенно правильными цилиндрами; въ другихъ — представляютъ видъ башни, обрушенной пирамиды, усѣченнаго конуса; иныя дѣлаются къ низу толще и кажутся опоясанными широкими корнизами. Есть возвышенія, на коихъ нѣсколько подобныхъ столбовъ такъ густо составлено, что заставляютъ невольнымъ образомъ думать объ остаткѣ древняго портика .... Совершенное отсутствіе капителей, правильныхъ корнизовъ и разныхъ другихъ украшеній зодчества уничтожаетъ, по крайней мѣрѣ для меня, всякую возможность разсуждать объ архитектурномъ орденѣ, по коему-бы можно было загадывать о началѣ сихъ исполинскихъ развалинъ ....
..............говоря объ ихъ искуственномъ произхожденіи, я между тѣмъ долженъ признаться, что все сіе далеко недостаточно для объясненія *человѣческой* цѣли сихъ несмѣтныхъ колоннъ, столько-же симетрическихъ, сколько необыкновенныхъ, почти вездѣ однообразныхъ, но разсѣянныхъ по пространству, превосходящему всякій размѣръ зданій человѣческихъ. Не ужели сіи великолѣпныя громады суть не что иное, какъ массы простыхъ *базальтическихъ* обломковъ? Не ужели эта разительная правильность формъ и пропорцій есть одна только прихоть природы, обманывающей человѣка столь совершеннымъ подражаніемъ искусству, въ странѣ, населенной памятниками древности и роями славныхъ историческихъ воспоминаній. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, ученые истолкователи природы прилагаютъ конечно къ подобнымъ феноменамъ свою любопытную ипотезу о существованіи *нѣмыхъ свидѣтелей* сихъ неизвѣстныхъ, огромныхъ переворотовъ, предъ коими исчезаютъ всѣ измѣненія нашего шара, произведенныя людьми, ураганами, волканическими изверженіями, морскими разливами и тому подобными судорогами органическаго міра и проч. и проч.» *(Письма изъ Болгаріи*, Стр. 105. и слѣд.; см. также стр. 193 и слѣд.*)*

4 *. . не древнія-ли преданья*
Міровъ отжившихъ дивный слѣдъ? . . .

«Я полагаю вмѣстѣ съ Г. г. Делюкомъ и Доломьё, что самая неопровержимая въ геологіи истина есть этотъ огромный, внезапный переворотъ, коего поверхность нашего шара сдѣлалась жертвою тому назадъ не болѣе, какъ за пять или за шесть тысячъ лѣтъ; что этотъ переворотъ .... осушилъ дно послѣдняго моря и образовалъ страны, населенныя нынѣ.

«Но этѣ страны............... были уже обитаемы прежде, если не людьми, то по крайней мѣрѣ земными животными» (*Кювье*).

5 ——————————*тѣхъ столбовъ,*
На коихъ чудеса вѣковъ,
Искусствъ и знаній первобытныхъ
Рукою Сиѳовыхъ начертаны сыновъ?..

Сикеллій говоритъ, что бытописатель Манеѳонъ хвалился свѣдѣніями, почерпнутыми имъ не въ архивахъ Египетскихъ, а въ священныхъ книгахъ Агаѳодемона, сына втораго Гермеса и отца Татова, который списалъ ихъ съ колоннъ, воздвигнутыхъ до потопа Тотомъ, или первымъ Гермесомъ, въ землѣ *Сиріадійской* (?).—Іосифъ, ссылающійся столь часто на Египетскаго лѣтописца, занялъ можетъ быть у него, въ 1-й книгѣ своихъ *Іудейскихъ Древностей,* преданіе о двухъ колоннахъ, одной кирпичной, другой каменной, на коихъ *сыны Сиѳовы* начертали знанія человѣческія, для предохраненія ихъ отъ потопа, предсказаннаго Адамомъ. Обѣ этѣ колонны существовали долго послѣ Ноева времени. — Т. Муръ замѣчаетъ, что на нихъ были найдены только астрономическія таинства, и предпочитая въ семъ случаѣ *таблицы Хамовы*, приводитъ слова Яблонскаго, коротый, слѣдуя Кассіану, говоритъ: «Quantùm enim antiquæ traditiones ferunt Cham filius Noæ qui superstitionibus ac profanis fuerit artibus institutus, sciens nullum se posse superbis memorialem librum in arcam inferre, in quam erat ingressurus, sacrilegas artes ac profana commneta durissimis, inculpsit lapidibus.»

[6] *Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ*
Главою отрокъ достигалъ... и проч.

Миѳы о Титанахъ, допотопныхъ обитателяхъ міра, пользовались нѣкогда столь могучей народностью, что не только Св. Августинъ, но даже отецъ Кирхеръ, ученый 17-го столѣтія, не могли ускользнуть отъ мысли о Гигантахъ, рожденныхъ *сынами боговъ* отъ дочерей человѣческихъ.

« Въ священныхъ диптикахъ считается три послѣдовательныхъ времени Титановъ.....

« ..... Я родился не отъ дуба.......... я родился не отъ утеса; плоть моя была мѣдь раскаленная; весь островъ Критъ могъ я обходить кругомъ въ одинъ день по три раза. » (*Балланшъ*).

[7] *Быть можетъ нѣкогда и въ этомъ запустѣньи*
Гигантской роскоши лилось обвороженье... и проч.

Вся эта идеализація допотопнаго міра основана на нѣкоторыхъ обозначеніяхъ Критія, Эвсевія, Лукіана и Плутарха, точно такъ-же, какъ перенесеніе столбовъ Тотовыхъ въ древнюю Мизію — на преданіи о какихъ-то колоннахъ, воздвигнутыхъ Сезострисомъ во Ѳракіи. Нужно-ли впрочемъ упоминать, что изображеніе предшествовавшаго Ною времени едва-ли, во всякомъ случаѣ, можетъ быть точнѣе исторіи и географіи *Орланда* или *Гулливерова Странствія!*

[8] *Ты правъ, божественный пѣвецъ* . . . и проч.

« There is the moral of all human tales;
'Tis but the same rehearsal of the past
First freedom, and then glory, — when that fails,
Wealth, vice, corruption, — barbarism at last. »

L. Byron. — *Childe Harold's Pilgrimage*, 4, CVIII.

V.

ПЯТАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЕЛЕГІЯ

ГЕБЕДЖИНСКІЕ ФОНТАНЫ.

стр. 45.

[1] См. *Письма изъ Болгаріи*, стран. 116 — 121.

[2] *Съ тобой на крыльяхъ думъ, о Делія младая,*
Ужь не въ дубравы-ль этѣхъ скалъ
Мудрецъ Тибуллъ перелеталъ!

Кому изъ Русскихъ читателей неизвѣстна 1-я Тибуллова Элегія, столь прекрасно переведенная Дмитріевымъ, гдѣ вниманіе сердца останавливается, между прочимъ, на слѣдующихъ стихахъ:

Я о родительскомъ богатствѣ не тужу;
Безпечно дней моихъ остатокъ провожу;
Работаю, смѣюсь, иль съ Музами играю,
Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнце иногда дождь мелкій чуть шумитъ:
Я, слушая его, по малу погружаюсь
Въ забвеніе, и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь;
Иль въ мрачну, бурну ночь, въ объятіяхъ драгой,
Не слышу и грозы, шумящей надо мной:
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!

[3] *Весны мелодію на чувства лишь навѣй...*

«Мелодія, если взять это слово во всемъ доступномъ ему объемѣ, можетъ проистекать (столько-же отъ сочетанія звуковъ, сколько) отъ послѣдовательности красокъ, или отъ послѣдовательности благоуханій. Мелодія можетъ проистекать отъ всякой благоустроенной послѣдовательности извѣстныхъ ощущеній, отъ всякаго приличнаго ряда

дѣйствій, коихъ сущность состоитъ изъ возбужденія того, что мы исключительно зовемъ чувствомъ» (*Сенанкуръ*).

4 *Не такъ-ли нѣкогда Кротонскій жилъ Протей?*

Пиѳагоръ — «Движенія тѣлъ небесныхъ производятъ сладкую, божественную гармонію. Музы, Сиренамъ подобныя, поставили на звѣздахъ свои престолы. Онѣ-то учреждаютъ мѣрное теченіе горнихъ сферъ и присутствуютъ при той вѣчной, восхитительной музыкѣ, которая слышна только въ безмолвіи страстей и наполняла, какъ увѣряютъ, душу Пиѳагорову чистою радостью.» (*Путешествіе младшаго Анахарсиса*).

VI.

ШЕСТАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЕГІЯ

ЭСКИ-АРНАУТЛАРЪ. стр. 57.

1 *Въ устахъ съ Пеаномъ боевымъ...*

У древнихъ Грековъ всякій гимнъ назывался, въ собственномъ смыслѣ, *Пеаномъ*. Въ Ксенофоновомъ *Отступленіи Десяти Тысячъ* Пеанъ встрѣчается, однако-жъ, какъ боевая пѣснь исключительно.

2 *Родимыхъ доблестей пѣвецъ*
Блюдетъ васъ жадными очами.

Нѣкоторыя подробности сраженія 5-го Мая при Эски-Арнаутларѣ, коимъ открылась кампанія 1829-го года, изложены авторомъ въ его *Письмахъ изъ Болгаріи* (стр. 180—192). Очутясь вовсе неожиданно на полѣ сей достопамятной битвы, онъ умственно очеркнулъ посреди самаго ея разгара абрисъ предлагаемой *Элегіи*. Въ послѣдствіи старался онъ расцвѣтить се колоритомъ только тѣхъ впечатлѣній, кои душа его почерпнула въ самомъ дѣйствіи кровавой, розыгранной передъ нимъ

драмы. По этой-то можетъ быть причинѣ ему пріятно думать, что звуки *пѣвца родимыхъ доблестей* проникнуты, если не душою таланта, то по крайней мѣрѣ той неподдѣльной истиной, которую всѣ усилія искусства едва-ли вполнѣ выразятъ кабинетнымъ бряцаніемъ лиры.

[3] *Нашъ храбрый полкъ, несмѣтный врагъ*
Твою твердыню билъ стальную —
И не попятясь ни на шагъ,
Ты весь погибъ за честь родную!...

Охотскій пѣхотный полкъ.

VII.

СЕДЬМАЯ ѲРАКІЙСКАЯ ЭЛЭГІЯ

ВОЗВРАЩЕНІЕ. стр. 69.

[1] Этою картиною авторъ очень часто любовался въ Сизополѣ, куда онъ отплылъ изъ Варны 12-го Мая 1829 года, почти за два мѣсяца до перехода черезъ Балканъ Русской арміи.

[2] «*Анхіало*, 18-*го Іюля* 1829. Ура, ура! наконецъ Орлы Русскіе за Балканомъ. Это безсмертное событіе избавило между прочимъ и меня отъ чумнаго Сизополя. Какъ отрадно было смотрѣть изъ палатки на отплытіе нашей эскадры къ противоположному берегу и вскорѣ потомъ — на покрытую пушечнымъ дымомъ Месемврію! Каждый залпъ артиллеріи отзывался въ сердцѣ, какъ труба ангела, воскресителя мертвыхъ. Черезъ нѣсколько дней, по занятіи береговъ залива Бургазскаго нанялъ я быстролетный Греческій *каикъ* и отплылъ на немъ изъ *неблагополучнаго города Сизополя*, какъ было сказано въ свидѣтельствѣ, выданномъ мнѣ отъ генерала П. Генералъ С. навязалъ на меня своего

переводчика, Анхіалота, скрывавшагося почему-то около 8-ми лѣтъ въ чужбинѣ отъ Турецкаго ятагана. Къ этому изгнаннику присоединилось еще съ полдесятка его согражданъ. Для всѣхъ насъ на каикѣ почти не было мѣста; нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ могли быть поражены чумою; но нетерпѣніе облобызать родимую землю говорило за нихъ моему сердцу громче всѣхъ другихъ соображеній. Эта филантропія чуть-чуть не обошлась мнѣ впрочемъ довольно дорого, ибо отягченный людьми каикъ, выставлялся изъ воды едва-ли на одну только четверть, а поднявшійся въ то-же время противный сѣверный вѣтеръ кружилъ, приподнималъ и забросывалъ его волнами. Только къ вечеру усмирилось море. Очень поздно вышелъ я въ Анхіало на берегъ, и потому былъ принужденъ провести весь остатокъ ночи въ бесѣдѣ съ Русскими часовыми, не хотѣвшими впустить меня въ городъ, безъ медицинскаго разрѣшенія. Это разрѣшеніе послѣдовало лишь на разсвѣтѣ. Забавно было видѣть, какъ вмѣсто карантиннаго очищенія, мои нетерпѣливые ступники погружались, совсѣмъ одѣтые, въ море, и какъ беззаботно направляли потòмъ стопы свои въ городъ. Былъ какой-то праздникъ. Народъ толпился по тѣснымъ, кривымъ, но пестрымъ, но разнообразнымъ улицамъ. Обогатясь, съ изгнаніемъ Турокъ, Европейской терпимостью, не одна пара любопытныхъ черныхъ очей осыпàла насъ изъ высокихъ оконъ своими *электро-магнетическими* искрами. Переводчикъ Георгій вглядывался въ лице каждому встрѣчному, и почти на каждомъ шагу бросался съ восторженнымъ: «*калимера!*» въ объятія ближняго или пріятеля. Изъ Русскихъ я, вѣроятно, первый вошелъ тогда-же въ здѣшнюю соборную церковь, и, въ слѣдствіе того, сдѣлался предметомъ всеобщаго шопота. — Въ сравненіи съ палаткой, гдѣ довелось мнѣ прожить слишкомъ два мѣсяца въ Сизополѣ, здѣсь занялъ я квартиру истинно-господскую. — Лѣстница вверхъ; обширныя полуовальныя сѣни съ окнами *à jour* на живописную панораму города. Вокругъ этихъ сѣней комнаты, изъ коихъ одна была мнѣ уступлена. Веселый видъ, блескъ новизны и опрятности дома, привѣтливость хозяевъ и — пуще всего — огонь пронзительныхъ, истинно-восточныхъ глазъ молодой дѣвушки, сестры ихъ — какъ будто перелили въ мое сердце. Эта послѣдняя встрѣтила меня съ фіа-

ломъ туземнаго краснаго вина, которое показалось мнѣ можетъ быть только потому нектаромъ, что было озарено лучемъ, падавшимъ изъ очей Гебы прямо во глубину гостепріимной чаши. Въ своей комнатѣ нашелъ я кроватъ съ бѣлымъ пологомъ, съ обтянутыми краснымъ атласомъ подушками. На этотъ эпикурейскій одръ бросился я такъ жадно, какъ будто хотѣлъ вознаградить себя Эпименидовымъ сномъ за всѣ тревоги, возмущавшія мой покой въ Сизопольскомъ лагерѣ. Заходящее солнце наводняло уже золотымъ огнемъ всю мою комнату, когда освободясь наконецъ изъ-подъ крылъ Морфеевыхъ, я машинально подошелъ къ окошку. Лучь заката игралъ въ густотѣ двухъ чернѣвшихся у воротъ кипарисовъ, а надъ ними сіяли двѣ звѣзды очей моей Гебы, любопытно устремленныя изъ противоположнаго окна прямо на мою свѣтлицу..... Уже совсѣмъ смеркалось, когда я вышелъ подышать вечерней прохладою.... Анхіало небольшой, но плѣнительный, но гораздо больше восточный городокъ, нежели Сизополь. Въ особенности поразилъ меня Турецкій кварталъ онаго. Это узкая улица, накрытая деревянной рѣшеткою, по протяженію коей вьются гибкія лозы, образуя мозаиковый потолокъ изъ виноградныхъ кистей и листьевъ. На концѣ этой улицы слѣва — краснѣется домъ правившаго здѣсь Паши; справа — бѣлѣется минаретъ, примыкающій по одну сторону — къ небольшой, осѣненной густыми деревьями площадкѣ, съ журчащимъ на серединѣ оной фонтаномъ; по другую — къ Турецкому кладбищу, сумрачной кипарисовой рощѣ, убѣленной надгробіями, съ крючковатыми восточными надписями, съ вѣнчающими ихъ мраморными чалмами. Дымка ночи облекала эту картину; полный мѣсяцъ наводилъ на нее свое таинственное сіяніе; Духъ запустѣнія блуждалъ вокругъ покинутой мечети; ропотъ фонтана сливался съ печальнымъ воркованіемъ горлицъ, которое по временамъ вырывалось изъ-подъ тѣни могильныхъ кипарисовъ. Далѣе слышался торжественный голосъ моря, распростертаго за кладбищемъ необъятной сафирной равниною въ оправѣ своего отлогаго берега.... и проч.» (*Отрывокъ изъ путеваго Дневника, во время кампаніи* 1829-го *года*).

[3] *Какъ вольный Фарисъ поскакалъ....*

Фарисомъ называютъ Бедуины удалаго наѣздника.—См. извѣстное подъ симъ названіемъ Стихотвореніе А. Мицкевича.

[4] См. *Письма изъ Болгаріи*, стр. 160 — 162.

[5] Нѣкоторыя черты чумной заразы, опустошавшей въ 1829-мъ году Болгарію и Румилію, переданы здѣсь точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ представлялись глазамъ автора. — « Здѣсь царство смерти »—говоритъ онъ въ письмѣ своемъ отъ 9-го Іюля изъ Сизополя...— « Спереди — война, сзади—зараза; справа и слѣва—огражденное карантинами море. Всѣ сношенія съ Россіей прекращены совершенно. Мы всѣ, и живые, и мертвые, стоймъ лагеремъ предъ очумленнымъ равномѣрно Сизополемъ. Дни наши — суть безпрерывныя похороны; наши ночи — ежечасныя тревоги, возбуждаемыя Абдераманомъ-Пашой, коего силы, состоящія, по увѣренію плѣнныхъ, изъ 18,000 воиновъ, расположены въ 6-ти верстахъ отсюда. Словомъ — мы уже думаемъ совсѣмъ не о томъ, какъ-бы жить и щеголять знаменитыми открытіями; но о томъ, какъ-бы умереть веселѣй и покойнѣе и проч.»

[6] Изъ числа жертвъ этой гибельной заразы, да позволено будетъ автору принести здѣсь дань сердечныхъ слезъ своихъ священной для него памяти генерала *Свободскаго*, извѣстнаго своей *Системой математическихъ выкладокъ на счетахъ*, и столь замѣчательному во многихъ другихъ отношеніяхъ. Оригиналъ по пріемамъ, мудрецъ по мыслямъ, ребенокъ по простодушію, онъ соединялъ въ себѣ воображеніе артиста съ отвлеченностью метафизика, съ точностью и глубиной математика, и подъ корою насмѣшливаго безстрастія, таилъ неистощимое въ любви къ ближнему сердце. Одинокому, брошенному судьбой на среду чуждаго ему поприща, застигнутому вдали отъ родины смертоносной заразою, онъ удѣлилъ автору два-три аршина своей собственной палатки и не переставалъ быть ему истиннымъ другомъ во все продолженіе сего тяжелаго времени.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

——— I suoi pensieri in lui dormir non ponno.

Tasso, Gerus Liber., C. X.

СЧАСТІЕ.

*

——— Какъ нѣкая ты сфера,

. . . .

Блистая въ воздухѣ, летишь;
Вселенна длани простираетъ;
Зоветъ тебя — ты не глядишь;
Но шаръ твой часто упадаетъ,
По прихоти одной твоей,
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

Державинъ.

*

I.

I.

Его ты видишь-ли, тамъ, тамъ,
Тамъ, тамъ? — пророчитъ гласъ надежды.
Какая смѣсь тузовъ и дамъ!
Всѣ передъ нимъ склонили вѣжды.
То Счастье, шепчетъ гласъ надежды.
Скорѣй-же въ путь; туда, туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

II.

Его ты видишь-ли тамъ, тамъ,
Въ саду, въ деревнѣ, предъ каминомъ?
Оно порхаетъ по лугамъ,
Въ напѣвѣ дышетъ соловьиномъ. —
Какъ сладко съ милой предъ каминомъ!
Скорѣй-же въ путь; туда, туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

III.

Его ты видишь-ли тамъ, тамъ,
Средь бѣлокаменной столицы,
Гдѣ жизнь подобна фонарямъ,
Летящей вихремъ колесницы?
Какъ въ шумной весело столицѣ!
Скорѣй-же въ путь; туда, туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

IV.

Его ты видишь-ли тамъ, тамъ,
Въ поляхъ, гдѣ бой кипитъ кровавый? —
Оно предшествуетъ полкамъ,
Какъ властелинъ, играетъ славой.

Какъ въ сѣчѣ весело кровавой!
Скорѣй-же въ путь; туда, туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

V.

Его ты видишь-ли, тамъ, тамъ,
Гдѣ съ кораблемъ волна играетъ? —
Предъ нимъ улыбка по морямъ,
По мачтамъ радуга мелькаетъ.
Какъ умъ на палубѣ играетъ!
Скорѣй-же въ путь; туда, туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

VI.

Его ты видишь-ли, тамъ, тамъ,
Въ гаремахъ Азіи блаженной,
Гдѣ опіумъ — души бальзамъ,
Гдѣ скипетръ — мечь окровавлѐнный? —
Какъ сладко въ Азіи блаженной!
Скорѣй-же въ путь; туда, туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

VII.

Его ты видишь-ли тамъ, тамъ,
Гдѣ свѣтъ ума, какъ солнце ясенъ;
Гдѣ звонкихъ фразъ надъ Сейной храмъ,
Гдѣ Римъ предъ туфлею безгласенъ? —
Какъ свѣтъ ума въ Европѣ ясенъ!
Скорѣй-же въ путь; туда, туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

VIII.

Его ты видишь-ли, тамъ, тамъ,
Въ лѣсахъ Америки свободной,
Гдѣ снявъ мундиръ, къ своимъ сынамъ
Оно въ Совѣтъ идетъ народный? —
Къ брегамъ Америки свободной,
Скорѣй-же въ путь; туда, туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

IX.

Его ты видишь-ли, тамъ, тамъ,
Межь кочевыми облаками? —
О, полно! говоритъ птенцамъ
Гарольдъ, покрытый сѣдинами.

Бѣгите вы за облаками,
Спѣшите, дѣти, въ путь туда,
Гдѣ брежжетъ милая звѣзда,
Туда, туда!

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

*

———————— Dissipat Evius
Curas edaces. Quis puer ociùs
Restinguet ardentis Falerni
Pocula prætereunte lympha?

Horat., lib. II, od. 8.

*

II.

I.

Наполнимъ бокалы; я жаждой такой
Досель никогда не томился;
О, выпьемъ-же! — Кто не пивалъ подъ луной,
За чашей съ людьми не мирился?
Все въ пестрой сей жизни коварный обманъ;
Лишь ты безъ обмана, шипучій стаканъ!

II.

Всего на пиру я у жизни вкусилъ;
Душой передъ черными таялъ очами;
Любилъ я. — О! кто на землѣ не любилъ?
Но, милыми кто-жъ обаянный устами,
Всю цѣну блаженства извѣдалъ вполнѣ,
Доколѣ онъ страсти томился въ огнѣ?

III.

Въ тѣ годы, когда нашъ младой идеалъ
Безъ крыльевъ намъ дружество кажетъ,
Ласкалъ я друзей. — Кто своихъ не ласкалъ?
Но кто-же теперь намъ докажетъ,
Что такъ ему вѣрны бывали друзья,
Какъ ты, винограда златая струя?

IV.

Любви измѣняетъ намъ часто звѣзда,
Для дружбы душа холодѣетъ. —
Лишь ты неизмѣненъ, нашъ нектаръ, всегда!
Становишься старъ ты. — И кто-жъ не старѣетъ?
Но кто-же, какъ ты, похвалиться-бы могъ,
Что годы сугубятъ въ немъ силъ кипятокъ?

V.

Дѣвичьимъ-ли сердцемъ кто въ жизни счастливъ —
Соперникъ ужь нашего близокъ кумира:
И вотъ мы ревнивы. — Но кто-жь не ревнивъ?
Въ тебѣ лишь гармонія міра!
О чаша, чѣмъ больше счастливыхъ тобой,
Тѣмъ каждый твой рыцарь довольнѣй судьбой!

VI.

Когда, съ лѣтомъ жизни, для нашихъ сердецъ
Разгулъ милыхъ шалостей гибнетъ,
Къ бутылкѣ мы рвемся душой наконецъ,
И вдругъ постигаемъ, — но кто-жь не постигнетъ,
Что истины яркой теперь, какъ всегда
На днѣ лишь бутылки играетъ звѣзда?

VII.

Когда отворился Пандоры сундукъ,
И радость исчезла прямая,
Осталась надежда, бальзамомъ отъ мукъ. —
Да, да! лишь надежда златая!
Но что намъ въ ея обольстительномъ снѣ:
Рой благъ досундучныхъ у чаши на днѣ!

VIII.

Да зрѣетъ-же вѣчно въ садахъ виноградъ!
Когда мы съ своей распростимся весною,
Вино, постарѣвъ, нашъ утѣщитъ закатъ.
Умремъ мы. — Но кто-жь не умретъ подъ луною?
Тогда на Олимпѣ насъ приметъ Зевесъ,
И Геба наполнитъ фіалы небесъ!

МЕНАДА.

*

Ты вся мила, ты вся прекрасна
Какъ пламенны твои уста!
Какъ безгранично сладострастна
Твоихъ обьятій полнота!

Языковъ.

*

III.

I.

Садъ не блещетъ ужь огнями,
Розами усѣянъ залъ;
Кубки брошены съ вѣнками,
Голосъ пира замолчалъ.
Мы одни. Какъ сладко дремлетъ
Голова теперь моя!
Беззаботность духъ обьемлетъ;
Только страсти сердце внемлетъ,
Дѣва нѣги, близь тебя!

II.

Какъ прекрасна ты, съ обвитой
Виноградомъ головой;
Съ пикой тирса, въ листьяхъ скрытой
И въ небридѣ дорогой!
Такова ты, представляя
Хоръ планетъ, въ кругу Менадъ;
Или тигровъ собирая,
И съ усмѣшкой имъ бросая
Багрянистый виноградъ.

III.

О! напѣнь-же снова чаши,
Или выпьемъ изъ одной:
Стопитъ вмѣстѣ ду̀ши наши
Этотъ нектаръ золотой.
Но, мой другъ, твои ланиты
Чувствъ пожаромъ ужь горятъ;
Страстью жилки ихъ нали̇ты;
Пышетъ грудь, власы развиты,
Знойнымъ солнцемъ блещетъ взглядъ!

IV.

Что-жь? отъ ласкъ моихъ ты больше
Юныхъ персей не скрывай,

И восторговъ бурей дольше
Сердца жизнь усугубляй!
На устахъ, какъ сахаръ таетъ
Твой душистый поцѣлуй;
Съ головы вѣнокъ спадаетъ;
Нѣжный голосъ замираетъ,
Будто ропотъ горныхъ струй...

V.

Гласъ Сирены лицемѣрной,
Прочъ отъ слуха моего!
Слава, прочъ! я знаю вѣрно,
Что не знаю ничего.
Океанъ тоски мертвящей —
Умъ пытливый мудреца;
Нѣжный взоръ, бокалъ шипящій —
Вотъ лучь рая, золотящій
Блескомъ радуги сердца!

ОПРАВДАНІЕ.

*

Ah! Si . . . . .

Boufflers.

*

IV.

О! не вините струнъ моихъ
Изнѣженное рокотанье:
Не эхо сердца ропщетъ въ нихъ,
Когда Пафосскихъ жрицъ лобзанья,
Звонъ чашъ, подъ тѣнью липъ густыхъ,
Въ ихъ бѣгломъ слышатся бряцаньи! —
Что мнѣ вамъ пѣть? — Съ презрѣньемъ я
Гляжу на блескъ подлунной славы;
Любовь? — но въ цвѣтѣ бытія
Душа проникнута моя
Ея змѣиною отравой!...

Разсѣйте-жь славы дымъ пустой;
Мнѣ о любви не поминайте;
Зовите жрицъ Пафосскихъ рой;
Мой кубокъ розами вѣнчайте!

Межь тѣмъ, безуміе страстей,
Быть можетъ, и въ душѣ моей
Высокой жизни-бъ не убило,
Когда-бы солнце лучшихъ дней
Мою весну озолотило!...
Какъ знать? — быть можетъ, край родной
И мнѣ привѣтно-бъ улыбался;
Въ бояхъ моею-бы душой
Духъ грозныхъ тысячъ зажигался; —
И на обломкахъ вражьихъ стѣнъ,
Съ родныхъ воспрянувшій знаменъ,
Вездѣ-бъ Орелъ нашъ развѣвался. —
И Геній брани увѣнчалъ
Меня-бы славою гигантской;
Иль, можетъ быть, на мнѣ-бъ сіялъ
Отчизны даръ, вѣнецъ гражданскій.
Иль дивный кладъ родныхъ Каменъ
Открылъ-бы я въ глуши временъ;
Потокъ безвѣстныхъ пѣснопѣній
Въ странахъ-бы дальнихъ зажурчалъ,
И яркимъ солнцемъ Русскій Геній
Надъ міромъ радостно-бъ сіялъ.

О други! крылья соколины
Душа расправила-бъ моя,
Когда-бы раннія кручины
Изъ урны бѣшеной судьбины
Не проливались на меня!...
. . . .

Разсѣйте-жь славы дымъ пустой;
Мнѣ о любви не поминайте;
Зовите жрицъ Пафосскихъ рой;
Мой кубокъ розами вѣнчайте!...

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ.

Conoscete i dubbiosi desiri?

Dante.

V.

I.

Когда вокругъ тебя, средь вѣтреныхъ пировъ
Веселья пошлаго морозный блескъ мерцаетъ,
Вельможа и богачъ, и свѣтскихъ мотыльковъ
Ничтожный, пестрый рой докучливо мелькаетъ —
Ты помнишь-ли, что тамъ, какъ жребій надъ тобой,
Угрюмъ, иль радостенъ; твой рабъ, иль повелитель;
Змѣёй, иль голубемъ; духъ злой, иль добрый твой,
Повсюду бодрствуетъ, въ толпѣ незримый зритель?...

II.

Твой другъ — когда по немъ душа твоя болитъ —
Наполнитъ для тебя весь Божій міръ любовью;
Мечтами райскими твой сонъ обворожитъ,
Какъ Духъ мелодіи приникнетъ къ изголовью...
Далекой области могучій властелинъ,
Въ вѣнцѣ рубиновомъ и въ огненной порфирѣ,
Тебѣ предстанетъ онъ таинственно-одинъ
Въ чертогахъ радужныхъ, въ лазоревомъ эѳирѣ.

III.

Въ глухую ночь временъ съ тобой проникнетъ онъ,
Тебѣ въ хаосѣ ихъ покажетъ Царствъ паденье,
И то, чѣмъ человѣкъ столь жалко ослѣплёнъ —
Въ пучинѣ тлѣнности, въ когтяхъ уничтоженья.
Онъ тайны чудныя царю морскихъ валовъ
Открыть въ коралловыхъ дворцахъ тебѣ прикажетъ;
Тебѣ въ утробѣ горъ, подъ стражею Духовъ
Міровъ исчезнувшихъ сокровища покажетъ.

IV.

Къ садамъ надоблачнымъ восхититъ онъ тебя,
Туда, гдѣ отъ любви сердца̀ не увядаютъ;

Гдѣ гнѣзда ангеловъ, надъ моремъ бытія
Въ шипкахъ небесныхъ розъ, въ рубинахъ звѣздъ сіяютъ...
Но, если свѣтскою прельстившись суетой,
Ты не поймешь меня, и для высокой страсти
Закроешь грудь свою... — страшись! я недругъ твой:
Тебя подавитъ гнётъ моей волшебной власти!...

V.

Твой умъ, твою красу, какъ злобный демонъ я
Тогда оледеню своей усмѣшки ядомъ;
Въ толпѣ поклонниковъ замретъ душа твоя,
Насквозь пронзенная моимъ палящимъ взглядомъ.
Тебя въ минуты сна мой хохотъ ужаснетъ;
Онъ искры красныя вокругъ тебя разсѣетъ;
Рука свинцовая дыханье перерветъ,
Мертвящій сердцемъ хладъ подъ нею овладѣетъ.

VI.

Съ тобой я въ дикій боръ, какъ вихрь перенесусь,
Вкругъ сердца огненной опутаюсь змѣёю;
Въ него, въ твои уста медлительно вопьюсь,
Грудь сладострастною воспламеню мечтою.
Но тщетно знойныя желанья закипятъ...

Больной души моей жестокое томленье,
Отрава ревности, напрасной страсти адъ
Наполнять грудь твою въ минуту пробужденья!...

ВЪ АЛЬБОМЪ.

*

Madame, autour de vous tant de grâce étincelle,
. . . .
. . . .
Un si touchant regard baigne votre prunelle...

Deux vierges, Poésie et Musique, deux soeurs,
Vous font une pensée infinie en douceurs.

V. Hugo.

*

VI.

I.

Я помню васъ въ томъ залѣ, гдѣ картина
Огнемъ души Рембрàндовой горитъ;
Гдѣ бронзовый, съ роскошнаго камина
Взоръ Мàрія надъ вальсами паритъ: —
Въ одеждѣ Пѐри золотистой
Вы тамъ, какъ сонъ мелькали чистый.

II.

Я помню васъ тамъ, гдѣ свѣтило дня,
Какъ взоръ любви, надъ моремъ пламенѣетъ;
Гдѣ слухъ души нагорная струя,
Какъ сына мать, подъ лаврами лелѣетъ: —
Средь ароматныхъ вы садовъ
Казались тамъ душой цвѣтовъ.

III.

Я помню васъ.... но вы на этѣ строки,
На дань души — посмо̀трите-ль порой?...
Пусть рока вихрь умчитъ меня далёко —
Къ добру всегда былъ близокъ я душой!
И всѣхъ мнѣ благъ подлунныхъ краше
Воспоминанье будетъ ваше!....

ФРАГОЛЕТТА.

✻

Wär't ihr, Schwärmer, im tande die Ideale zu fassen,
O! so verehrtet ihr auch, wie sich's gebührt die Natur.

Goethe.

✻

VII.

I.

Въ ладьѣ-ли рыбаря съ тобой
Ношусь по безднѣ я зыбучей,
Когда на голосъ громовой
За валомъ валъ бѣжитъ ревучій,
И пламень молніи горитъ
Въ твоихъ очахъ, въ улыбкѣ смѣлой —
Тогда, о дѣва, какъ томитъ
Меня и блескъ твоихъ ланитъ,
И блескъ твоей одежды бѣлой!

II.

По дебрямъ, по обрыву-ль горъ,
Перуны сѣя бурнымъ взглядомъ,
Дрожа какъ листъ, во весь опоръ
Твой конь съ моимъ несется рядомъ;
И свищетъ хлыстъ грозящій твой,
И конской кровью блещутъ шпоры —
Тогда, какъ жадно, отрокъ мой,
Я ненасытной пью душой
Твои сверкающіе взоры!

III.

Но кто-же ты, живой цвѣтокъ,
Въ дубравѣ — горлицы подруга;
Въ широкомъ полѣ — вихрь-ѣздокъ,
Въ ладьѣ — Нептунова супруга?
Орлица ты, иль соловей?
Лебяжій пухъ — твой станъ и руки,
Кинжала блескъ — огонь очей,
Роса и лава — смыслъ рѣчей,
И въ розахъ устъ — клавира звуки!...

IV.

Покинувъ райскіе цвѣты,
Рубины звѣздъ, надъ моремъ свѣта,

Къ намъ не въ лучахъ-ли солнца ты
Слетѣлъ, какъ дивный сонъ поэта?
Оттуда-ль ты, гдѣ братъ Духовъ,
И человѣкъ былъ до паденья;
Гдѣ отрокъ, дѣва, другъ, любовь,
Подъ солнцемъ выспреннихъ міровъ —
Одно и тоже для творенья?....

V.

Когда подъ зиждущимъ рѣзцомъ
Небесный призракъ воплощался,
И двухъ, сліянныхъ душъ огнёмъ
Холодный мраморъ зажигался —
Не ты-ль, кумиръ безцѣнный мой,
Въ то время снился Поликлесу? —
И сонъ плѣнительно-живой
Прожегъ своею красотой
Его сердечную завѣсу!...

ГАЛАТЕЯ.

❉

Je crois dans mon délire pouvoir m'élancer hors de moi; je crois pouvoir lui donner ma vie et l'animer de mon ame. Ah! que Pygmalion meure pour vivre dans Galathée!

J. J. Rousseau.

❉

VIII.

I.

Пòла средняго творенья,
Сонмы свѣтскихъ Пропетидъ,
Передъ вами-ль вдохновенье
На художника слетитъ!
Ни природы, ни искусства
Духъ вамъ въ сердце не проникъ;
Нарумяненыя чувства
Движутъ хладный вашъ языкъ!

II.

Кто-жь мнѣ жизнію повѣетъ,
Райскій бредъ осуществитъ;
Ледъ сердечный разогрѣетъ,
Зной душевный прохладитъ? —
Мраморъ надобенъ мнѣ чистый:
Живо творческій рѣзецъ
Воплотитъ мечту Артиста,
Упоеніе сердецъ!

III.

И любовь своимъ дыханьемъ
Сердце въ мраморѣ зажжетъ,
И въ него живымъ лобзаньемъ
Душу дивную вдохнетъ....
Но напрасно я питаю
День и ночь свою мечту —
Изо льду-ли изваяю
Галатеи красоту!

IV.

Дайте-жь мнѣ тотъ край, гдѣ Рона
Средь богатыхъ нивъ журчитъ,

Гдѣ вкругъ башенъ Авиньона
Лѣсъ каштановый шумитъ!
Гдѣ въ струяхъ живой Воклюзы
Свой сердечный идеалъ
Соловей, любимецъ Музы
Зрѣлъ, любилъ и воспѣвалъ!

V.

Дайте хижину простую
Мнѣ надъ Роной голубой;
Дочь природы молодую,
Книгу, садикъ и покой!
Тамъ любовію своею
Душу мрамору я дамъ,
И другую Галатею
Съ сердцемъ огненнымъ создамъ!...

МОЯ СТАРУШКА.

✻

——————————смотри, тамъ въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались — цвѣточка ужь нѣтъ!
Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынный....

Батюшковъ.

✻

IX.

I.

Придетъ пора — твой Май отзеленѣетъ;
Придетъ пора — я міръ покину сей;
Орѣховый твой локонъ побѣлѣетъ;
Угаснетъ блескъ агатовыхъ очей.
Смежи мой взоръ; но дней своихъ зимою
Моей любви ты лѣто вспоминай;
И, добрый другъ, стихи мои порою
Предъ камелькомъ трескучимъ напѣвай.

II.

Когда твои морщины вопрошая
О розахъ мнѣ сіявшей красоты,
Захочетъ знать бѣлянка молодая:
Чью такъ любовь оплакиваешь ты? —
Минувшихъ дней блесни тогда весною,
Жаръ нашихъ душъ на лютнѣ передай;
И, добрый другъ, стихи мои порою
Предъ камелькомъ трескучимъ напѣвай.

III.

«Какъ — спросятъ — жилъ покойный твой любовникъ:
Лисицею, иль волкомъ иногда;
У двери-ль былъ торчавшій онъ чиновникъ?» —
Главу подъявъ, отвѣтствуй: никогда!
Мой дерзкій смѣхъ надъ бѣшеной судьбою,
Мой тайный плачъ ты внукамъ передай;
И, добрый другъ, стихи мои порою
Предъ камелькомъ трескучимъ напѣвай.

IV.

Повѣдай ты, какъ ураганъ жестокій
На всѣхъ моряхъ крушилъ мою корму;

Какъ, между тѣмъ, подъ молніями рока
Лишь горю льстилъ твой путникъ одному.
О! разскажи, какъ сирой онъ душою
Въ твоей любви единый вѣдалъ рай;
И, добрый другъ, стихи мои порою
Предъ камелькомъ трескучимъ напѣвай.

V.

Когда, грустя, ты дряхлыми перстами
Коснешься струнъ поэта своего,
И каждый разъ, какъ вешними цвѣтами
Обвить портретъ задумаешь его —
Парй въ тотъ міръ ты набожной душою,
Гдѣ для любви настанетъ вѣчный Май;
И, добрый другъ, стихи мои порою
Предъ камелькомъ трескучимъ напѣвай.

ПѢСНЬ КАЗАКА.

⁂

О чемъ ты думаешь, Казакъ?....

Пушкинъ.

⁂

X.

I.

Въ родимой лачугѣ, средь мирной семьи
Ничтожныя дышатъ заботы;
Какъ тихія ночи тамъ тянутся дни
Въ туманѣ сердечной дремоты.
Паукъ на сѣдло нападаетъ моё,
И ржавчина гложетъ стальное копьё,
И ты, мой товарищъ летучій,
Безпечно склонивъ удалую главу,
Не чуждую щиплешь, какъ прежде, траву,
Омытую кровью кипучей!

II.

Надъ Рейномъ богатымъ, надъ Сейной живой,
Ты помнишь лихія забавы?
Бывало, когда ураганъ огневой
Стальныя низложитъ дубравы;
Въ дыму не сверкаетъ иступленный мечь,
И вслѣдъ за бѣгущимъ не вьется картечь:
Тогда, кровожаждущимъ враномъ,
Съ тобой мы, какъ вихорь, летимъ за врагомъ: —
И злато въ крови, подъ могучимъ копьёмъ,
Подъ мѣткимъ родится арканомъ.

III.

О, дни наслажденій! Бывало, когда
Надъ полемъ умолкнувшей драки
Зарницкой ночи взыграетъ звѣзда,
Огнями заблещутъ биваки —
И топаетъ къ пикѣ привязанный конь,
И вѣтеръ волнуетъ трескучій огонь:
Тогда мы, столпясь въ круговую,
За чашами съ плѣннымъ Бургонскимъ виномъ,
Своихъ черноокихъ Казачекъ поёмъ,
И дѣлимъ корысть боевую.

IV.

Бывало.... но въ дивномъ, пророческомъ снѣ,
Угрюмѣй полу́ночи тёмной,
Гиганта, съ перунными взорами, мнѣ
Привидѣлся Геній огромный.—
То призракъ Аттиллы, владыки царей.
Смѣясь, онъ потомку сѣкирой своей
На Западъ указывалъ вольный....
Когда-жь, окрыленный гремучей трубой,
Мой конь, ты запляшешь въ уздѣ золотой,
Какъ прежде, надъ Сейной крамольной!

V.

О, что мнѣ до яркихъ Европы лучей,
До блеска искусствъ и познаній!
Что мнѣ до витійства безсмертныхъ Пигмей,
До смысла пустыхъ щебетаній!
Богатые грады, чертоги вѣковъ,
По вашимъ обломкамъ, какъ пѣна валовъ,
Промчится скакунъ мой ретивый:
И пика Казачья одна заблеститъ

На мѣстѣ, гдѣ съ прахомъ могучихъ копытъ
Сольется вашъ прахъ горделивый!....

СЛЕЗЫ И ХОХОТЪ.

*

Оживите сердце вялое!
Дайте жить по старинѣ!
Иль оплакивать бывалое
Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ!

Жуковскій.

Alors je suis tenté de prendre l'existence
Pour un sarcasme amer d'une aveugle puissance,
De lui parler sa langue, et, semblable au mourant
Qui trompe l'agonie et rit en expirant,
D'abymer ma raison dans un dernier delire,
Et de finir aussi par un éclat de rire.

A. de Lamartine, Harmonies.

*

XI.

I.

Въ былые дни, предъ солнечнымъ закатомъ,
Когда падетъ вечерняя роса;
Пылаетъ боръ, и разноцвѣтнымъ златомъ
Подернутся надъ моремъ небеса. —
Когда, браздя лазурныя поляны,
Какъ призраки блуждаютъ облака:
Тамъ чудный храмъ, тамъ дѣвы ликъ румяный,
Тамъ гордый шлемъ и витязя рука. —
Когда вдали, на башнѣ одинокой,

Златаго дня послѣдній мигъ звучитъ,
И за него, сливаясь въ гимнъ высокій,
Всей твари гласъ Творца благодаритъ —
Тогда духовнымъ сладострастьемъ
Переполнялась грудь моя;
Богатый радостью и счастьемъ,
Лилъ слезы я.

II.

Теперь при мнѣ дивятся-ли природѣ,
Любовь-ли чтутъ наперсницей Харитъ,
О славѣ-ли, о гордой-ли свободѣ
Довѣрчиво мнѣ юность говоритъ. —
Брамина-ль гербъ толпѣ надоѣдаетъ,
Глядитъ-ли въ знать мой мальчикъ Францъ Пейрòнъ,
Былой-ли шутъ богатствомъ осыпàетъ
Своихъ коней, поклонниковъ и жёнъ. —
Дивится-ль міръ звѣздѣ Наполеона,
О Байронѣ-ль толкуетъ мнѣ Піитъ,
Философъ-ли премудрость Саломона
Всѣмъ пòровну современемъ сулитъ —
Тогда къ своимъ я щамъ и кашѣ
Мечтой восторженной лечу;
Дивлюсь какой-нибудь Малашѣ,
И хохочу.

III.

Въ былые дни, когда на дернъ атласный
Глядитъ сквозь тѣнь садовую луна,
И соловья съ кантатой сладострастной
Душа цвѣтовъ гармоніи полна. —
Когда, въ часы прогулки молчаливой,
Лилейныхъ рукъ я трепетъ ощущалъ,
Ловилъ очей огонь краснорѣчивый,
Улыбки блескъ душой подстерегалъ....
Пусть *нервъ* то было *раздраженье*;
Но *фактовъ* скаредныхъ меня
Тогда не грызло изученье,
И плакалъ я!

IV.

Теперь я зрю-ль невинное созданье,
Влекомое къ пороку нищетой;
Его спасу-ль, дамъ тѣлу одѣянье,
Дамъ сердцу жизнь — и новою-ль душой
Блеснетъ краса воскреснувшей лилеи,
И влюбится-ль творецъ-Пигмаліонъ,
И вдругъ потòмъ, о бѣгствѣ-ль Галатеи

Съ его слугой, услышитъ Селадонъ —
Тогда (будь сказано межъ нами),
Хоть я вздохнувъ и поворчу;
Но черезъ мигъ, пожавъ плечами,
Захохочу.

V.

Въ былые дни мнѣ душъ мечталось братство;
Я долго ждалъ: не встрѣтится-ль Пиладъ? —
Дѣлилъ-бы съ нимъ я бѣдность и богатство,
И за него точилъ-бы свой булатъ. —
Въ подлунномъ мірѣ Аббадона,
Химера въ немъ твой Абдіилъ!
Но я читалъ тогда Платона,
И слезы лилъ.

VI.

Теперь судьбы-ль я съ чадомъ повстрѣчаюсь,
Его птенцомъ изъ праха-ль извлеку,
Крестомъ-ли съ нимъ, съ безроднымъ помѣняюсь,
И братомъ-ли пришельца нареку. —
И если онъ, сей другъ, сей братъ крестовый
Меня пронзитъ кровавой клеветой;

Пришлетъ мнѣ казнь, иль тяжкія оковы,
И прибѣжитъ позоръ увидѣть мой:
— «Гдѣ-жь ты?... Спѣши взглянуть, лѣнивецъ!» —
Тогда я Каину вскричу
И, равнодушный несчастливецъ,
Захохочу.

VII.

И стало быть, такими-то судьбами,
Пускай съ дѣтьми толкуетъ Гераклитъ;
И стало быть, надъ зрѣлыми умами
Да царствуетъ Философъ Демокритъ!
Передъ комедіей лубочной
Я больше плакать не хочу;
И что-бъ ни сдѣлалось — нарочно
Захохочу!...

ДВА АНГЕЛА.

❋

——————— what glorious shape
Comes this way moving; seems another morn
Ris'n on mid-noon ———

Milton, Paradise Lost; B. V.

——————— sorrow seems
Half of his immortality———

L. Byron, Cain.

❋

XII.

I.

Есть Ангелъ; чистой красотою,
Какъ вешній блещетъ онъ цвѣтокъ,
Небесъ подъ утренней слезою
Свой распускающій шипокъ.
Его глава, какъ солнце Мая,
Окружена лучами Рая.
Въ его божественныхъ очахъ
Невинность разума сіяетъ;
На мелодическихъ устахъ,
Какъ лучь на розовыхъ листкахъ,

Любовь безсмертная играетъ.
Крылами тихо вѣетъ онъ —
И сферъ поющихъ милліонъ
Въ эѳирѣ радостно катится.
Ночная-ль пѣсня соловья,
Иль ропотъ дальняго ручья,
Какъ нектаръ въ душу вамъ струится: —
То съ нею Ангелъ говоритъ.
Устъ ароматныхъ-ли магнитъ,
Иль розы васъ влечетъ дыханье: —
То льется Ангела призванье.
Атласъ-ли дѣвственныхъ ланитъ,
Зажженный поцѣлуемъ жаркимъ,
Румянцемъ вспыхиваетъ яркимъ: —
То отблескъ ангельскихъ лучей
Со дна души наружу льется;
Сердечный голосъ — Ангелъ сей;
Онъ блещетъ въ магіи очей,
Онъ надъ младенцемъ спящимъ вьется.
Посланникъ Неба, мракъ земной
Онъ солнцемъ правды озаряетъ;
Прощать обиды научаетъ,
И міръ, для юности живой,
Въ поющій праздникъ превращаетъ.
Онъ дружбы чистый льетъ бальзамъ,
Онъ облегчительнымъ слезамъ
Страданья очи отверзаетъ.
Онъ узнику въ тюрьмѣ глухой

Горитъ звѣздою избавленья,
И грудь, пронзенную тоской,
Питаетъ манной утѣшенья!...

Когда божественный слѣпецъ
Пѣлъ человѣка совершенство:
Любви невинность, и блаженство
Двухъ первосозданныхъ сердецъ —
Не сей-ли Ангелъ солнце Рая
Очамъ души его казалъ,
И мракъ паденья разгоняя,
Предъ ней Эдемъ разоблачалъ?....

На лонѣ матери-природы
Онъ и мои младые годы
Когда-то розами вѣнчалъ;
Игру младенца золотую
Благословеньемъ оживлялъ,
И въ сердце юноши святую
Міровъ гармонію вдыхалъ!...

II.

Другой есть Ангелъ; бурной ночи
Его подобна красота;

Змѣинымъ жаломъ блещутъ очи;
Кровавымъ заревомъ уста.
Вѣнецъ, изъ острыхъ молній слитый,
Горитъ вкругъ гордаго чела,
И бѣлоснѣжныя ланиты
Думъ необъятныхъ кроетъ мгла.
Съ усмѣшкой онъ добро святое
У черной злобы зритъ въ когтяхъ;
Могильный червь, ничтожный прахъ —
Предъ нимъ величіе земное.
Вы громкой жаждете-ль молвы —
Онъ кажетъ цѣпь Наполеона;
Отчизнѣ-ль жизнь дарите вы —
Сверкаетъ чашей Фокіона.
Любви-ли васъ влечетъ магнитъ —
Онъ о Жокондѣ говоритъ;
Вы Сминдирида-ли судьбиной
Хотите вѣкъ понѣжить свой (*) —
Надъ вашей онъ, изъ розъ, периной
Вздымаетъ черепъ гробовой!...
Въ его фіалѣ медъ съ отравой —
Всемірной скорби Океанъ;
Чары — въ премудрости лукавой...
Струящій ненависть волканъ,

(*) Сибаритъ, знаменитый своей нѣгой и роскошью. — Извѣстна, между прочимъ, его мучительная безсонница отъ помятаго листка розъ, составлявшихъ его перину.

Онъ противъ брата вамъ влагаетъ
Въ десницу мстительный кинжалъ,
И хладнымъ пепломъ осыпаетъ
Любимый сердца идеалъ.
Предвѣчной бури бушеванье —
Его тлѣтворное дыханье..
Отпадшихъ звѣздъ крамольный царь,
То ядовитой онъ душою
Въ самомъ себѣ клянетъ всю тварь;
То Рай утраченный порою,
Безсмертной мучимый тоскою,
Какъ лебедь на лазури водъ,
Какъ арфа чудная поётъ....
На всѣ міры тогда струится
Его бездонная печаль:
Тогда чего-то сердцу жаль;
Невольныхъ слезъ ручей катится
Не гнѣва-ль Вѣчнаго фіалъ
Въ то время жжетъ воображенье,
И двухъ враждующихъ Началъ,
Душѣ не снится-ль примиренье?.....

Когда на крыльяхъ черныхъ думъ,
Далѐко отъ земнаго края,
Пространства бездны измѣряя,
Парилъ Гиганта мрачный умъ;
Міровъ померкшихъ надъ гробами

Ступени Вѣчности считалъ —
Не сей-ли Ангелъ бурь лучами,
Своими съ Каиномъ рѣчами
Тогда Поэта напиталъ? . . .
. . . .
. . . .

Съ тѣхъ поръ, какъ ты мой умъ туманный
О! грозный Ангелъ, посѣтилъ —
Какой-то голосъ дико-странный
Въ моей душѣ заговорилъ....
Съ тѣхъ поръ въ груди замерзли слёзы;
Гляжу на все съ усмѣшкой я,
И попираю жизни розы
Въ саду земнаго бытія!....

ЖАЖДА ПОКОЯ.

❋

O Ruhe! du sanftes Wort! Herbstflor aus Erden! Mondesschein des Geistes! du Abend der Seele! du stiller Hesperus des müden Herzens, der allzeit neben der Sonne der Tugend bleibt. — Der Mensch kann Alles werden was er werden soll, wenn er nur erst ruhig geworden ist.

J. P. Richter.

❋

XIII.

I.

О! если-бъ наконецъ во мглѣ судьбы моей
Блеснулъ привѣтный лучь агатовыхъ очей;
Въ мою-бъ струился грудь бальзамъ души влюблённой,
Въ полдневный часъ покой съ наклона липы сонной;
Когда-бы ласточки любили домикъ мой,
И пчелъ въ моемъ саду жужжалъ-бы шумный рой; —
Когда-бы въ тишинѣ блаженной сей дремоты
Я могъ угомонить души своей заботы;

Забвенный, все забыть, не мыслить, не желать;
Какъ травка, какъ цвѣтокъ пустынный прозябать;
Какъ луговой ручей немного полѣниться —
И въ землю, какъ ручей изсякшій возвратиться!

II.

Суеты мірской прельщеніе,
Въ полной чашѣ-ли твоей
Духъ мой сыщетъ утоленіе
Жажды пламенной своей!
Къ тучамъ грустнаго-ль изгнанія
Онъ подымется орломъ;
Для земнаго-ли жужжанія
Эхо въ сердцѣ есть моёмъ!

❋

Пусть, какъ волны моря шумнаго,
Ропщутъ страсти вкругъ тебя: —
До тщеславья ихъ безумнаго
Что тебѣ, душа моя!
Возносись, какъ розъ дыханіе,
Какъ органа звуки ты,
Крылья взявъ у созерцанія,
Къ солнцу Вѣчной красоты!

❋

Думы, небомъ вдохновенныя,
Твой терновый здѣсь вѣнокъ,
Льются тамъ, осуществленныя,
Какъ амврозіи потокъ.
Мудрость дружно улыбается
Тамъ невинности простой;
На цвѣтахъ любви ласкается
Къ нимъ негибнущій покой....

III.

О, Ангелъ мира,
Я за тобой,
Стезёй эѳира,
Лечу душой!
Какъ соколъ вольный
Плещусь раздольно
Въ его струяхъ.
Тамъ идутъ сферы
Въ златыхъ вѣнцахъ;
На крыльяхъ вѣры
Я отъ одной
Парю къ другой.
Ихъ хоръ согласный
Течетъ, какъ ясный
Надеждъ бальзамъ.
Существъ сліянье

И мірозданье —
Не тайны тамъ.
Что міръ мечтами
У насъ зоветъ —
Тамъ подъ лучами
Любви цвѣтетъ.
Въ предѣлѣ этомъ,
Упившись свѣтомъ,
Я въ морѣ благъ!

Тамъ, въ безпечальныхъ
Душа мечтахъ,
На музыкальныхъ
Небесъ волнахъ —
Отрадно дремлетъ;
И съ тѣхъ лишь волнъ
Ее пріемлетъ
Покоя чёлнъ!...

ОДИНОЧЕСТВО.

❊

Il faut que je vogue seul sur l'océan du monde.

Ballanche.

❊

XIV.

I.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ, и дрожитъ;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уныло крупный дождь въ окно мое стучитъ; —
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II.

Мнѣ грустно! догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Послѣдній красный блескъ надъ угольями вьется;

Мнѣ грустно! тусклый день ужь гаснетъ надо мной;
Ужь съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка внучатъ своихъ ласкаетъ;
У креселъ дѣдовскихъ красавица сидитъ —
И былямъ старины, работая, внимаетъ!

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долгія лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердцà, подъ ризою ночной,
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палящей нѣгѣ млѣютъ!

V.

Межь тѣмъ, какъ онъ кипитъ, мой одинокій умъ!
Какъ сердце сирое, обливишись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется!

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными дубами осѣненный;

Подруга милая и яркій камелёкъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный, —

VII.

О жаръ святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ моей!
Лучь Вѣры пламенной блесни въ ея пустынѣ;
Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей:
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца нынѣ!

VIII.

Пусть упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится;
Пускай сей мрачный долъ исчезнетъ предо мной;
Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится.

IX.

О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ!
Въ мірахъ надсолнечныхъ, пускай мой жадный слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ. . . .

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ,
Предъ трономъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;

Прочту символы тайнъ, пылающихъ на нёмъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ....

XI.

Пусть Саломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ эѳирѣ;
Поправъ земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ мірѣ!...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ѲРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Nov Dec 1987
We're Quality Bound